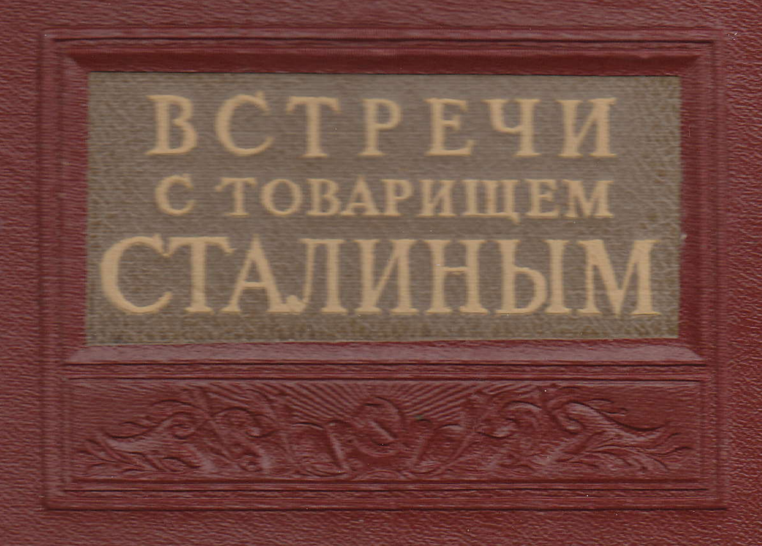
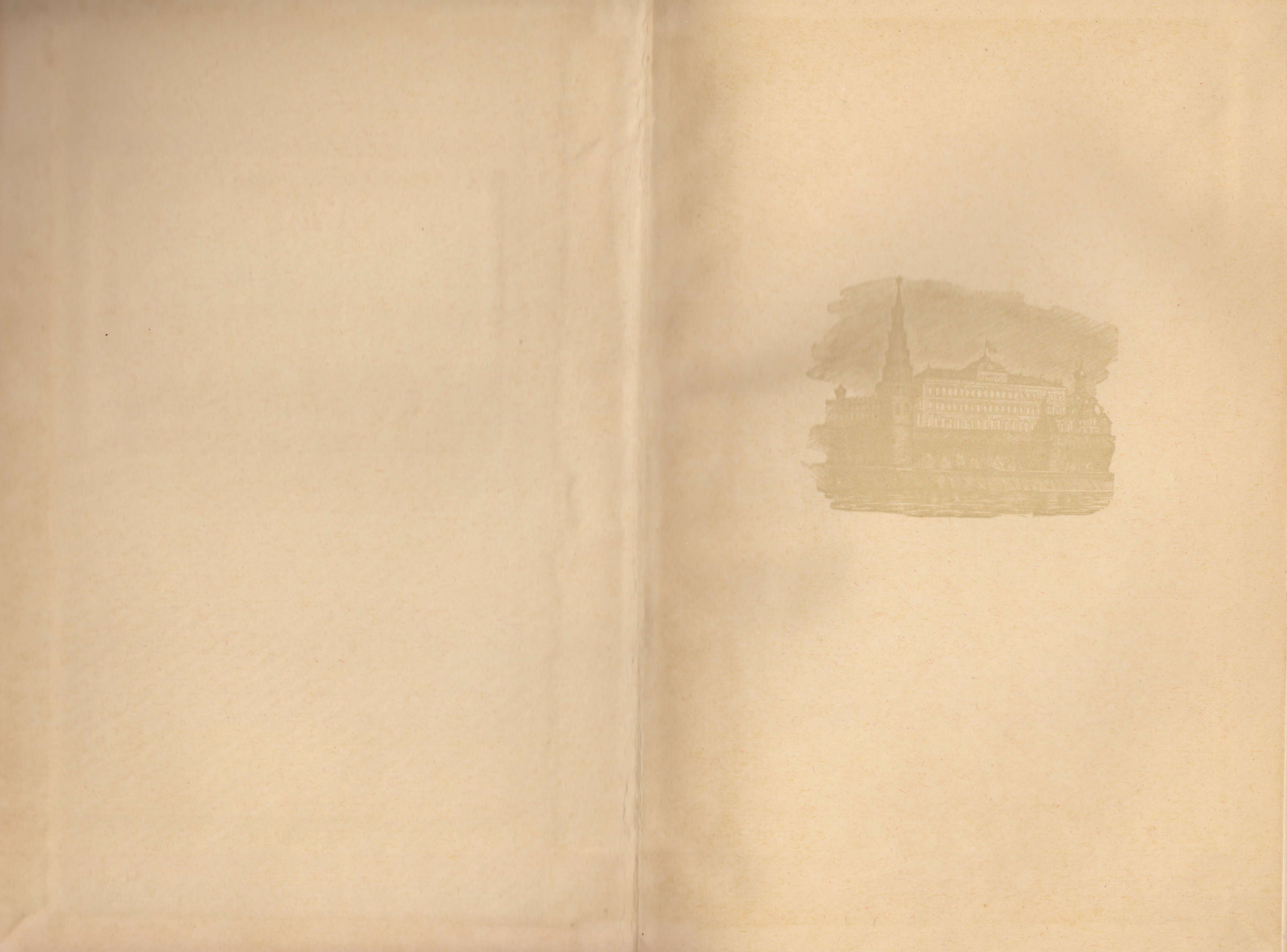
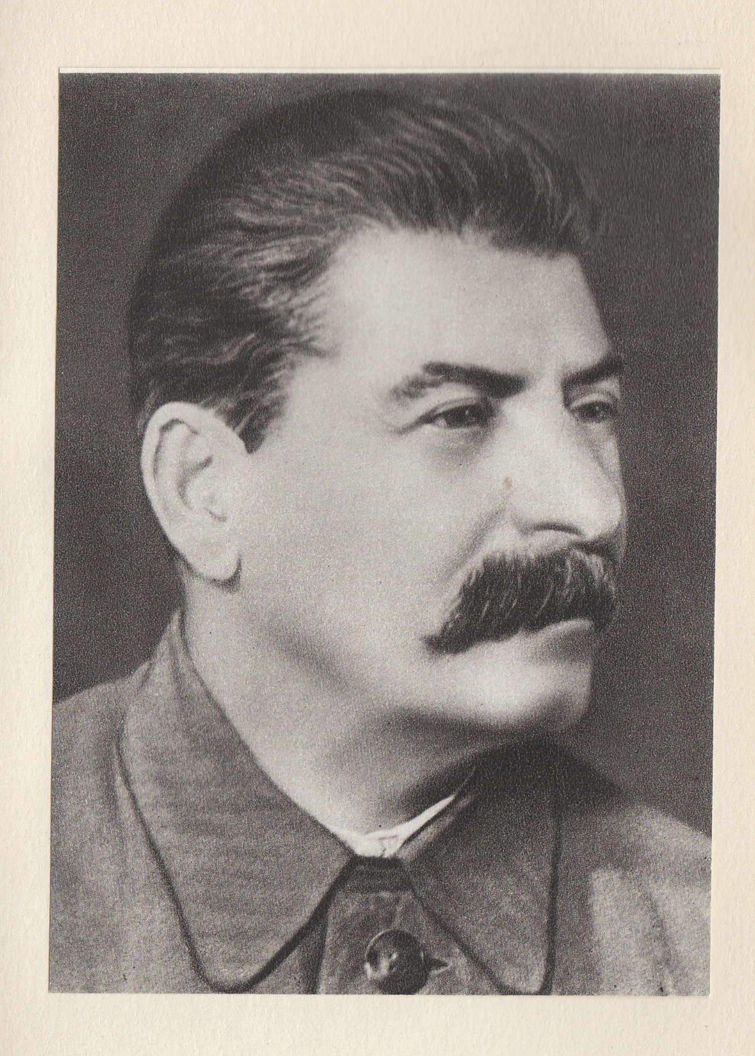

ВСТРЕЧИ С ТОВАРИЩЕМ СТАЛИНЫМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

И. Сталин.

ВСТРЕЧИ С ТОВАРИЩЕМ СТАЛИНЫМ

Под редакцией А. Фадеева

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1939

Ем. Ярославский

☆

СТАЛИН — ЭТО ЛЕНИН СЕГОДНЯ

В истории пролетарской борьбы две гигантские фигуры встали во весь рост в середине прошлого столетия—Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Они обобщили классовый опыт революционного движения всех стран и народов. Они переработали богатое наследство общественной мысли в области политической экономии, философии и социалистической теории. Они дали человечеству полное и стройное миросозерцание, «непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета»[1]. Они явились поэтому законными преемниками «лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма»[2]. Карл Маркс и Фридрих Энгельс создали первую коммунистическую организацию—«Союз коммунистов» и дали рабочему классу революционную программу мирового коммунизма — «Коммунистический манифест». Они создали I Интернационал, первое «Международное Товарищество Рабочих». Они были руководителями рабочего движения на протяжении десятков лет.

Маркс умер в 1883 году, когда в России только стала складываться первая марксистская организация—группа «Освобождение труда». Маркс мечтал о том, что новый Интернационал, который возникнет после разгрома и распада I Интернационала, после Парижской коммуны, будет Коммунистическим Интернационалом. Но его мечтам не суждено было сбыться.

---

[1] *Ленин*, т. XVI, стр. 349.
[2] *Там же.*

II Интернационал не стал коммунистическим. Его вожди в значительной степени стали на путь реформизма, повели борьбу против революционных идей Маркса и Энгельса, стали подменять это учение оппортунистическим учением о возможности мирного врастания в социализм, о возможности завоевания власти рабочим классом путем парламентской борьбы, о необходимости сотрудничества пролетариата с буржуазными правительствами. Они подвергли осмеянию идеи социалистической революции, проповедуя крохоборческое, бернштейнианское положение, что «движение—все, конечная цель—ничто». Они все сделали для того, чтобы погасить революционную энергию пролетариата, убаюкать его сказками о возможности бескровного перехода к социалистическому строю.

Маркс и Энгельс возлагали огромные надежды на развертывание революции в России. В царизме они видели самый сильный оплот международной реакции, свержение царизма они рассматривали как возможное начало, как толчок к революции на Западе. Марксистские идеи начали распространяться в России еще в 50-е годы, но тогда они не получили широкого распространения. Лишь с организацией группы «Освобождение труда» марксизм приобретает более широкое распространение, наносит серьезнейший удар народнической идеологии и начинает вытеснять народничество с арены политической борьбы. Однако плехановская группа «Освобождение труда», при всех ее бесспорных заслугах перед рабочим движением в России, «лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению»[1].

«Задачу соединения марксизма с рабочим движением в России, а также исправления ошибок группы «Освобождение труда» пришлось разрешить Ленину»[2].

Конец XIX и XX столетие дали миру две новые гигантские фигуры—В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Начиная с середины 90-х годов Ленин, тогда 22-летний марксист, становится во главе революционных социал-демократических кружков. Маркс и Энгельс нашли в Ленине своего гениального продолжателя. Один из членов петербургского марксистского кружка, ставшего впоследствии центром петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», В. В. Старков в своих воспоминаниях рассказывает, как поразил тогдашнюю революционную молодежь Ленин, к тому времени глубоко образованный марксист, обладавший богатым литературным и научным багажом, поражавшим и друзей и противников. Эту богатую научную эрудицию Ленин соеди-

[1] «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 17.
[2] *Там же.*

нял с организаторским талантом, с умением практически ставить важнейшие вопросы борьбы, с глубокой убежденностью в правоте своего дела, с беспредельной преданностью пролетарской революции и революционной страстью. Описывая одно выступление Владимира Ильича, Старков рассказывает:

«Я со своего места наблюдал, какое впечатление его речь производит на слушателей, и видел, что они совершенно опешили и долго не могли притти в себя. На другой день те мои знакомые, через которых нам удалось попасть на это собрание, говорили мне, что такой бешеной страстности и внутренней стойкости и убежденности им не только не приходилось видеть, но они и не представляли себе возможным ничего подобного. Наряду с этим они должны были отметить, что и такой стальной логики им также не приходилось встречать. Этим замечанием они подчеркнули еще одно разительное свойство: Владимир Ильич никогда не терял логической нити своих рассуждений и всегда полностью владел собой... Этого человека, непрерывно горящего пламенем революции и непрерывно переваривающего в своем мозгу все, что может иметь хотя бы косвенное отношение к поставленной им себе цели, я видел и на маленьких пропагандистских рабочих собраниях и в рабочих кружках. Надо было видеть, с каким огромным терпением и чуткостью к уровню понимания слушателей он развивал им теорию Маркса о стоимости и об основах буржуазного строя. И, надо сказать, рабочие платили ему за это данью огромного уважения и любви»[1].

В молодом Ленине воплотились лучшие черты Маркса и Энгельса. Так же добросовестно Ленин изучал мировое рабочее движение, такое же *глубокое уважение Ленин питал всегда к революционной теории* и прививал это уважение большевистской партии. Так же глубоко Ленин ненавидел всякую половинчатость, трусость мысли, боязнь довести выводы из фактов до конца. Таким же непримиримым был Ленин ко всяким врагам рабочего движения. Так же неустанно Ленин работал над сплочением пролетарских масс. Именно в силу этих своих качеств Ленин стал организатором нового, III Коммунистического Интернационала—Интернационала, о котором мечтали Маркс и Энгельс, который они стремились создать.

С конца 90-х годов другой молодой марксист—Иосиф Виссарионович Сталин в Закавказье начинает свою революционную деятельность, которая с первых же дней полностью созвучна деятельности Ленина, деятельности Маркса и Энгельса.

[1] «Красная новь» № 8 за 1925 г., стр. 112.

Ленин и Сталин начиная с конца 90-х годов являются для развития революционного движения новой эпохи—эпохи империалистических войн и пролетарских революций—тем, чем были для прошлого столетия Маркс и Энгельс.

Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», созданный Лениным, явился зародышевой ячейкой будущей большевистской рабочей партии. Большевистские организации в Закавказье, созданные Сталиным, явились передовыми организациями партии Ленина—Сталина и сыграли громадную роль в развитии рабочего революционного движения в России.

Петербургский «Союз борьбы» представлял, по выражению Ленина, первый серьезный *зачаток революционной партии, опирающейся на рабочее движение*. Это была первая ячейка будущего Коммунистического Интернационала.

Деятельность плехановской группы «Освобождение труда» значительно расчистила пути для распространения революционной теории марксизма. Ленин нанес сокрушающий удар народнической идеологии, он разоблачил перед рабочим классом существо реформистских попыток «экономистов» и «легальных марксистов» как агентуры буржуазии в рабочем движении. Ленин дал первый набросок программы рабочей партии, которая резко отличается от программы группы «Освобождение труда» и представляет собой значительный шаг вперед по сравнению с плехановскими проектами. В таких первых своих работах, как «Что такое «друзья народа», Ленин обосновал теорию социалистической революции (коммунистической революции) в России, наметил путь образования рабочей партии, выдвинув перед рабочим классом одну из важнейших идей—идею создания союза рабочих и крестьян. Он обосновал еще в 90-х годах прошлого столетия идею гегемонии пролетариата в рабочем движении и идею перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Он защитил против оппортунистов важнейшее программное требование революционного марксизма—диктатуру пролетариата.

Ленин дал нам учение о партии нового типа—«партии боевой, партии революционной, достаточно смелой для того, чтобы повести пролетариев на борьбу за власть, достаточно опытной для того, чтобы разобраться в сложных условиях революционной обстановки, и достаточно гибкой для того, чтобы обойти все и всякие подводные камни на пути к цели»[1].

Ленин дал обоснование программы, организации, стратегии и тактики рабочей партии в важнейших своих трудах:

[1] «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 338.

«Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики», «Материализм и эмпириокритицизм».

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» товарищ Сталин дал замечательную оценку этих основных трудов Ленина: «Книга Ленина «Что делать?» была *идеологической* подготовкой такой партии. Книга Ленина «Шаг вперед, два шага назад» была *организационной* подготовкой такой партии. Книга Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» была *политической* подготовкой такой партии. Наконец, книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» была *теоретической* подготовкой такой партии»[1].

Ленин обосновал и развил дальше учение Маркса и Энгельса *о военном искусстве вооруженного восстания* и блестяще применил это учение на опыте трех революций в России. Ленин обосновал *учение о советах* как органах революционного восстания и органах революционной власти. Ленин показал во весь рост значение *национального* вопроса, выдвинув еще в 1895 году в проекте программы требование права наций на самоопределение, Ленин в период империалистической войны в противовес оппортунистической гильфердинговской теории империализма дал свое, *марксистское, научное обоснование учения об империализме* как последней стадии капитализма, как эпохи загнивания и распада капитализма.

На основе изучения истории капитализма после Парижской коммуны Ленин вывел *закон о неравномерности и скачкообразности развития отдельных капиталистических стран в эпоху империализма*, и, исходя из этого закона, он сделал вывод *о возможности победы социализма в одной стране и невозможности одновременной победы социализма во всех странах*.

Ленин поднял *на новую ступень учение о диалектическом материализме*. «То, что дано в методе Ленина, в основном уже имелось в учении Маркса, являющемся, по словам Маркса, «в существе своем критическим и революционным». Именно этот критический и революционный дух проникает с начала и до конца метод Ленина. Но было бы неправильно думать, что метод Ленина является простым восстановлением того, что дано Марксом. На самом деле метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики»[2].

Ленин явился основателем Коммунистического Интернационала и разработал в основном программные, организаци-

[1] «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 136.
[2] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 13, изд. 11-е.

онные и тактические принципы деятельности коммунистических партий. На четырех первых конгрессах Коммунистического Интернационала Ленин в своих выступлениях определил направление деятельности рабочего класса в различных странах, нанеся удары всем врагам революционного марксизма-ленинизма.

Ленин явился первым организатором первого в мире социалистического советского государства. Он обосновал идеи государства, политическую основу которого составляют советы рабочих и крестьянских депутатов. Он *подвел итоги учению Маркса о роли государства* и обосновал сохранение государства в период перехода от социализма к коммунизму. Он выработал программу коммунистической партии как программу этого переходного периода. Все свои силы Ленин положил на то, чтобы обеспечить оборону, защиту этого государства от капиталистического окружения. Он разработал, хотя и первые, черновые наброски построения базы социалистической экономики, электрификации, индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства; но это были именно первые, черновые наброски.

Ленин в своих работах дал огромный материал для создания марксистской истории, в особенности истории капиталистической эпохи. Его труды по истории развития капитализма в России, по аграрному вопросу, по истории рабочего движения 1905 года, периода реакции и нового подъема, его статьи периода империалистической войны, 1917 года и периода гражданской войны представляют собой неоценимый материал для каждого историка. По этим статьям можно восстановить историю целой эпохи, при этом историю, ярко и глубоко освещенную светом марксистско-ленинской науки, блестящим знанием отдельных ее этапов, блестящими характеристиками деятелей той или иной эпохи.

Личный непререкаемый авторитет Ленина как вождя рабочей партии, его непримиримость к врагам социализма, его скромность в личной жизни, его глубочайшая преданность революционному делу, его гениальное умение в каждый данный момент ухватиться за то звено, которое тянет всю цепь за собой, его прозорливость, основанная на применении великого учения Маркса к фактам и событиям, выдвинули Ленина на роль великого вождя всего современного революционного движения. Смерть его явилась величайшей утратой для всего человечества.

Так же как Ленин в 90-х годах поднял знамя Маркса и Энгельса и бесстрашно прошел с этим знаменем, сплачивая вокруг себя массы, к победоносной социалистической пролетарской революции, так Сталин взял это знамя в свои руки,

с тем чтобы повести партию большевиков и весь советский народ к полной и окончательной победе коммунизма. Под этим знаменем товарищ Сталин борется с юношеских дней, с 15 лет, когда он примкнул к революционному движению. Под этим знаменем с конца 90-х годов товарищ Сталин вместе с Лениным строил большевистскую партию. Вместе с Лениным, никогда не отступая от линии марксизма-ленинизма, прошел он все трудности борьбы трех революций, гражданской войны, восстановительного периода. Вместе с Лениным разрабатывал вопросы революционной теории и революционной практики рабочей партии. Вместе с Лениным руководил партией и революционной борьбой пролетариата. Вместе с Лениным товарищ Сталин строил первое в мире социалистическое советское государство. Вместе с Лениным организовал защиту этого государства от многочисленных врагов. Вместе с Лениным товарищ Сталин строил Коммунистический Интернационал. Партия знала, что знамя Маркса—Энгельса—Ленина в верных руках. Напрасно враги пытались поколебать ряды партии и повести ее по другому пути. Партия пошла за товарищем Сталиным, и в этом—объяснение тех величайших успехов, какие имеет страна социализма.

☆

В своей книге «Сталин» Анри Барбюс дал замечательный портрет товарища Сталина, «человека с головою ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата».

«История его жизни,—пишет Анри Барбюс,—это непрерывный ряд побед над непрерывным рядом чудовищных трудностей. Не было такого года, начиная с 1917, когда он не совершил бы таких деяний, которые любого прославили бы навсегда. Это—железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин—сталь. Он несгибаем и гибок, как сталь. Его сила—это его несравненный здравый смысл, широта его познаний, изумительная внутренняя собранность, страсть к ясности, неумолимая последовательность, быстрота, твердость и сила решений, постоянная забота о подборе людей.

После смерти человек живет только на земле. Ленин живет всюду, где есть революционеры. Но можно сказать: ни в ком так не воплощены мысль и слово Ленина, как в Сталине. Сталин—это Ленин сегодня»[1].

Товарищ Сталин становится марксистом, еще будучи в духовной семинарии города Тбилиси. С юношеских лет в нем

[1] *Анри Барбюс,* Сталин, стр. 351—352, 1936 г.

поднимается бурный протест против мракобесов всех родов. Его пытливый ум, его натура резко протестует против того «порядка», который создал царизм. Революционные идеи марксизма падают на богатую, плодотворную почву, дают пышный расцвет.

В 16—17 лет товарищ Сталин является уже пропагандистом—сначала в ученических, а затем в рабочих кружках. С первых шагов своей деятельности, сблизившись с такими людьми, как Ладо Кецховели, Саша Цулукидзе, Виктор Курнатовский, Миха Цхакая, он становится организатором первых марксистских кружков, борющихся против оппортунистического крыла месамедасистов. Он жадно впитывает в себя передовые идеи своего века. Как у Маркса и Энгельса, у колыбели его социалистического развития стоит Людвиг Фейербах, Гегель. Он жадно усваивает идеи марксизма, развитые в «Капитале» Маркса и в марксистских работах Плеханова. Его политическая мысль формируется под непосредственным влиянием первых работ Ленина. Товарищ Сталин становится организатором и вождем *искровских* большевистских организаций в Тбилиси, Батуми, Баку, Кутаиси и ряде других центров революционной борьбы Закавказья.

Уже в период первой революции он тесно связан с Лениным и становится его помощником в борьбе за победу большевизма.

В этот ранний период первой революции в России и последовавший затем период реакции товарищ Сталин развертывает громадную теоретическую деятельность. Его брошюры «Вскользь о партийных разногласиях», «Две схватки», его статьи «Социализм и анархизм», «Как понимает социал-демократия национальный вопрос» и ряд других статей в нелегальной большевистской печати, в значительной степени созданной товарищем Сталиным в Закавказье,—это блестящее изложение и защита идей марксизма-ленинизма, это блестящее приложение учения исторического материализма к фактам революционной борьбы в России и в частности в Закавказье.

Он руководит демонстрациями и стачками рабочих в Тбилиси, Батуми, Баку, организует подпольные типографии, выступает на бесчисленных митингах, участвует в дискуссиях с меньшевиками, эсерами, анархистами и националистами, нанося им сокрушительные удары.

Вот митинг в мае 1905 года, где идет дискуссия между марксистами и анархистами. Один из присутствовавших на этом собрании—Кекелидзе вспоминает: «Открывается митинг. Первым выступает Коба. Развернулись большие прения... Тогда как каждый противник ругался и «бесился», тов. Коба спокойно и непоколебимо разрушал и уничтожал все положения

противников. Таким образом, и здесь победили большевики: рабочие единогласно поддержали тов. Коба» [1].

Полиция охотится за товарищем Сталиным и арестовывает его. Но он и в тюрьме, будучи пленником, ведет себя как непримиримый, непоколебимый солдат революции. Тюремные решетки не могут помешать товарищу Сталину вести революционную работу. В тюрьме он ведет политическую работу среди заключенных. Он, как и Ленин, связывается с оставшимися на воле товарищами и помогает им продолжать борьбу.

Сосланный в Сибирь, он бежит оттуда, возвращается снова к революционной работе. Его через некоторое время снова бросают в тюрьму, снова гонят в ссылку, и снова он бежит туда, где кипит революционная борьба, где нужна его организаторская мысль, где нужно его революционное слово. Он организует массы на вооруженное восстание в 1905 году. Вооруженное восстание разбито. Меньшевики оплевывают это восстание и, крепкие задним умом, провозглашают устами Плеханова: «Не надо было браться за оружие».

Вместе с Лениным товарищ Сталин борется против этой предательской, оппортунистической линии меньшевиков. Он вскрывает причины поражения революции, для того чтобы показать, как в будущем избежать ошибок, допущенных в первой революции, как усилить организацию пролетариата, чтобы добиться победы.

В разгар реакции после поражения первой революции товарищ Сталин организует в Баку рабочие массы на борьбу, и когда вся страна охвачена могильным покоем, установленным столыпинскими заплечных дел мастерами, в Баку выходят революционные газеты, в Баку под руководством товарища Сталина рабочие ведут борьбу с капиталистами.

У товарища Сталина всегда сильно *чувство нового*, он особенно чуток к процессам, происходящим в народных массах. Будучи в сольвычегодской ссылке, товарищ Сталин накануне 1911 года в письме намечает план дальнейшей борьбы, план оживления революционной работы, он готов в любой момент, как только потребует этого партия, «сняться»—бежать из ссылки.

Будучи заочно выбранным в Центральный комитет и в Русское бюро ЦК на VI Всероссийской (Пражской) конференции в январе 1912 года, товарищ Сталин является организатором «Правды», этого замечательного большевистского органа, сыгравшего огромную роль не только в рабочем движении России, но и во всем мировом рабочем движении.

---

[1] *Берия*, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 38, 1937 г.

В период нового подъема товарищ Сталин развертывает свои силы как руководитель партийной работы в России. Он пишет статью «Марксизм и национальный вопрос», о которой с такой теплотой и любовью писал Ленин Горькому.

Незадолго до войны царское правительство арестовывает товарища Сталина в шестой раз и отправляет его за Полярный круг, в Туруханский край.

На целый ряд стран страшной лавиной обрушивается первая мировая империалистическая война. Большевистская партия не растерялась перед напором шовинизма, она одна правильно оценила действительность. Товарищ Сталин в далекой ссылке безошибочно, по-ленински определяет значение этой войны и ведет борьбу против шовинистов, против оборонцев.

Революция, свергнувшая царизм, дает возможность товарищу Сталину вернуться к революционной деятельности. Он из ссылки приехал в Петербург раньше Ленина, который не имел возможности сразу вернуться в Россию, а некоторое время вынужден был искать путей для этого. В этот ответственнейший исторический момент товарищ Сталин своими статьями направляет внимание и деятельность партии к намеченной цели—подготовке рабочего класса ко второму этапу революции—социалистической революции.

Роль товарища Сталина в 1917 году как организатора победы Октябрьской социалистической революции огромна. Партия большевиков—одна против всех других партий. Она немногочисленна: она насчитывает в начале 1917 года менее 50 тысяч человек. И все же она уверена в том, что возможен переход ко второму этапу революции—социалистической революции. Под руководством Ленина и Сталина сплачивается большевистская армия пролетариата. Шаг за шагом большевики завоевывают позиции в советах, городских думах, массовых организациях рабочего класса, в армии, во флоте.

Растущее влияние большевиков вызывает тревогу в стане врагов, пытающихся потопить в крови передовые отряды революции, разгромить движение. Июльские дни—это поворотный пункт в движении, когда становится уже невозможным мирный исход борьбы и партия готовится к восстанию.

Шестой съезд партии, происходивший нелегально под руководством товарища Сталина, нацеливает партию и рабочий класс на вооруженное восстание, на социалистическую революцию. В этот период во весь рост встает фигура товарища Сталина как организатора сил революции. Вместе с Лениным товарищ Сталин организует победу Октябрьской социалистической революции.

В организации Советского государства товарищ Сталин с первых дней принимает огромное участие как народный ко-

миссар по делам национальностей и как народный комиссар Рабоче-крестьянской инспекции. Ни на один день не ослабляет товарищ Сталин при этом своей теоретической деятельности.

Новая обстановка требует освещения целого ряда новых вопросов. В разработке всех важнейших документов эпохи, относящихся к организации Советского государства и созданию многонационального Советского государства, товарищ Сталин принимает непосредственное участие: в таких документах, как «Декларация прав народа», как выработка проекта Конституции РСФСР и Конституции СССР, в решениях по национальному вопросу на Апрельской конференции 1917 года, на X и XII съездах партии, на IV Национальном совещании,—вплоть до выработки новой, Сталинской Конституции. Товарищ Сталин проявляет глубочайшее понимание национального вопроса, величайший такт, и этим товарищ Сталин подымает в глазах масс самых различных национальностей авторитет всей партии большевиков: они видят, как товарищ Сталин именем партии защищает интересы многонационального государства, защищает интересы малых народов, борется как против великодержавного шовинизма, так и против местного национализма, конкретно помогает уничтожать разницу между отставшими в своем развитии народами и теми, кто ушел вперед.

В самые трудные моменты в жизни молодого государства, в период гражданской войны, товарищ Сталин становится организатором снабжения продовольствием всего населения, а затем организатором и полководцем Красной Армии и проявляет в этом деле гениальнейшие способности. Он грудью своей защищает Страну советов на всех фронтах.

Он ведет эту работу бок о бок, плечом к плечу с Лениным. Он заменяет Ленина, раненного бандитским выстрелом эсерки Каплан, он заменяет Ленина, сраженного болезнью. Он отражает атаки многочисленных врагов, пытавшихся свернуть партию с ленинского пути. Он защищает умело, стойко, непримиримо знамя Ленина, знамя марксизма-ленинизма. Он воспитывает партию в духе непримиримой ненависти ко всем извратителям марксизма, ко всем его врагам.

Смерть вырывает из наших рядов Владимира Ильича Ленина. Ни на один момент партия не дрогнула, ибо во главе ее пошел тот, кто вместе с Лениным строил партию, укреплял ее и защищал, кто обосновал вместе с Лениным великое учение марксизма-ленинизма.

В основу своей деятельности товарищ Сталин берет великое учение марксизма-ленинизма. Это наследство он защищает от всех врагов. Он его самостоятельно развивает в новой обстановке, как Ленин развивал учение Маркса—Энгельса.

Ленин умирает, когда новая экономическая политика, политика социалистического наступления, дала лишь первые свои результаты. Это было начало нэпа.

Огромную работу в деле социалистического наступления выполняет вся Страна советов под руководством партии большевиков, под руководством товарища Сталина.

На пути этого социалистического наступления стоят многочисленные враги. Отдельные вражеские отряды проникли в партию большевиков. Товарищ Сталин воспитывает партию и всю страну в духе непримиримой ненависти к этим врагам: троцкистам, «левым коммунистам», правым, националистам. Товарищ Сталин помогает партии до конца их разоблачить и изгнать из своих рядов. Этот разгром всех антиленинских групп—важнейшее условие успешности социалистического наступления.

Товарищ Сталин разрабатывает подробнейший план социалистического наступления на путях нэпа. Этот план, изложенный лишь в самых общих чертах Лениным, разработан во всех деталях и проведен в жизнь товарищем Сталиным. Социалистическая реконструкция всего народного хозяйства на основе сталинских пятилеток; создание мощной социалистической промышленности; разработка и проведение в жизнь плана сплошной коллективизации сельского хозяйства; ликвидация паразитических классов и самого многочисленного отряда буржуазии, кулачества,—все это проведено под руководством товарища Сталина.

Под его руководством и по его инициативе произведена социалистическая реконструкция городов. Эпоха товарища Сталина—это эпоха грандиозных социалистических сооружений: первого в мире по красоте московского метро, постройка Днепрогэса, Беломорского канала, канала Волга—Москва, начало разворота строительства Большой Волги, освоение Северного морского пути, завоевание Северного полюса, начало строительства самого грандиозного памятника зодчества—Дворца советов, разворот строительства мощных ирригационных сооружений, как Вахшское строительство, Большой Ферганский канал имени товарища Сталина, Зангезурская электростанция и целый ряд других.

Страна советов должна стать богатой страной, страной изобилия. Надо вскрыть могучие недра земли, надо, чтобы она щедро давала стране тепло, свет, металлы, хлеб, плоды. И вот по инициативе товарища Сталина создается «Второе Баку», «Второй Донбасс», осваивается Кольский полуостров, богатства Заполярья, тундр, сибирской тайги, дальневосточных просторов, кавказских гор. Под руководством товарища Сталина развертывается могучее *стахановское движение*, выращиваются

многочисленные кадры советских строителей социализма. Каждый шаг этого движения вперед обязан вниманию товарища Сталина, его непосредственной деятельности в деле воспитания этих кадров, поощрения их, выдвижения новых и новых людей.

Товарищ Сталин борется за то, чтобы обеспечить выращивание здорового молодого поколения. Заботы о матери и ребенке, о школе и школьниках, о молодежи, о теоретическом и техническом вооружении молодого поколения занимают значительное место в работе товарища Сталина.

Не менее значительна его забота о том, чтобы обеспечить действительное раскрепощение и равноправие женщины в СССР—в колхозе, в школе, на промышленных предприятиях, на общественной работе. И миллионы трудящихся женщин отвечают на эту заботу великой любовью к своей родине и к ее вождю—товарищу Сталину.

Никто так хорошо не знает страну и людей нашей страны, как товарищ Сталин. Он обращает внимание на необходимость создания новой, советской интеллигенции и обосновывает новую теорию об интеллигенции, нанося сокрушительный удар остаткам махаевщины, пренебрежению к кадрам интеллигенции.

Он заботится о подъеме теоретического уровня советских кадров. Его борьба за советскую социалистическую культуру и науку помогает создать расцвет этой культуры и науки во всех областях. Он поднимает на огромную высоту науку в СССР, поощряет новаторов в науке, поддерживает их, и наука отплачивает стране за это внимание новыми завоеваниями. Создаются условия для плодотворной деятельности новаторов в науке: Павловых, Циолковских, Цициных, Лысенко, Державиных.

Благодаря помощи и неустанному вниманию товарища Сталина рабочие на предприятиях и колхозники показывают примеры невиданной при капитализме производительности труда.

Вся эта борьба требует огромной теоретической работы. Все вопросы борьбы за победу социализма приковывают к себе внимание товарища Сталина. Он дает теоретическое обоснование каждому шагу движения вперед. А эти вопросы огромного мирового значения, они встанут перед победившим пролетариатом во всех странах: победа социализма в одной стране; социалистическая реконструкция народного хозяйства; индустриализация и коллективизация страны; создание великого содружества народов—национальный вопрос; вопрос о государстве при социализме и коммунизме в капиталистическом окружении; воспитание кадров; разработка новой, Сталинской Конституции. Вся эта огромная теоретическая работа выполнена

товарищем Сталиным после смерти Ленина. Это ценнейший вклад в сокровищницу марксистско-ленинской науки, это огромный шаг вперед в развитии марксистско-ленинской теории.

Могучая страна социализма развивается в условиях капиталистического окружения. На пяти шестых земного шара продолжает существовать капитализм. Парижская коммуна (1871 г.) нанесла первый удар капитализму. Великая Октябрьская социалистическая революция «нанесла мировому капитализму смертельную рану, от которой он никогда не оправится больше» *(Сталин)*. Противоречия, раздирающие капиталистический мир, становятся все более острыми и глубокими.

Первая мировая империалистическая война, закончившаяся крушением династий Романовых, Гогенцоллернов, Габсбургов и турецкого султаната, не разрешила этих противоречий.

Через двадцать лет после Версальского мира стала неизбежной вторая империалистическая война, приведшая уже в самом начале к крушению и распаду польского государства, к усилению центробежных движений в колониальных странах.

В 1939 году были освобождены народы Западной Украины и Западной Белоруссии, вошедшие в состав СССР и воссоединенные с УССР и БССР. Это стало возможным благодаря последовательному проведению в жизнь ленинско-сталинской национальной и международной политики.

Товарищ Сталин огромную долю своего внимания уделял созданию Красной Армии, созданию могучей обороны Страны советов. Он учил и учит нас, что, пока существует капиталистическое окружение, немыслима окончательная победа коммунизма.

Товарищ Сталин помог вооружить нашу страну первоклассной военной техникой—наземной, воздушной и морской.

Созданная под руководством товарища Сталина могучая Красная Армия является вернейшим оплотом первой в мире страны социализма. И не раз уже с возгласом: «За родину, за Сталина!», бойцы Красной Армии показывали всему миру силу советского патриотизма.

Но не менее велика заслуга товарища Сталина в вооружении большевистской партии, комсомола, всех трудящихся сильнейшим оружием, идейным оружием—марксизмом-ленинизмом. Великое теоретическое наследство Маркса—Энгельса—Ленина товарищ Сталин приумножил, создав целый ряд важнейших научных трудов. Его книга «Вопросы ленинизма»—это настольная книга каждого сознательного строителя социализма, ибо в ней сконцентрировано обоснование всего нашего большевистского пути.

Благодаря деятельности товарища Сталина создан такой замечательный труд, как «Краткий курс истории ВКП(б)», который является энциклопедией большевизма, который дал толчок научной исторической мысли, образец изложения истории целой эпохи. Как в работах Ленина, так и в работах Сталина мы находим мастерское, глубоко обоснованное, теоретически осмысленное освещение исторического процесса, обоснование всей борьбы советского народа за социализм.

Вот почему товарищ Сталин пользуется огромным авторитетом во всех слоях трудящихся масс. Вот почему имя его далеко за пределами СССР миллионами трудящихся произносится как имя вождя народов. Вот почему так велика любовь к нему самых разнообразных слоев трудящихся. Вот почему так велико уважение к товарищу Сталину, как к человеку науки, неустанного труда, творческой мысли, революционного дела.

Его работоспособность поистине громадна. Для него нет ничего выше, как работать на пользу народа, служить народу, помогать ему двигаться вперед, к делу социализма.

И ко дню его шестидесятилетия вся наша страна, миллионы трудящихся всего мира приносят ему свою благодарность, свою любовь и свои искренние пожелания долгой плодотворной жизни. Ибо мы все уверены в том, что под знаменем Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, под гениальным руководством товарища Сталина не только наша страна придет к вершинам коммунизма. Мы глубоко убеждены в том, что деятельность товарища Сталина облегчит и ускорит победу коммунизма во всем мире.

А. Стаханов

Депутат Верховного Совета СССР

☆

НАШ ОТЕЦ

Мне всегда казалось, что я знаком с товарищем Сталиным. Это было и в те времена, когда я не только ни разу не видел товарища Сталина, но даже не решался думать, что мне выпадет счастье беседовать с великим вождем. Ведь товарищ Сталин один, а нас миллионы...

Образ товарища Сталина давно запечатлелся в моей памяти и в моем сердце как образ родного и близкого человека. Я, как и мои товарищи-шахтеры, прислушивался к каждому слову товарища Сталина. Каждую речь его, напечатанную в газете, я по многу раз перечитывал, так что некоторые фразы знал наизусть. Особенно любимыми для меня сначала были слова «техника решает все», а позже: люди—самый ценный капитал.

Речь товарища Сталина на выпуске академиков Красной Армии, где говорилось о том, что люди, овладевшие техникой, могут творить чудеса, была сказана в мае 1935 года. Много было у нас по этому поводу переговорено и передумано. У каждого в мыслях было желание показать, на что способны советские люди, овладевшие техникой. Так родился и мой рекорд в ночь с 30 на 31 августа 1935 года.

А вскоре я сам увидел и услышал товарища Сталина.

Произошло это так.

В начале ноября 1935 года я приехал в Москву. Меня пригласили на празднование XVIII годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Приехало много гостей с разных концов страны. Здесь я встретил товарищей, которых знал по газетам, и познакомился с Александром Бусыгиным, Дусей Виноградовой, Марусей Виноградовой, Николаем Сметаниным и другими героями труда.

Все мы, разумеется, с нетерпением ждали дня 7 ноября, когда будем на Красной площади и где наверняка встретим товарища Сталина.

Днем 6 ноября мы встретились с москвичами. Нас пригласил к себе руководитель московских большевиков Никита Сергеевич Хрущев, наш земляк, бывший донецкий шахтер. А вечером мы были в Большом театре на торжественном собрании московских организаций, посвященном XVIII годовщине Октябрьской революции. И тут-то я увидел впервые в своей жизни родного товарища Сталина и его соратников, увидел днем раньше, чем думал. В Большом театре мне все нравилось, привлекала его красота, но я глаз не отрывал от товарища Сталина. Мне очень хотелось быть ближе к нему, пожать ему руку, поговорить с ним. Я всматривался в товарища Сталина, следил за каждым его движением. Я думал: «Вот тот человек, увидеть которого каждый из нас считает счастьем, человек, который всю жизнь работал рядом с Лениным, человек, который всем нам дорог, как сама жизнь». Сталин был одет в простую серую тужурку. Он разговаривал с товарищами в президиуме и весело улыбался. И мне было радостно на него глядя.

7 ноября я был на Красной площади. Пришли мы сюда очень рано: боялись опоздать. Площадь была еще как бы в тумане. Мы заняли свои места на трибуне и стали ждать. Около 10 часов утра в одном конце трибуны раздались аплодисменты. Мы повернули туда головы. Шел Сталин, окруженный своими ближайшими соратниками. Они поднялись на мавзолей. Все, кто был на площади, старались как можно лучше разглядеть товарища Сталина. Я испытывал волнение и радость.

Из кремлевских ворот на коне выехал Климент Ефремович Ворошилов, и вскоре начался парад.

8, 9 и 10 ноября мы осматривали Москву, посещали заводы, а 11 ноября все гости столицы совершили экскурсию в Кремль. Нас было много, и мы разбились на три группы. В одной группе—наша донецкая делегация, в другой—ленинградские товарищи вместе с Дусей и Марусей Виноградовыми, в третьей группе—ударники Украины и Московской области.

Кремль нам очень понравился. Мы осмотрели Оружейную палату, собор, царь-пушку, царь-колокол и кремлевские площади.

Когда мы вернулись в гостиницу, я узнал, что украинские и московские стахановцы встретились во время экскурсии с товарищами Сталиным и Орджоникидзе. Я страшно жалел, что меня не было среди этих экскурсантов. А было, как они потом рассказывали, следующее.

После осмотра Оружейной палаты украинские и московские стахановцы направились к царь-пушке. У самой пушки неожи-

давно встретили Орджоникидзе и подошли к нему. Кто-то сказал:

— Мы стахановцы, делегаты в столицу.

Орджоникидзе тепло с ними поздоровался, каждому пожал руку и каждому представился:

— Серго Орджоникидзе.

Среди стахановцев выделялась старая, заслуженная ткачиха Глуховской фабрики Каванина. Ей 71 год, и из них она 61 год работает ткачихой. Орджоникидзе спросил ее:

— Где работаете?

— На Глуховской работаю; мне более 70 лет, а я все работаю, тку шелк на парашюты.

Орджоникидзе одобрительно покачал головой и, улыбаясь, сказал:

— Виноградова молодая, а побивает?!

Каванина посмотрела лукаво и говорит:

— И у нас найдутся такие ткачихи, которые их побьют...

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь,—проговорил Орджоникидзе.

К нему обратилась Каванина:

— Где бы мне Сталина повидать? Раз я Сталина не видела, что я буду дома говорить, когда вернусь? Мне бы посмотреть его.

— Увидишь еще, увидишь,—успокоил бабушку товарищ Орджоникидзе, попрощался и ушел.

Экскурсанты задержались немного у царь-пушки, послушали объяснения и направились дальше, к царь-колоколу. Вдруг они увидели возвращающегося Орджоникидзе. Через минуту показался автомобиль, он остановился близ Орджоникидзе, и из него вышел товарищ Сталин. Стахановцы начали горячо аплодировать. Товарищи Сталин и Орджоникидзе шагали к ним.

Каванина подошла к товарищу Сталину, крепко пожала ему руку и сказала:

— Батюшки, наконец-то я увидела нашего мудрого, великого...

От радости она не могла говорить. Товарищ Сталин улыбнулся и, пожимая ей руку, сказал:

— Самый обыкновенный человек...

Каванина со слезами на глазах проговорила:

— Теперь и умирать можно.

Товарищ Сталин ответил:

— Чего вам умирать?! Вы поработаете...

Все окружили товарища Сталина тесным кольцом и горячо ему аплодировали. Товарищ Сталин распрощался с товарищами и ушел.

Когда я прослушал рассказ товарищей, беседовавших со Сталиным, я позавидовал им, но теперь уже не терял надежды, что когда-нибудь и мне удастся поговорить с товарищем Сталиным.

На следующий день мы собрались уезжать из Москвы. На руках у нас уже были билеты. Неожиданно нам звонят в гостиницу, чтобы мы билеты вернули, из Москвы не уезжали, так как нас приглашает к себе товарищ Орджоникидзе.

У Серго мы пробыли несколько часов. Он очень тепло с нами беседовал, обо всем расспрашивал. Серго назвал стахановцев советскими богатырями. Когда кончилась беседа, товарищ Орджоникидзе сказал, что мы еще встретимся с товарищем Сталиным, который очень интересуется стахановским движением. Он хочет нас повидать, послушать. Когда Серго сказал про товарища Сталина, у меня сильнее забилось сердце.

И вот этот день наступил—день 14 ноября. Едем в Центральный комитет партии. В машине тихо—все о чем-то думают. А думают, наверное, об одном: каков Сталин, что он спросит, что скажет.

Приехали. Вошли в зал. Быстро уселись; каждый старался занять место ближе к столу президиума, так как знал, что за этим столом будет сидеть товарищ Сталин. И вот идут товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Ворошилов, Калинин, Андреев, Микоян, Жданов, Хрущев. Идут и здороваются. В зале произошло что-то невероятное. Мы все вскочили с мест и стали бурно аплодировать. Я смотрю на товарища Сталина, а он стоит, веселый, улыбается нам, аплодирует и поднимает правую руку, приветствуя нас. Мы долго не можем успокоиться. Я кричу:

— Да здравствует наш товарищ Сталин!

Дуся Виноградова кричит:

— Товарищу Сталину большевистский стахановский привет!

Мы долго приветствовали товарища Сталина и его соратников.

Серго Орджоникидзе открыл собрание—это было начало первого Всесоюзного совещания стахановцев.

Когда Серго произнес в своей речи имя товарища Сталина, мы стали бурно аплодировать. Товарищ Сталин смотрел на нас, как на своих родных, а мы смотрели на товарища Сталина, на его приятное лицо, на его живые, чуть прищуренные глаза. Я заметил у товарища Сталина седину и подумал: «Ведь ему уже 56 лет; он так много перенес в своей жизни—и тюрьмы, и ссылки, и лишения. Но,—думал я,—товарищ Сталин, наверное, счастлив, что видит результаты борьбы большевиков, результаты своего труда. Ведь и я и сидящие рядом со мной товарищи—воспитанники товарища Сталина».

«Это ты и партия, которой ты руководишь, сделали из нас людей»,— хотелось сказать товарищу Сталину.

Я знал, что мне придется выступать; кое-что записал в блокнот, волновался. Когда товарищ Серго закончил свою речь, он сразу предоставил мне слово. Все стали аплодировать. Я просмотрел свои заметки, поглядел на окружающих и успокоился. Товарищ Сталин повернулся в мою сторону. Увидев его отцовский взгляд, я почувствовал себя свободно, точно у себя на шахте, среди своих товарищей, и рассказал, как было дело, как добился рекорда, и выразил благодарность товарищу Сталину, которому мы обязаны новой, счастливой жизнью.

Я говорил, а товарищ Сталин меня внимательно слушал. Я старался говорить как можно короче, мне было как-то неловко отнимать много времени. Я думал: «У товарища Сталина масса дел, и ему нужно сказать главное, да покороче».

Я был горд собой. Вчерашний темный батрак и пастух высказывал свое мнение руководителям народа. И тут же я подумал: «Ведь и они вышли из народа». Да, только в нашей стране возможны такие встречи, такие задушевные беседы между вождями и рядовыми рабочими, которые рассказывают о своих подвигах на трудовом фронте.

После меня выступил железнодорожный машинист Петр Кривонос, а затем кузнец Бусыгин.

Товарищ Сталин, который очень внимательно слушал всех нас, спросил Бусыгина:

— Качество валов не портится от быстрой работы?

— Наоборот,—ответил Бусыгин,—меньше браку получается и качество лучше. Раньше я делал 450 штук, а брак—20 штук. Теперь я даю 1 100 штук, а брак—2 штуки.

Потом выступила Дуся Виноградова. Она начала свой рассказ о высокой производительности и высоких заработках. Если раньше она зарабатывала 200—270 рублей в месяц, то при работе на 144 станках ее заработок достиг 600 рублей. Она посмотрела на товарища Сталина и сказала:

— Смотрите, как я повысила свою заработную плату!

А товарищ Сталин ей ответил:

— Очень хорошо.

Потом выступил Мирон Дюканов. Между ним и товарищами Сталиным и Орджоникидзе завязался очень интересный разговор. Товарищ Орджоникидзе спросил Дюканова:

— Сколько у вас было забойщиков до стахановского движения и сколько забойщиков теперь?

Дюканов ответил, что до стахановского движения было 23 забойщика, а сейчас 12. Раньше забойщики сами рубали и сами крепили, а сейчас труд разделили. Товарищ Сталин сказал:

— В этом суть успеха.

И товарищ Орджоникидзе подтвердил:

— Это главное.

Выступает богатырь Донбасса—Никита Изотов, а за ним слово получает известная ткачиха Родниковского комбината «Большевик» Ивановской области Тася Одинцова, которая соревновалась с Виноградовыми. Товарищ Орджоникидзе так и объявил:

— Слово имеет товарищ Одинцова, соперница Виноградовых.

— Посмотрим, чья возьмет,—сказал товарищ Сталин.

Одинцова в своей речи сказала:

— Заверяю вас, товарищи, что, соревнуясь с Дусей Виноградовой, я надеюсь, что план перевыполню и оставлю ее позади себя.

А Виноградова ее спрашивает:

— Ты на сколько перейдешь?

Одинцова говорит:

— На 156 станков.

А Виноградова кричит:

— А мы на 208!

Товарищ Сталин стоял у стены и, покуривая трубку, наблюдал эту сцену.

Самым молодым делегатом первого Всесоюзного совещания стахановцев был токарь из города Куйбышева—Коля Курьянов.

Серго объявил:

— Слово имеет старейший токарь Курьянов...

Все посмотрели, думали, что в самом деле сейчас поднимется на трибуну старик, а поднялся 17-летний круглолицый мальчик.

Товарищ Сталин поднялся со своего места, перегнулся через стол и взглянул на Курьянова. Серго спросил, сколько он зарабатывает.

— До того, как я был бусыгинцем,—6 рублей в день, а сейчас 25 рублей,—ответил Курьянов.

Товарищ Сталин засмеялся, весело взглянул на Курьянова и долго ему аплодировал.

С замечательными речами выступали товарищи Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе, Лазарь Моисеевич Каганович, Микоян, Жданов, Хрущев. Всего не перескажешь.

Все мы мечтали услышать товарища Сталина. Совещание подходило к концу, и мы сильно беспокоились: вдруг товарищ Сталин не выступит. А 17 ноября вечером Орджоникидзе предоставил слово начальнику цеха Московской электростанции Скатерщикову и тут же сказал, что следующим будет выступать товарищ Сталин.

Что тут делалось! Радости нашей не было конца. Признаться, мы плохо слушали Скатерщикова, потому что все горели нетерпением поскорее услышать товарища Сталина.

И вот кончает свою речь Скатерщиков, и Серго объявляет:

— Слово имеет товарищ Сталин!

Точно гром грянул. Более трех тысяч человек, заполнявших Кремлевский зал, поднялись с мест. Долго мы аплодировали вождю и приветствовали его.

Товарищ Сталин поднялся и пошел к трибуне. Мы стояли и кричали:

— Да здравствует товарищ Сталин!

Товарищ Сталин стоял на трибуне, спокойный, улыбающийся, и смотрел на нас взглядом отца и учителя. Со всех концов зала неслись приветствия. Товарищ Сталин поднял руку, требуя тишины. Он несколько раз пытался нас успокоить, приглашая садиться. Но ничего не помогало. У каждого в сердце накопилось много прекрасных чувств к товарищу Сталину, и каждый хотел эти чувства выразить. Товарищ Сталин обвел глазами весь зал, а зал бурлил. Из груди у всех как-то сразу вырвалась песня, и мы запели «Интернационал». Потом снова продолжалась овация. Товарищ Сталин обернулся к президиуму, наверное требуя установить порядок. Серго показал ему на зал. Товарищ Сталин вынул часы и показал их нам. Но мы не признавали времени. Долго звонил товарищ Орджоникидзе, пока зал утих.

Зато когда товарищ Сталин начал говорить, наступила полнейшая тишина, потому что каждый старался все услышать и не пропустить ни одного слова.

Товарищ Сталин говорил просто и понятно, и слова его проникали глубоко в сознание. Товарищ Сталин не раз называл мою фамилию, фамилию Бусыгина и других стахановцев. Как я волновался, когда он говорил о нас! Да разве можно было не волноваться, когда он говорил, что мы бросили искру, из которой разгорелось пламя. И я подумал тогда: «Стаханов, то, что ты сделал,—это только начало. Ты должен сделать еще больше...»

Слушая речь вождя, я вспоминал о своей работе. Товарищ Сталин говорил, что стахановское движение давным-давно назрело, но его задерживали старые технические нормы. Сущая правда. Ведь и у меня была суточная норма 7 тонн. Можно ли было ждать при такой норме много угля? Сломал я эти нормы, и получилось другое. Но я не мог, конечно, думать тогда, что добьюсь такого успеха и что мой метод через короткое время начнут применять тысячи людей.

Товарищ Сталин говорил, что жизнь рабочих теперь стала лучше, веселее. Я судил по себе и по своим товарищам: нам живется очень хорошо. Нет теперь заботы о куске хлеба. Есть забота об учебе, о культурном росте; хочется учиться и учиться.

Товарищ Молотов в своей речи рассказывал, какие муки пришлось пережить архангельскому лесопильщику Мусинскому—первому стахановцу в лесной промышленности. Мусинский тайком от хозяйственников и контролеров выполнял новые высокие технические нормы. Товарищ Сталин напомнил о Мусинском и тут же сказал:

— Судьба самого Стаханова была не лучшей, ибо ему приходилось обороняться при своем движении вперед не только от некоторых чинов администрации, но и от некоторых рабочих, высмеивавших и травивших его за «новшества».

Я только поразился, откуда товарищ Сталин знает все подробности нашей работы. Я думал: «Откуда товарищ Сталин знает, что заведующий моей шахтой Заплавский выступал против стахановского движения? Откуда он знает, что некоторые старички на шахте шептали, что Стаханов-де напрасно норму высокую дает, что нам заработок снизят». Эти люди заблуждались, конечно. Потом, когда заработки повысились, эти люди увидели свою неправоту. Но факт: вначале некоторые несознательные рабочие были недовольны моими рекордами.

Мне очень понравилось, как товарищ Сталин нас обрисовал.

— Вы видели здесь Стаханова и Бусыгина,—говорил он.— Они выступали на совещании. Это—люди простые и скромные, без каких бы то ни было претензий на то, чтобы стяжать лавры фигур всесоюзного масштаба. Мне даже кажется, что они несколько смущены тем размахом движения, которое развернулось у нас вопреки их ожиданиям.

Еще бы не смущаться, если нам, простым людям, всюду стали воздавать почет!

Товарищ Сталин говорил так ясно, что все мне было понятно. Я все запоминал и в блокнот записывал, чтобы по приезде рассказать подробно своим товарищам.

Перед тем как закончить свою речь, товарищ Сталин, улыбаясь, сказал:

— Мы здесь в президиуме совещались и решили, что придется как-либо отметить это совещание руководителей власти с руководителями стахановского движения. И вот мы пришли к такому решению, что человек 100—120 из вас придется представить к высшей награде...

— Если вы одобряете, товарищи, то мы это дело проведем,—закончил товарищ Сталин свою речь.

Опять что-то невообразимое творилось в Кремлевском зале. Без конца неслись приветствия товарищу Сталину. С большим, особенным подъемом мы спели «Интернационал», и вместе

с нами пели стоявшие на трибуне вожди партии и правительства.

Товарищ Серго объявил совещание закрытым. Железнодорожник-казах Сатбаев побежал в президиум и стал горячо пожимать руку товарищу Сталину. Мы долго прощались с вождем народа и несколько минут не уходили из зала. Жаль было уходить оттуда, где мы были рядом с товарищем Сталиным, где мы так много узнали, услышали и увидели. Не хотелось расставаться с товарищем Сталиным, с нашими руководителями. Вдруг кто-то запел песню из «Веселых ребят». Ее подхватил товарищ Жданов, а Климент Ефремович Ворошилов, стоя на подмостках, дирижировал. Пели весело, радостно, и было жалко, что расстаемся.

☆

Следующая моя встреча с товарищем Сталиным произошла в феврале 1936 года, когда я был вызван в Москву для вручения мне ордена Ленина. 5 февраля на заседании Президиума ЦИК я встретился с Иосифом Виссарионовичем Сталиным, с товарищами Молотовым, Орджоникидзе и Ворошиловым. После получения орденов группа орденоносцев сфотографировалась с товарищем Сталиным. Потом я подошел к нему, крепко пожал руку, поблагодарил, а он спросил, как мои дела, как работаю и живу. Я сказал, что все идет хорошо.

А через несколько месяцев, в ноябре 1936 года, я был снова в Москве, в Кремле, как делегат Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда советов.

Еще задолго до открытия съезда я пошел в Большой Кремлевский дворец. Он быстро заполнялся делегатами. Тут были люди со всех концов нашей страны. Русские, украинцы, белоруссы, туркмены, узбеки, армяне, евреи, грузины, казахи, татары—да разве всех перечтешь! Многие делегаты в своих национальных нарядах. Поем песни. Все с нетерпением ожидали открытия съезда. В президиум вошли товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Калинин, Ворошилов, Орджоникидзе, Андреев. Трудно передать словами то, что происходило в эти минуты. Женщины машут красными платками. Все делегаты на родных языках приветствуют великого вождя.

Михаил Иванович Калинин произносит речь. Потом он предоставляет слово товарищу Сталину для доклада о проекте новой Конституции Союза ССР. Мы все встали с мест. Мы бурно выражали свою любовь к товарищу Сталину. Я видел, как у многих делегатов, моих соседей, от радости на глазах появились слезы. Я товарища Сталина видел и слышал, но волновался и радовался не меньше тех, кто видел и слышал его в первый раз.

Товарищ Сталин говорил, как и на стахановском совещании, просто, уверенно и на понятном для всех языке. Когда он говорил, в зале была полная тишина. Все, о чем он говорил в своем докладе, мы испытали в своей жизни. Всеми теми правами, которые нам дает Конституция, мы пользуемся, и мы знаем, что этих достижений мы добились под руководством товарища Сталина. Поэтому так горячо встречал его съезд.

Товарищ Сталин говорил спокойно. А под конец он поднял обе руки вверх и сказал:

— ...На новую борьбу для завоевания новых побед коммунизма.

Мы с большим восторгом встретили эти слова.

После того как закончились прения, съезд постановил создать редакционную комиссию для установления окончательного текста Конституции. Членом редакционной комиссии съезд избрал также и меня. Я был несказанно рад тому, что мне предстояло работать вместе с товарищем Сталиным.

3 декабря комиссия собралась в Кремле. Товарищ Сталин занял место председателя. Заседание комиссии проходило просто. Каждую статью читал товарищ Сталин. Прочитает и спрашивает:

— Какие имеются у членов редакционной комиссии поправки или изменения?

Когда член комиссии сказал, что у него есть поправка, товарищ Сталин предложил ему:

— Идите сюда на трибуну и говорите всем, чтобы люди вас видели и слышали.

По многим пунктам Конституции были прения. Вопрос решали голосованием. Иосиф Виссарионович сам вносил много предложений.

5 декабря все делегаты собрались в Большом Кремлевском дворце. Товарищ Андреев предоставил слово для доклада редакционной комиссии товарищу Сталину. Я не буду повторять его речь, так как все ее, конечно, читали. Товарищ Сталин подробно доложил съезду, какие мы внесли поправки в Конституцию на заседании редакционной комиссии. Когда товарищ Сталин кончил говорить, товарищ Андреев заявил, что переходим к чтению Конституции по статьям. Мы приготовили мандаты для голосования. Товарищ Андреев начал читать параграф за параграфом. Каждую статью голосовали отдельно. 146 статей имеет Конституция. 146 раз поднимали мы руки с красными мандатами.

Ровно в шесть часов вечера 5 декабря 1936 года мы проголосовали и утвердили Сталинскую Конституцию. И когда Конституция была одобрена, мы дружно спели «Интернационал».

Этот день, когда Союз Советских Социалистических Республик принял свою новую, Сталинскую Конституцию, народы нашей страны никогда не забудут. За несколько минут до закрытия съезда было внесено предложение объявить день 5 декабря всенародным праздником. Каждый год в этот день мы будем вспоминать о замечательном съезде советов, о докладе товарища Сталина—творца нашей Конституции.

☆

Приведу еще два эпизода.

29 октября 1937 года. Прием работников металлургической и угольной промышленности руководителями партии и правительства. Присутствуют товарищ Сталин и его соратники. Выступают Лазарь Моисеевич, Вячеслав Михайлович и Климент Ефремович.

Товарищ Сталин беседует с металлургами, с горняками.

Вот он подзывает к себе старого, заслуженного шахтера товарища Рябошапку. Спрашивает, как у него дела. А дела в Донбассе шли неважно. Рябошапка откровенно ответил:

— Плохо, товарищ Сталин. Мало угля даем.

Я тоже собирался подойти к товарищу Сталину, хотелось поговорить, но стеснялся. Через несколько времени ко мне подошел товарищ Сталин, поздоровался, взял под руку, повел к столу и спросил:

— Что же вы стесняетесь, не подходите?

И тут же товарищ Сталин объяснил мне:

— Дело немножко плоховато с углем, поэтому народ собрали...

— Уголек должен все-таки пойти,—ответил я товарищу Сталину.—В Донбассе сволочи навредили немало и сейчас еще для рабочих не создают нужных условий, оттого меньше угля. А если создадут эти условия, рабочие дадут много угля.

— Это правильно,—твердо сказал товарищ Сталин.—Когда никто не будет мешать рабочему и ему будут созданы условия—уголь будет. Несомненно будет.

Разговорились, и я под конец сказал товарищу Сталину:

— Я теперь учусь в Академии, постараюсь быстрее окончить и пойду работать, куда вы меня пошлете. С честью буду оправдывать доверие.

Товарищ Сталин отнесся одобрительно. Спросил меня, как я живу, какая квартира. Я ответил, что живу хорошо, квартира хорошая—Лазарь Моисеевич лично позаботился.

Товарищ Сталин произнес тост:

— За здоровье товарищей Стаханова, Дюканова, Изотова, Рябошапки и других!

...За здоровье доменщика тов. Коробова, за Коробова-отца, за сына его, за всю семью доменщиков Коробовых, за то, чтобы семья Коробовых не отстала от новых методов работы.

Коробов-отец ответил:

— Товарищ Сталин. Я уже старик, но я положу все свои силы, чтобы выполнить Ваше пожелание и быть впереди других металлургов.

Далеко за полночь затянулась дружеская беседа руководителей партии и правительства с металлургами и угольщиками.

17 мая 1938 года. Прием в Кремле работников высшей школы. Я получил приглашение. В зале появляются товарищ Сталин, руководители партии и правительства. Они проходят через зал. Товарищ Сталин машет рукой, здоровается.

У меня были кое-какие дела по депутатской линии к товарищу Молотову. Я пишу записку: «Вячеслав Михайлович, хочу пару слов вам сказать». Товарищ Молотов заметил меня и указал товарищу Сталину. Товарищ Сталин поднял руку и поздоровался со мной. Через несколько минут меня зовут. Я подошел к столу, поздоровался с товарищами Сталиным, Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Калининым. Товарищ Молотов усадил меня подле себя и спросил, какие у меня к нему дела. Я сказал, что прошу отпустить автомашины для двух колхозов моего избирательного округа. Вячеслав Михайлович отвечает:

— Поможем!

Товарищ Сталин выступил на приеме с замечательной речью о передовой науке. Товарищ Сталин указал и на то, что рядовые рабочие, рядовые люди могут быть новаторами науки. И в заключение он провозгласил тост:

— За здоровье Стаханова и стахановцев!

— За здоровье Папанина и папанинцев!

Я тут же взял слово и, волнуясь от радости, сказал:

— Спасибо товарищу Сталину, который поднял нас на такую высоту!

☆

...Я слушал товарища Сталина на XVIII съезде ВКП(б). Кто не запомнит на всю свою жизнь эту историческую речь!

Я видел товарища Сталина на приемах участников первомайских и октябрьских парадов. Кто не запомнит на всю жизнь братские встречи вождя с летчиками и артиллеристами, танкистами и пехотинцами, моряками и пограничниками!

Я видел много раз товарища Сталина стоящим на трибуне мавзолея в красноармейской шинели с высоко поднятой рукой, зовущей вперед и вперед. Таким я себе представляю его всегда—нашего отца, зовущего к полной победе коммунизма.

И. Папанин

Герой Советского Союза

☆

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Каждый год в дни великих пролетарских праздников шагали мы, красные партизаны и красногвардейцы, по Красной площади. Мы шли четко, гордо подняв головы, стараясь ровнее держать строй. Мы шли мимо мавзолея, на котором стоял Сталин, и все мысли наши были с ним, родным нашим отцом и другом.

И каждый раз, уходя с площади, я уносил с собой драгоценную мечту—когда-нибудь увидеть его близко, совсем близко, говорить с ним, слушать его голос...

В 1931 году я уехал в Арктику. Зимовал на Земле Франца-Иосифа, на мысе Челюскин, побывал во многих северных экспедициях. Привык к Арктике, полюбил ее и решил посвятить ей всю жизнь.

И, наконец, я вместе с моими товарищами оказался на вершине мира, на Северном полюсе.

О такой экспедиции уже давно мечтали полярники. Но осуществить ее смогла только наша великая страна.

В Кремле обсуждался вопрос о полетах наших летчиков через Северный полюс в Северную Америку. Летчики рвались поскорее проложить трансполярную трассу. И тогда Иосиф Виссарионович, с обычной сталинской мудростью, заинтересовался тем, кто и как будет освещать погоду по всей этой сложнейшей трассе. Так практически возник план организации станции на дрейфующих льдах в сердце Арктики. Сталин спросил, могут ли советские полярники организовать такую станцию.

— Да, могут!

Другого ответа быть не могло.

Потом, когда начали готовить экспедицию, товарищ Сталин внимательно расспрашивал о каждом участнике, о всех мелочах подготовки. Сталинская забота и внимание вдохновляли и окрыляли нас.

И там, на дрейфующей льдине, мы ощущали поддержку вождя. Мы получили радиограмму от человека, гений которого ведет всех нас по пути радости и счастья. Товарищ Сталин и члены Политбюро писали нам:

«Мы уверены, что героические зимовщики, остающиеся на Северном полюсе, с честью выполнят порученную им задачу по изучению Северного полюса.

Большевистский привет отважным завоевателям Северного полюса!»

Эти слова, проникнутые любовью и заботой, не забывались нами ни на одну минуту в течение всего девятимесячного дрейфа. Они цементировали нашу волю, вдохновляли нас на беззаветный труд.

В продолжение всего дрейфа мы ни на минуту не расставались с образом Сталина. В палатке, над нашими головами, висел его портрет. Он, улыбаясь, смотрел на нас и как бы подбадривал, поддерживал нас в тяжелом, напряженном труде.

Он как бы лично присутствовал у нас в палатке, делил с нами наши трудности и помогал преодолевать их. В праздники, какая бы ни стояла погода,—пусть даже пурга, которая сбивала с ног и захватывала дыхание,—мы поднимали стяг с изображением товарища Сталина.

На далекой льдине мы всегда чувствовали любовь и заботу товарища Сталина. Наш лагерь был таким маленьким, что без радио разыскать его было бы невозможно. В капиталистической стране забыли бы быстро о том, что где-то среди мрака и штормовой погоды, на ломающейся льдине борются за жизнь во имя науки четыре человека. Не то у нас, в стране социализма. В первых числах февраля мы получили телеграмму из Москвы о том, что организована комиссия по снятию нас со льдины, и мы еще раз почувствовали волю Сталина, его внимание. Мы знали, что можем спокойно продолжать свою работу.

Под конец дрейфа нашу льдину уносило с огромной быстротой. Малейшее промедление грозило бедствием. В океане нас спасти было бы невозможно. И только забота Сталина, его исключительная настойчивость привели к тому, что нас во-время сняли со льдины.

И в тот день, когда мы взошли на борт советских кораблей, радио принесло нам привет товарища Сталина и его соратников:

«*Папанину, Ширшову, Кренкелю, Федорову.*

Поздравляем вас с успешным выполнением ответственного задания.

Вся наша страна гордится вашей героической работой.

Ждем вашего возвращения в Москву.

Братский привет!»

Семнадцатого марта мы возвращались в Москву. Мы подъезжали к древним стенам Кремля. Необыкновенное волнение охватило меня—я еду в Кремль, к Сталину, к родному Сталину! Сбылась моя заветная мечта!

Комендант Кремля попросил нас подождать. Может быть, он хотел, чтобы мы успокоились, подготовились к встрече. Мы ждали, и в голове моей сбивчиво и быстро проносились слова, полные любви и благодарности. «Все это надо сказать Сталину,—думал я, надо сказать много-много, все сразу, все, что выношено в сердце за долгую жизнь...»

Двери Георгиевского зала раскрылись. Мы увидели ослепительно сверкающий зал. Длинные ряды красиво убранных столов. Со всех сторон обращены к нам улыбающиеся, дружеские лица. Крики «ура». Музыка. Я шел, держа в руках бамбуковое древко с нашим знаменем, привезенным с полюса. За мной шли мои братки—Ширшов, Кренкель и Федоров. Торжественная обстановка, ослепительный свет, приветственные крики—все это было так неожиданно и необычно, что мы смутились и немного растерялись.

И вдруг раздался новый взрыв аплодисментов невиданной силы. Под бурю оваций и крики «ура» в зал вошел товарищ Сталин и члены Политбюро.

Я дрожал от волнения. Радость переполнила мое сердце.

Товарищ Молотов, улыбаясь, жестом пригласил нас занять места в президиуме. И тут наступила минута, которую я никогда не забуду.

Иосиф Виссарионович обнял меня и крепко поцеловал. Затем нас обнял товарищ Молотов и все члены Политбюро. Мы переходили из объятия в объятие.

Волнуясь, я передал товарищу Сталину красное знамя и сказал:

— Разрешите вручить вам знамя, с которым мы победили и которое давало нам энергию и волю в борьбе со стихией. Ваше задание выполнено нами с честью!

Товарищ Сталин посадил меня рядом с собой... Мечта всей моей жизни осуществилась.

— Теперь выпьем, товарищ Папанин, за замечательную работу, за победу,—сказал Иосиф Виссарионович, поднимая бокал.—Работа была трудная, но мы были уверены, что вы выполните ее с честью!

Потом он рассказал нам, как переживал вместе со всем многомиллионным народом последние дни и недели нашего дрейфа.

— Много я за вас пережил,—сказал Иосиф Виссарионович, заканчивая свой рассказ.

— Иосиф Виссарионович,—ответил я,—вы для нас сделали все!

— Нет,—ответил он,—мы для вас сделали мало. Надо было создать базу в Гренландском море.

— Это верно,—ответил я,—но ведь ученые предполагали, что нас вынесет к берегам Америки. Кто мог ожидать, что мы очутимся в Гренландском море?

Через некоторое время товарищ Сталин поднялся со своего места. Все взоры обратились к нему. Он своей спокойной походкой направился к столу, за которым сидели наши жены. Он что-то спросил у них. Что—нам не было слышно. Видели, что он весело смеялся, разговаривая с нашими растерявшимися, смущенными подругами. Потом он взял за руку одну, другую и повел всю четверку к нашему столу. Он попросил налить бокалы и провозгласил тост за наших жен.

Немного позже Иосиф Виссарионович узнал, что в зале находится мой отец. Он его тоже пригласил к столу президиума и очень ласково встретил. Потом поставил меня рядом с отцом (отец мой необыкновенно крепкий старик), обнял нас обоих за плечи и спросил:

— Ну, кто из них старше: отец или сын?

Я посмотрел на отца—и, в самом деле, мой старик выглядел молодцом.

Как часто я вспоминаю обо всем, что происходило в Кремле в этот необычайный вечер! Встреча с товарищем Сталиным осталась в моей памяти как самое волнующее, необычайное событие. Мы как бы расцветали под обаянием сталинской простоты, какой-то удивительной естественности, дружелюбия, умения как-то незаметно переходить от большого и значительного к маленькому и обычному, от огромной своей работы—к веселью и отдыху.

В этот вечер Иосиф Виссарионович произнес речь, которая навсегда сохранилась в моей памяти. Он говорил о смелости советских людей, об истоках героизма. Почему таких людей не может быть в странах капитализма на Западе и на Востоке? Потому, что там любого человека и его героизм ценят только с точки зрения прибыли, выгоды. Американцы, англичане, французы даже подвиги расценивают на доллары, фунты, стерлинги, франки. И товарищ Сталин поднял тост за то, чтобы мы, советские люди, усвоили советскую меру в оценке людей, чтобы научились ценить людей по их делам и подвигам.

Так говорил Сталин. Великой мудростью и любовью к советскому человеку была проникнута эта речь. Он говорил

о праве советских людей жить и бороться за родину, за партию. Он провозгласил тост за людей, которые хотят жить и бороться во славу родины. Он поднял бокал за здоровье всех героев—старых и молодых, за тех, кто не забывает итти вперед, за наши таланты, за молодость, потому что в молодых—сила.

Смущение наше давным-давно улетучилось. От чувства стеснения и напряжения не осталось и следа.

Потом мне сообщили, что в Козловском переулке у дома, где я жил, собрался народ. Я говорю:

— Иосиф Виссарионович, меня народ ждет, соседи, вся улица, собрались с флагами. Не пойти ли мне?

А он ласково посмотрел на меня, улыбнулся и говорит:

— Ну, станцуй, а потом поедешь.

Через несколько минут, горячо поцеловавшись, я простился с товарищем Сталиным и вышел из Кремля, радостный и счастливый на всю жизнь.

Значительно позднее я зашел как-то в секретариат товарища Микояна. Здесь во время нашего дрейфа были сосредоточены работы штаба по снятию со льдины нашей четверки. Работники секретариата рассказали мне, какое большое участие в нашей судьбе принимал товарищ Сталин, как волновался он за нас, расспрашивал о ходе работ, о полученных от нас телеграммах. Он входил в комнату, снимал шинель, садился в уголок и тихо спрашивал:

«Есть что-нибудь новое?»

Много он пережил за нас в этой комнате.

И мы знаем, мы вечно будем помнить, что Сталину мы обязаны великим счастьем снова, после дрейфа, видеть людей, слышать их приветствия, пожимать их теплые, дружеские руки.

В 1938 году я снова встретился с товарищем Сталиным. Решался вопрос о посылке ледокола «Иосиф Сталин» за седовцами. Была поздняя осень. Седовцы находились на большой широте. И мы еще раз увидели мудрость и предусмотрительность вождя. Давая указание об отправке ледокола, Иосиф Виссарионович добавил, что капитан при первой же угрозе со стороны льдов должен немедленно вернуться обратно. Так оно и было: ледокол дошел до тяжелых льдов и вернулся обратно. Не будь сталинского указания, корабль пошел бы дальше и наверняка зазимовал бы во льдах.

Третья встреча с товарищем Сталиным произошла на приеме работников высшей школы. Она произвела на меня особенное, потрясающее впечатление. Выступало много ораторов—профессора, люди науки. Вдруг товарищ Сталин потихоньку встал (он был очень утомлен), подошел к микрофону и начал рассказывать. Он не произносил речь, а именно рассказывал—спокойно, просто... Я стоял почти рядом с ним и внимательно смотрел на него, слушая его, боясь пропустить хоть одно слово. Из самого, казалось, обыкновенного приветствия возникла речь, полная глубочайшего смысла, возникла одна из самых замечательных его речей—речь о новаторстве. А когда он сказал: «Выпьем за здоровье Стаханова и стахановцев! За здоровье Папанина и папанинцев!»—я чуть было не уронил бокал... Товарищ Сталин подошел ко мне и поцеловал...

После этой встречи я был так взволнован, что, выйдя из Кремля, бродил до утра по московским улицам...

Четвертая встреча с товарищем Сталиным произошла на приеме Гризодубовой, Осипенко и Расковой. Прием происходил в Грановитой палате. Между узкими столами было тесно. Народу собралось много, а палата небольшая. Сидим в тесноте, разговариваем. Смотрим, товарищ Сталин поднимается из-за стола и начинает пробираться между столами. К кому он идет? И вот он подходит ко мне, улыбается и тянет за руку. Вывел он меня через всю эту тесноту на середину зала и спрашивает:

— Какое море первое?

— Баренцово,—отвечаю.

— Правильно,—говорит,—Баренцово. А второе?

— Карское.

— Правильно, Карское. Дальше?

— Лаптевых.

— Правильно. Дальше?

— Чукотское.

— Правильно. За здоровье всех тружеников, советских людей, которые работают в Арктике,—сказал он, поцеловав меня.

Я разволновался, хотел подойти к микрофону, сказать несколько слов и... не мог.

Я ответил:

— Дорогой, родной, горячо любимый отец Иосиф Виссарионович! От имени всех полярников заверяю вас, что ваше доверие мы с честью оправдаем.

И пошел на свое место.

Сталинская забота о живом человеке не имеет границ.

Вот и тогда, в этот счастливый день, когда Сталин встречал наших героинь, торжествовал вместе с ними победу, был полон веселья и радости за них,—даже и тогда он не забывал об армии полярников, которые трудятся далеко на Севере, в Арктике, в условиях полярной ночи.

Пожалуй, это самая поражающая и замечательная сталинская черта—помнить обо всем и обо всех. Люди, встречающиеся с этим великим человеком, хорошо знают, что такое сталинская забота. Я ощущаю ее постоянно,

В прошлом году сердце мое начало пошаливать. Как только правительству сообщили, что у меня в рабочем кабинете был сердечный припадок, товарищ Микоян приказал немедленно увезти меня в больницу. Врачи настаивали на немедленном отпуске и лечении, но я их не послушался, так как было много работы. И только поздней осенью я уехал в Кисловодск подлечиться. Но там мне пришлось выступать на митингах и делать доклады. Сердце не выдержало нагрузки, и я слег в постель. Дело было плохо, поддерживали меня только камфорой, и врачи уж потеряли надежду поднять меня. Из Москвы на самолетах прилетели профессора.

И вдруг ночью от товарища Сталина приходит телеграмма: «Товарищу Папанину. Сообщается решение ЦК и СНК от 29 декабря:

1) Ввиду состояния здоровья запретить Папанину выступления на всяких собраниях во время лечения.

2) Обязать директора санатория Короткова немедленно ограничить или вовсе прекратить прием нарзанных ванн Папаниным. Председатель СНК СССР Молотов. Секретарь ЦК Сталин».

Я прочел ее, не выдержал и заплакал. Сталинская забота тронула меня до глубины души. Где-то далеко лежит Папанин, а товарищ Сталин помнит обо мне, заботится, советуется с врачами. Какую нужно иметь память и какое нужно иметь сердце, чтобы среди множества важнейших государственных дел заботиться о людях, о человеке!

Нарзанные ванны мне, действительно, не нужно было принимать, и в этом товарищ Сталин оказался прав.

Второй эпизод относится к XVIII съезду нашей партии. Я имел счастье быть делегатом этого исторического съезда. Записался в прениях. Хотелось с трибуны съезда поделиться с делегатами, со всем советским народом своими мыслями об освоении Северного морского пути, передать чаяния всех советских полярников. И тут я еще раз со всей силой почувствовал, что нахожусь при неослабном внимании любимого Сталина. Прежде чем дать мне слово, товарищ Сталин через товарища Поскребышева справился:

— А врачи разрешили выступать?

Недавно на приеме работников армянского искусства я снова встретил товарища Сталина.

Товарищ Сталин увидел меня и спрашивает жестом, показывая на сердце: как здоровье? Это тронуло меня до глубины души, сердце сжалось, радость моя была безгранична.

Очень близко мне пришлось встретиться с товарищем Сталиным совсем недавно, в день празднования годовщины Первой Конной армии. Впервые я видел его не на большом приеме или на празднике, а в обычной домашней обстановке, на

скромной маленькой дачке одного из руководящих работников Первой Конной армии, в день его рождения. Из-за сильной гололедицы я приехал поздно. «Ну,—думаю,—позор. Опоздал!» Долго колебался, но все же решился зайти, поздравить хозяина.

Разделся, вхожу. Товарищ Сталин увидел меня:

— А, наш браток! Скорей, скорей. Насколько опоздал?

Одет он был, как всегда, очень просто—защитные брюки, гимнастерка, мягкие сапоги.

Медленно и спокойно, с непередаваемой теплотой и любовью он говорил о жизни Советской страны, рассказывал о тринадцатимиллионном народе Западной Белоруссии и Западной Украины, навсегда освобожденном от панского ига и кабалы.

К каждому товарищ Сталин подходил с ласковым вниманием. Он пришел сюда не как вождь, а как товарищ и друг. Его старались окружить особенным вниманием. Товарищ Сталин не любит, когда за ним ухаживают, выделяют из общей массы. Сам же он заботится обо всех, со всеми говорит, к каждому проявляет исключительное внимание. Так было и на этот раз. Подошел к радиоле, разобрал пластинки и начал заводить. Никому не давал сидеть. Хотел, чтобы все танцовали. Подвел ко мне даму—танцуй. Поднял палец и говорит, улыбаясь:

— Не подкачай, браток!

Долго продолжалась задушевная беседа соратников Первой Конной армии. Товарищ Сталин вспомнил первые дни ее организации, боевые эпизоды и имена легендарных буденновцев. Память у него изумительная.

В конце беседы он неожиданно спросил меня:

— Ну, как, звезда красива?

— Замечательная.

— Мы поэтому и сделали звезду,—говорит Иосиф Виссарионович,—чтобы отличить Героев Советского Союза.

Заговорили о седовцах.

— Надо не прозевать, сделать все во-время,—сказал Иосиф Виссарионович.

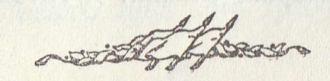
Я заверил, что все будет выполнено.

Много часов провел я в этот вечер в обществе Иосифа Виссарионовича.

— Скоро день вашего шестидесятилетия,—сказал я товарищу Сталину.—Со всем многонациональным и многомиллионным народом пожелаем вам от всей души, от всего сердца прожить трижды столько же, на благо и радость народов всего мира!

— Зачем же так много?—засмеялся товарищ Сталин.

— Вы бессмертны, наш дорогой учитель и вождь!

М. Громов
Герой Советского Союза

*

ЛЕТЧИКИ НОВОГО ТИПА

Много было у меня, как и у других летчиков, встреч с Иосифом Виссарионовичем, но расскажу только о некоторых из них. Никогда не забуду, что Иосиф Виссарионович спас меня от смерти.

Это было 1 мая 1934 года. В воздушном параде над Красной площадью должен был участвовать гигант-самолет «Максим Горький». Я был болен, но решил, несмотря на это, сам вести самолет. Над площадью пролетел благополучно, но когда совершил посадку, то уже с трудом вышел из машины. Вечером в Кремле состоялся прием участников парада. Я же так разболелся, что на прием не смог явиться. Товарищу Сталину сказали, что я отсутствую потому, что серьезно заболел. Товарищ Сталин тут же распорядился, велел сделать все, чтобы меня спасти. Немедленно были вызваны лучшие врачи, был обеспечен самый тщательный уход, и меня вырвали буквально из объятий смерти.

Прошло пять лет. Я уже сам стал забывать об этой своей болезни. Мы готовились к празднику авиации 18 августа 1939 года.

И вот дней за шесть-семь до праздника раздается звонок из Кремля:

— Говорит Сталин. Как ваше здоровье?

Я поблагодарил и ответил, что в полном порядке.

Тогда товарищ Сталин сказал, что надо лететь на новом самолете типа «Максим Горький», что дело это очень важное и желательно было бы, чтобы летел я.

— Прикажите, товарищ Сталин! Я готов.

— Нет, я не хочу приказывать. Можете ли вы лететь и хотите ли?

Я, разумеется, принял поручение товарища Сталина, как величайшую честь, и был счастлив оправдать оказанное мне доверие.

Больше всего меня поразила забота товарища Сталина о человеке. Он помнил, что я однажды вел самолет «Максим Горький», будучи больным, и теперь, когда снова поручали мне лететь на таком же самолете, товарищ Сталин первым делом осведомился о моем здоровье и именно с этого вопроса начал разговор.

*

На приеме Гризодубовой и ее подруг в Кремле после известного их перелета на самолете «Родина» я предложил тост за то, чтобы все мировые рекорды в области авиации принадлежали советским летчикам.

Товарищ Сталин взял ответное слово и указал, что разрешать большие и сложные перелеты правительство будет с большой осторожностью и редко. Затем товарищ Сталин дал в этом своем выступлении чрезвычайно важное теоретическое определение летчика нового типа, как такого летчика, в котором сочетается и храбрость, и в достаточной мере осторожность, и техническая культура.

Легко понять мое состояние, когда товарищ Сталин указал на меня, как на летчика нового типа.

Это высокое мнение оправдать трудно; хорошо, если каждый из нас обладает хотя бы одной десятой долей этих качеств. И мне кажется, что каждый летчик должен всегда помнить, что он сам не должен себя переоценивать. Я лично всегда относился очень осторожно ко всем похвалам, какие выпадали на мою долю, и думаю, что главной причиной известных моих успехов было то, что я всегда осторожно относился к похвалам и никогда не переоценивал сам себя, никогда не брался за то, в чем еще не имел полной уверенности.

Но сила впечатления сталинских слов такова, что каждый летчик старается быть именно таким, как хочет товарищ Сталин; летчики прилагают все усилия, чтобы приблизиться к этому идеалу.

Смысл слов товарища Сталина был всем нам ясен: партия и правительство доверят завоевание того или иного мирового рекорда не всякому летчику, а только тому, кто зарекомендует себя всеми качествами, перечисленными в сталинской характеристике летчика нового типа. Это требование мобилизовало

всех нас на еще большую работу над собой, заставило быть еще требовательнее к себе.

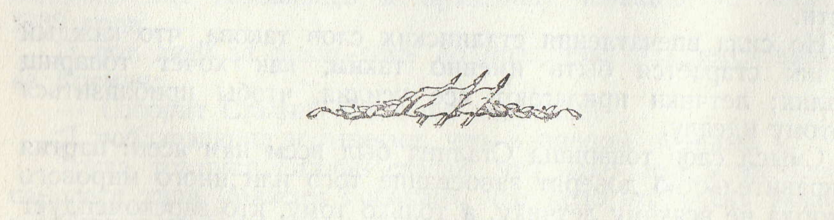
Мне приходилось неоднократно самому убеждаться в том, как настойчиво товарищ Сталин осуществляет высказанную им мысль, что новые сложные полеты будут разрешаться лишь после самой тщательной проверки.

Однажды мне предстояло совершить первый пробный полет. Все было тщательно подготовлено, во всех соответствующих инстанциях было получено необходимое разрешение, и я выехал в пункт назначения. Приезжаю, а мне говорят, что из Кремля был телефонный звонок: товарищ Сталин хочет сам ознакомиться с подробностями полета. Пришлось возвращаться обратно в Москву. Здесь я был вызван к товарищу Сталину и лично доложил ему о подготовке полета. Товарищ Сталин и присутствовавшие при этом товарищи Молотов и Ворошилов задали ряд технических вопросов, спрашивали мое мнение по отдельным частным моментам, связанным с подготовкой самолета к полету. Я ответил, что, по моему мнению, машина вполне пригодна для полета. Характерно, что товарищ Сталин, детально выясняя степень подготовки перелета, вместе с тем проявил огромное доверие к летчику: он вполне удовлетворился моими объяснениями и, кроме меня, никого из технических организаторов этого полета не вызывал.

Этот эпизод еще раз показал мне, с какой тщательностью нужно готовиться к решению любой задачи, с какой строгостью нужно относиться к себе, чтобы оправдать доверие партии и правительства, как внимательно и глубоко надо проверять дело, которое поручено, с какой ответственностью надо относиться к каждому своему слову. Это лучшая школа, это дороже всякой награды.

После этого полет состоялся.

Исключительно много дают деловые встречи с товарищем Сталиным. На таких встречах товарищ Сталин немногословен, он любит выслушать всех и лишь в конце коротко, ясно, просто формулирует предложение, решение, которое становится всем очевидным, сразу и легко запоминается.

И. Бардин

Академик

☆

ИСПОЛИН — МУДРЕЦ

Я работал техническим директором только что построенного Кузнецкого металлургического завода имени Сталина. Ночью 18 декабря 1934 года меня разбудил телефонный звонок.

— Не случилось ли что-нибудь серьезное на заводе? — встревожился я.

Работа у домен, у мартенов, у расплавленного металла всегда сопряжена со всякими неожиданностями.

На заводе все оказалось в порядке. Мне сообщили, что я приглашен на встречу металлургов с товарищем Сталиным.

В то же утро я выехал в Москву.

В пути вспомнилось, как пять-шесть лет назад я отправлялся с поручением Валериана Владимировича Куйбышева из Москвы в Сибирь строить Кузнецкий завод.

...Это было в январе 1929 года. Эта дата открыла в моей биографии новую страницу, которой я горжусь. Был я тогда в Харькове. Утром ко мне в номер гостиницы пришел незнакомый человек.

— Насилу нашел вас. Если не ошибаюсь, вы товарищ Бардин?

— Да. Чем могу служить?

— Приступлю прямо к делу. Мне поручено переговорить с вами: поедете вы в Кузнецк?

Предложение поехать на строительство Кузнецкого завода было заманчиво. Не помня себя, я помчался в Москву и через день был уже в ВСНХ, а еще через несколько дней все было готово. Я был назначен главным инженером Кузнецкстроя.

Я был горд неожиданно выпавшей мне честью. Постройка целого завода американского типа у себя на родине! Не об этом ли я мечтал всю жизнь, не к этому ли стремилась моя душа инженера, не это ли является счастьем и идеалом для всякого инженера, имеющего мало-мальское уважение к своим знаниям и труду?!

Никогда в старое время я не смел даже думать, что буду когда-нибудь главным инженером на таком большом заводе и тем более буду строить что-нибудь подобное кузнецкому гиганту.

Я был горд доверием, которое оказала мне советская власть. Мое назначение в Кузнецк произошло через несколько месяцев после шахтинского процесса. Слишком свежа была еще горечь обмана и предательства интересов пролетарского государства значительной группой старых инженеров. Имена многих старых инженеров произносились в стране с упреком и ненавистью.

...Память прекрасно сохранила незабываемый вечер, когда перед отъездом в Кузнецк меня пригласил к себе Валериан Владимирович Куйбышев. Мы были в его кабинете одни. Валериан Владимирович говорил мне о значении новой стройки, о том, что Кузнецкий завод явится одним из главных камней фундамента социализма. Он говорил мне о Сталине, вдохновителе этой стройки.

— Имейте в виду,—говорил он мне,—за стройкой будет следить Сталин. Стране нужен новейший и совершеннейший завод.

Затем товарищ Куйбышев сказал:

— Товарищ Сталин интересуется, нельзя ли увеличить размер доменных печей?

Я затруднялся ответить на этот вопрос, но уже тогда я понял, что мы должны построить не просто завод, а завод, который со всех точек зрения должен быть на высоте современной техники.

Так оно и вышло. Рассмотрение проектов двух новых металлургических заводов—Магнитогорского и Кузнецкого—происходило при непосредственном участии товарища Сталина.

Первоначально в Магнитогорске предполагалось построить домны объемом в 600 кубометров. Товарищ Сталин детально ознакомился с делом и, узнав, что в США имеются домны в тысячу кубометров, настоял на том, чтобы удвоить мощность домен. То же случилось с мартенами и блюмингами. Не скрою, что тогда такой прыжок в технике металлургического производства многим нам, инженерам-металлургам, казался рискованным. Но, как и всегда, прав оказался Сталин, а не мы, техники.

Много раз во время беседы товарищ Куйбышев возвращался к указаниям товарища Сталина о том, каким должен быть Урало-Кузнецкий комбинат, на двух полюсах которого надо было воздвигнуть два огромных металлургических завода.

Валериан Владимирович был в особо приподнятом настроении. Кузнецкий завод должен был строиться в местах, где он бывал в ссылке. Валериан Владимирович хорошо знал эти места, у него были там знакомые, которых он помнил по имени и отчеству. Он рассказывал о жизни и быте людей в тамошних местах.

Валериан Владимирович встал, прохаживаясь вдоль огромного письменного стола и посматривая на меня большими, детски чистыми, проникновенными глазами на красивом интеллигентном лице. Он заговорил необыкновенно тепло:

— В Сибири теперь зима, холод, мороз. Хорошо! Я люблю сибирскую зиму. А вы не боитесь холода? Сибирь, Сибирь! Русские цари сделали этот изумительный край краем каторги.

Валериан Владимирович подошел к шкафу, достал книгу «Былое и думы» Герцена и стал читать:

«Сибирь имеет большую будущность: на нее смотрят только как на подвал, в котором много золота, много меха и другого добра, но который холоден, занесен снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не заселен. Это неверно. Мертвящее русское правительство, делающее все насилием, все палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлек бы Сибирь с американской быстротой вперед».

Валериан Владимирович читал изумительно.

— Не правда ли, как замечательно, Иван Павлович! «Америка встретится с Сибирью». Об этом сто лет назад мечтал Герцен. Эту встречу устраиваем мы, большевики, наша великая партия. Но строить в Сибири, создавать там социалистическую Америку будет нелегко. Многое будет зависеть от людей...

— Вы имейте в виду,—закончил нашу беседу Валериан Владимирович,—что это глубокая разведка партии и рабочего класса в завтрашний день нашей страны. Это будет замечательное «завтра». В это «завтра» ведет нас Сталин. Вам, строителю первого металлургического гиганта в Сибири, позавидует не один инженер.

Куйбышев протянул мне руку, большую, мягкую, теплую:

— Счастливых вам успехов. Действуйте смело, и вам обеспечена поддержка наша и товарища Сталина.

Когда я вышел из кабинета товарища Куйбышева, у меня сильно забилось сердце: никогда я не думал, что мне поручат работу, за которой изо дня в день будет следить товарищ Сталин.

Слишком велика была ответственность!

...Сидя в вагоне скорого поезда, который вез меня в Москву, я вспомнил разговор с товарищем Куйбышевым. Казалось, что он происходил вчера. А ведь прошло почти шесть лет!

Нелегко было построить в тайге большой металлургический завод. Среди наших инженеров было еще слишком мало таких, которые верили в грандиозное дело, затеянное партией. В Гипромезе[1], где проектировался завод, сидели ленивые и малоспособные люди. Они работали с ленцой, в меру дискутировали, нехотя проектировали, строили узкие планы и в душе даже посмеивались над ними.

Еще в 1928 году из Америки прибыл фрейновский[2] проект Кузнецкого завода; одновременно прибыла и группа работников Фрейна. Они внесли некоторое оживление в работу этого тихого учреждения, но многие наши инженеры не хотели прислушиваться к голосу американцев, располагавших тогда богатым опытом. Они говорили, что Америка—одно, а Россия—совсем другое. Они доказывали, что в Сибири надо строить небольшие и маломеханизированные печи, что американский завод где-то на отлете будет плохо работать, что Сибирь является плохим рынком сбыта и потому невыгодно покупать для завода дорогое оборудование.

Близорукие люди! Они не видели завтрашнего дня. Нет, они не могли спроектировать такой завод, каким хотел его видеть товарищ Сталин.

Признаться, и мне на первых порах было немного страшновато вводить у нас в России сразу такого рода технику.

У нас многие не умели еще обращаться с машинами. Я боялся, что все будет испорчено.

Началось строительство. И здесь мы встретились с новыми препятствиями. Памятуя указания товарища Куйбышева и переданный им наказ товарища Сталина, мы стремились быстро развернуть работы. Рабочая масса и парторганизация стремились к тому же. Медлить нельзя было. С весны 1930 года надо было развернуть стройку полным ходом. Но из Чикаго, где консультировался проект завода, мы каждодневно получали телеграммы: «Не смейте строить». Из Новостали (так называлось объединение, ведавшее новостройками) раздавались окрики: «Бардин—увлекающийся человек, он вам наделает чорт знает что».

---

[1] Государственный институт по проектированию металлургических заводов.

[2] *Фрейн* — американская фирма по проектированию металлургических заводов.

В трудные минуты я часто вспоминал разговор с товарищем Куйбышевым, его напутственные слова:

«Действуйте смело, и вам обеспечена поддержка наша и товарища Сталина».

Первого мая 1930 года мы заложили фундамент первой домны. Широким фронтом развернулись работы. Кузнецкстроевская комиссия, находившаяся в Америке, узнав о наших «партизанских действиях», требовала, чтобы мы приостановили работы. Она угрожала чем только могла. Одно время казалось, что мне придется оставить стройку, а мои мечты о постройке большого завода в Сибири так и останутся для меня мечтами. Работать в такой обстановке было почти немыслимо, но в этот момент пришла обещанная помощь товарища Сталина.

В мае 1930 года товарищ Сталин поставил на заседании ЦК партии вопрос о помощи стройкам Урало-Кузбасса, о решительном устранении всех открытых и скрытых тормозов в реализации великого плана работ. 15 мая ЦК партии принял историческое решение о ходе строительства Магнитогорского и Кузнецкого заводов. Это вселило в нас бодрость и уверенность.

Вскоре после этого состоялся XVI съезд партии.

Товарищ Сталин изложил гениальный план постройки Урало-Кузнецкого комбината. С трибуны XVI съезда партии он говорил:

«...наша промышленность, как и наше народное хозяйство, опирается в основном на угольно-металлургическую базу на Украине. Понятно, что без такой базы немыслима индустриализация страны. И вот такой базой является у нас украинская топливно-металлургическая база. Но может ли в дальнейшем одна лишь эта база удовлетворять и юг, и центральную часть СССР, и север, и северо-восток, и Дальний Восток, и Туркестан? Все данные говорят нам о том, что не может. Новое в развитии нашего народного хозяйства состоит, между прочим, в том, что эта база уже стала для нас недостаточной. Новое состоит в том, чтобы, всемерно развивая эту базу и в дальнейшем, начать вместе с тем немедленно создавать вторую угольно-металлургическую базу. Этой базой должен быть Урало-Кузнецкий комбинат, соединение кузнецкого коксующегося угля с уральской рудой»[1].

Эти слова стали программой нашей работы, они прозвучали, как призыв к борьбе.

Когда прибывшие на площадку строительства американцы хотели расколошматить весь наш план работ, перечеркнуть то, что мы сделали, и начать сначала, мы обратились за помощью к товарищу Сталину. С именем Сталина на устах многотысячный

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 399—400, изд. 10-е.

коллектив строительства показывал невиданные темпы работы.

...Отправляясь к товарищу Сталину на прием, я обо всем этом вспоминал и мысленно строил план своей речи. Но поток чувств был настолько велик, что я не мог их уложить в стройную речь.

Вспоминалась первая поездка в Сибирь. Я смотрел тогда из окна вагона на хвойный кустарник, на одиноко торчавшие сибирские березы. Уныло-однообразный пейзаж не надоедал мне, и я часами любовался им из окна вагона.

— Знаете,—обратился я к своему спутнику,—весь этот однообразный пейзаж представляется мне иным—таким, каким он будет через несколько лет. Кузнецкий промышленный комплекс явится главнейшим опорным пунктом Урало-Кузнецкого комбината, одновременно он будет центром тяжелой промышленности в южной части Западной Сибири. Пройдет не больше 5—10 лет, и в тайге вырастут города. Уголь, металл и вода дадут краю жизнь. Металлургический завод, рассчитанный на 50 лет работы, потребует школ и университетов для детей рабочих; здесь будут фабрики ткани и производства домашней утвари, больницы и дома отдыха, здесь расцветет мощный индустриальный край с многомиллионным населением.

— Вы не инженер, вы поэт,—заметил, смеясь, мой спутник.

— Нет, я не поэт,—возразил я ему.—Я инженер и еду выполнять задание партии и правительства. То, что я вам сказал,—это часть пятилетнего плана, составленного под руководством товарища Сталина.

За шесть лет география края резко изменилась. Все чаще мимо окна вагона проносятся вновь возникшие комбинаты, заводы. Нет, это уже не занесенная снегом старая Сибирь,—это подымающийся край.

...Вот и Москва. Наступил долгожданный вечер—26 декабря. В этот вечер состоялась историческая встреча металлургов с товарищем Сталиным.

Красная площадь. Кремль. Центр мира. Сюда устремлены взоры и надежды всего трудового человечества. Отсюда по вселенной расходится великая человеческая правда. Здесь рождаются гигантские планы.

С волнением переступил я порог зала заседаний Политбюро, где нас должен был принять товарищ Сталин.

Просторный, светлый, круглый зал сверкал чистотой. Он был обставлен просто, строго, со вкусом. Никого из руководителей партии и правительства в зале еще не было, и в ожидании начала совещания металлурги вели между собой непринужденную беседу. Мы были веселы. Мы пришли к нашему родному Сталину, чтобы поздравить его с одержанной победой.

Впервые в истории развития нашей страны советская металлургия выплавила 10 миллионов тонн чугуна. Это давало нам тогда второе место в мире. Это была первая победа металлургии, которая ряд лет не справлялась с возложенными на нее заданиями. Нам казалось, что основные трудности позади.

Мы приехали со всех концов Советского Союза—с Юга, Сибири и Урала, старые и молодые, коммунисты и беспартийные, рабочие, инженеры, хозяйственники—те, которые почти все время были связаны с тяжелой промышленностью, участвовали во всех этапах ее развития и довели ее, наконец, до выплавки 10 миллионов тонн чугуна.

Ко мне подошли товарищи и сказали:

— Кому-нибудь из металлургов надо будет выступить с приветствием товарищу Сталину. Мы поручаем вам это сделать.

Я растерялся. Передо мной прошли все 17 лет работы в черной металлургии при советской власти.

С каждым годом менялась моя жизнь. С каждым днем я все более убеждался, что нет техники и экономики вне политики. Годы восстановления разрушенного войной народного хозяйства, годы реконструкции, индустриализации, пятилетки, социалистического строительства, коллективизации, строительства Магнитки, Кузнецка—какой последовательный, смелый скачок, какие грандиозные этапы преобразования страны!

Этот замечательный путь страна прошла под руководством товарища Сталина.

Сталин!.. В зале на мгновение стало тихо. Но потом все заполнилось ликованием, гулом. Металлурги, восхищенные, страстно аплодировали. Вошел товарищ Сталин, за ним товарищи Молотов, Орджоникидзе. В своей обычной, простой одежде, в сапогах и наглухо застегнутой куртке Сталин шел, тепло улыбаясь, дружески и приветливо кивая присутствующим.

Когда буря восторгов улеглась, Серго дал мне слово. У меня учащенно забилось сердце. Я встал и начал говорить прерывающимся от волнения голосом.

Я оглядел людей в зале, посмотрел на товарища Сталина. Он слушал меня. Это придало мне бодрости, постепенно голос стал ровнее, мысли прояснялись. Мне хотелось сказать многое о наших завоеваниях и наших чувствах. Моя речь была примерно такого содержания:

— Товарищ Сталин, позвольте нам, работникам черной металлургии, приветствовать вас с большой политической победой—с выполнением решения правительства о доведении в 1934 году выплавки чугуна до 10 миллионов тонн.

Вам, вероятно, может показаться странным, что я, беспартийный инженер, называю эту победу большой политической победой партии. Под вашим руководством создана новая про-

мышленность, старые заводы реконструированы на основе новейшей техники, о которой мы, старые инженеры, могли только мечтать; возникли и выросли целые промышленные районы, возникли быстро, в обстановке и темпах, не имеющих повторения где бы то ни было.

Вы, товарищ Сталин,—инициатор создания второй угольно-металлургической базы на Урале и в Сибири, соединения кузнецких углей с уральской рудой. История промышленности не знает подобной стройки, ни по срокам ее осуществления, ни по методам и приемам ее строения. Революционно с начала и до конца! Революция в технике! Вместо приемов седого Урала и так называемой техники Юга, оставшейся нам в наследство, партия ввела современную американскую технику, о которой мы. в старое время не могли даже мечтать. Постепеновщина, прием капиталистической индустрии, была отброшена. Советский строй обеспечил успех гигантского прыжка. Революция в квалификации рабочих. Вместо примитивных, простейших, допотопных орудий—новейшие станки и машины. Революция в методах труда. Социалистическое соревнование и ударничество, сделавшие труд делом чести, доблести и геройства. Революция в наших сердцах, старых специалистов. Сокрушающая сила фактов, когда мы своими глазами увидели гиганты металлургии и машиностроения, превратила нас в энтузиастов этой великой работы. Мы не только удерживаем позиции—у нас твердая уверенность в успешном выполнении новых задач, которые будут поручены нам партией.

Помимо колоссального обогащения страны техническими средствами, громадного увеличения ее технических капиталов нельзя забывать о том, что параллельно с этим созданы новые кадры молодых инженеров и техников—достойных руководителей промышленности. Все это могло быть сделано только под руководством товарища Сталина и коммунистической партии. Вот почему эту победу я назвал большой политической победой.

Конечно, говорил я не так гладко. Все время назойливо сверлила мысль: складно ли я говорю и то ли, что нужно? Когда я сел на свое место, я стал искать ответа на эти вопросы у сидящих рядом товарищей.

Но вот поднялся товарищ Сталин; тихим, но очень внятным голосом он начал свою речь. Первые слова его речи меня, признаться, даже немного испугали.

— Вы неправы, товарищ Бардин,—начал свою речь товарищ Сталин,—партия не могла одна провести работу, о которой вы говорили.

Товарищ Сталин проводит параллели между победой металлургов и великими победами Октябрьской социалистической революции:

— Вместе с партией в этой работе участвовали и беспартийные и старые специалисты, такие, как вы. Партия одна не могла бы сделать революцию в октябре 1917 года. В революции принимало участие всего 130 тысяч членов партии. В чем состоит заслуга партии? Партия сумела организовать, сумела заставить работать всех и сумела давать правильные указания в работе. Если вы помните в свое время дискуссию о производстве чугуна, то вы, вероятно, знаете, что было две крайних точки зрения: одна стояла за то, что никак не может быть более 10 миллионов тонн чугуна, и другая—нужно достигнуть в первом пятилетии 17 миллионов тонн чугуна. Партия сумела взвесить и направить нужным образом работу до определенного, возможного в данный момент уровня: 10 миллионов тонн. Для того, чтобы достигнуть такого уровня промышленности, необходимо было создать и приобрести, кроме машин, соответствующие кадры людей, которые могли бы на этих машинах работать...

— Мы с полным правом можем говорить,—продолжает товарищ Сталин,—о больших успехах черной металлургии, составляющей основную силу народного хозяйства. Победили—это верно.

Товарищ Сталин делает небольшую паузу, как бы подводя черту под итог сделанного, но в мыслях он уже далек от совершенного. Как всегда, он смотрит далеко вперед, и он дает нам, металлургам, новый практический урок, как хозяйствовать, как двигать вперед дело, которое нам поручено.

— Хотя я не металлург, но я знаю, что во всех развитых странах,—говорит товарищ Сталин,—выплавка стали опережает выплавку чугуна. Есть страны, где выплавка стали превышает выплавку чугуна на 25—30 процентов. У нас наоборот—выплавка стали отстает от выплавки чугуна. Доколе это будет продолжаться? Теперь ведь уже нельзя считать, что мы страна «деревянная», что у нас нет в стране железного лома и т. п. Теперь мы страна металлическая. Не пора ли покончить с этой диспропорцией между чугуном и сталью?

Такая постановка вопроса была для нас, металлургов, полной неожиданностью. Мы и не задумывались над такой простой вещью. А ведь, в самом деле, пора выдвинуть сталь вперед. Я посмотрел на лица металлургов и прочел на них изумление.

Но товарищ Сталин, оказывается, давно уже думал об этом, и он наметил пути устранения диспропорции.

— Я понимаю,—сказал товарищ Сталин,—что эту диспропорцию можно уничтожить путем строительства новых мартеновских печей, которые производятся у нас и будут произво-

диться в дальнейшем. Но диспропорцию, вероятно, можно уничтожить также увеличением производительной способности мартеновских печей, что видно из ваших же данных о работе металлургических заводов. Одни заводы работают хорошо, другие плохо. В чем причина? Почему нельзя всем заводам работать хорошо и что этому мешает? Мне бы хотелось получить ответ на этот вопрос.

И товарищ Сталин тут же дает нам ответ на поставленный им самим вопрос:

— И поскольку мы уже научились ценить технику, пора заявить прямо, что главное теперь—*в людях*, овладевших техникой... Надо беречь каждого способного и понимающего работника, беречь и выращивать его. Людей надо заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбованное плодовое дерево.

У вас,—обращается товарищ Сталин к директорам заводов,—не все здесь обстоит благополучно. У домен вы более или менее сумели вырастить и организовать технически опытных людей, а в других звеньях металлургии еще не сумели этого сделать. Именно поэтому сталь и прокат отстают от чугуна. Задача состоит в том, чтобы ликвидировать, наконец, этот пробел. Имейте в виду, что наряду с чугуном нам нужно больше стали и проката.

Впервые мне довелось слышать товарища Сталина, видеть его лицом к лицу. Я был покорен мудрой простотой и лаконичностью его речи. Каждое слово, каждая фраза его была чеканна, ясна.

Совещание у товарища Сталина продолжалось семь часов. Поздно ночью мы вышли из Кремля. Я чувствовал себя так, как будто я только что поднялся на большую вышку, с которой я увидел большой путь, пройденный страной, и огромную, захватывающую перспективу. Я думал о нашем счастливом народе, имеющем вождя, обладающего такими горизонтами и таким революционным размахом.

Долго я стоял на Красной площади и смотрел на Кремль, где живет и работает великий Сталин. На всю жизнь осталось у меня неизгладимое впечатление от встречи с этим великим мудрецом.

Но мы тогда не поняли всей мудрости речи товарища Сталина. Меньше чем через год после этих указаний товарища Сталина в стране развернулось стахановское движение. Как известно, стахановское движение началось снизу, но мы, инженеры, командиры производства, которые ежедневно общались со стахановцами, не сумели понять значение этого движения. В лучшем случае мы смотрели на стахановцев, как на рационализаторов производства. Но в чем особенности этой ра-

ционализации, в чем особенности нового этапа социалистического соревнования,—мы не отдавали себе отчета.

Товарищ Сталин увидел в этом движении зерна грядущего коммунизма. И он был, как всегда, прав. Когда я читал его изумительную речь на совещании стахановцев, я думал: «Как величественны и как своевременны были слова товарища Сталина о кадрах, сказанные год назад!»

...Второй раз я в числе других металлургов был принят товарищем Сталиным 29 октября 1937 года. Страна требовала тогда от металлургии нового подъема производства—мы должны были перейти в более высокий класс технической культуры. Это было трудное время. Враги народа, проникшие на многие командные посты в металлургии, много напакостили нам. Репутация советских инженеров вновь оказалось запятнанной.

В просторном старинном помещении Грановитой палаты Кремля собрались руководители партии и правительства на совещание с ответственными работниками и стахановцами металлургической и угольной промышленности. Совещание уже подходило к концу, когда стало известно, что с кратким словом выступит товарищ Сталин. Нашей радости, понятно, не было границ. Нам была оказана большая честь.

Это было совсем необычное слово. В зале стояла зачарованная тишина, люди слушали вождя, затаив дыхание. Краткая речь Сталина была насыщена и динамична до предела. Я слушал Сталина, и сердце учащенно билось. Вновь, как три года назад, я удивился тому, как далеко вперед умеет видеть Сталин, как глубоко и неразрывно он связан с массами, как он умеет схватывать главное, основное звено.

Сталин говорил о командирах, он говорил о положении инженеров в старое, дореволюционное время, при хозяевах-капиталистах.

— В старое время, во время капитализма,—говорил товарищ Сталин,—хозяйственные руководители, всякие там директора, управляющие, начальники цехов, мастера считались цепными собаками хозяев-капиталистов. Народ их ненавидел, как врагов, так как считал, что они руководят хозяйством в интересах хозяев, ради прибылей капиталистов.

Какая это потрясающая правда! В словах вождя я читал свою жизнь. Прикованные к капиталистической тачке, как каторжники, старые специалисты были действительно цепными собаками хозяев. Они не знали радости творчества. Все их мечты, технические дерзания разбивались о глухую стену капиталистического варварства. С неумолимой логикой товарищ Сталин раскрыл перед нами эту горькую правду.

Я слушал вождя, и передо мной прошла вся моя жизнь.

Полный надежд молодой инженер, я вынужден был покинуть Россию, потому что родина не могла предоставить мне работу по специальности. В Америке я работал, как вол, и меня вышвырнули на улицу, как только капиталистический Молох пожрал остатки моих сил.

И вот опять Россия. Кровавая война. Нужен металл, нужны пушки, снаряды, и капиталисты покупают инженеров, заставляют их делать орудия истребления людей.

Грянула Октябрьская социалистическая революция. Инженеры задумались: с большевиками или против них? Два десятка лет я работал с большевиками. Как вырос я за эти годы и как инженер и как гражданин! Какие необозримые горизонты открывались передо мной! Только при советской власти инженер может развернуть свои творческие способности, реализовать творческие мечты.

Товарищ Сталин, отражая мысли всех честных, преданных социалистическому строю инженеров, проводит резкую грань между положением инженера в старое время и теперь:

— При нашем, советском, строе, наоборот, хозяйственные руководители имеют все основания пользоваться доверием и любовью народа, так как они управляют хозяйством не ради прибылей кучки капиталистов, а ради интересов рабочего класса, ради интересов всего народа. Вот почему звание хозяйственника в наших условиях является высоким званием, а быть руководителем в советских условиях—значит удостоиться высокой чести и доверия в глазах народа.

Это те именно слова, которые, как воздух, были нужны в тот момент. Без такой поддержки самого авторитетного в мире человека—товарища Сталина было трудно преодолевать имеющиеся препятствия. Великий Сталин принес нам эту поддержку в тот час, когда она была больше всего нужна.

И, как всегда, речь товарища Сталина заставила мысль работать особенно интенсивно.

...В октябрьскую ночь 1937 года я вышел из Спасских ворот Кремля. Часы на башне пробили четверть второго. Ночь была прохладная и влажная. Дремлющая Красная площадь поблескивала торцом. Мне стало жарко. Я остановился, чтобы перевести дыхание и расстегнуть ворот. Я думал: «С какой гениальной прозорливостью товарищ Сталин выбирает моменты для нужного поворота государственного корабля! Как смело ведет он страну по пути прогресса! Как он умеет угадывать мысли народа! Какой энергией, какой активностью дышит этот человек!»

Сталин! Это имя будет жить в веках. Тайну этого человека будут изучать поколения. Мы, современники его, можем им помочь в их будущей работе.

— Имейте в виду,—говорим мы им,—Сталин прост. Он прост, как истина. В этом вы убедитесь, прочитав любую его статью, любую речь, любой документ, вышедший из его рук. Высшим образцом сталинской мудрости является Сталинская Конституция. Она проста, ясна, точна, кратка и бесконечно мудра и смела.

Таков весь Сталин—скромный человек, в простой одежде, с несколько строгим, но вместе с тем мягким выражением лица.

Мне приходилось бывать на совещаниях, когда товарищ Сталин обнаруживал ошибки в представленных ему документах и соображениях. Товарищ Сталин никогда не пройдет мимо ошибки, но он умеет отличать ошибку невольную от злонамеренной. За невольную ошибку он по-отечески пожурит, исследует ее происхождение, но сделает это так, что у работника явится желание работать лучше, больше ошибок не допускать.

Сталин любит людей нашей страны, он целиком доверяет каждому проверенному работнику, но он никогда не опирается только на одного человека. Свою работу он часто базирует на опыте *коллектива,* он верит в творческую силу коллектива.

Стиль работы Сталина им самим определен с исчерпывающей полностью в его классическом труде «Об основах ленинизма»—это ленинский стиль, характерными чертами которого являются две особенности: русский революционный размах и американская деловитость.

В каждом вопросе, который решает товарищ Сталин, ярко видны эти две черты.

Революционный размах! Для Сталина нет преград, нет канонов, нет традиций, которые нельзя было бы нарушить.

При разрешении любого вопроса политики или техники товарищ Сталин проявляет мастерское умение обобщать весь накопленный человечеством опыт и найти то звено, ухватившись за которое можно было бы двинуть дело вперед. Товарищ Сталин никогда не удовлетворится, если ему сказать, что такой-то завод или такая-то машина стоит на уровне мировой техники. Его революционная стратегия зиждется на непременном требовании во всем и всегда быть впереди.

Каждый технический проект, каждое техническое мероприятие товарищ Сталин сравнивает с лучшими достижениями мировой техники и устанавливает, насколько мы в данном деле окажемся впереди других стран. О проекте, который копирует уже достигнутый уровень, товарищу Сталину лучше не докладывать. Но товарищ Сталин умеет не только требовать нового, но и с удивительной точностью показывать, где лежит то новое, которое надо развивать и растить.

По настоянию товарища Сталина в резолюции XVIII съезда партии были включены пункты о промышленном освоении

бесслитковой откатки металла, о широком внедрении кислородного дутья в доменном производстве и другие технические новинки.

Без всякого преувеличения можно сказать, что товарищ Сталин является создателем советской черной металлургии. На всех переломных этапах развития металлургии товарищ Сталин показывал свою мастерскую прозорливость, указывал путь, по которому надо итти. Путь этот иной раз казался рискованным, он всегда был не обычным, но всегда правильным.

Это в одинаковой мере относится и к вопросу о масштабах металлургических заводов (да не только металлургических заводов, но и автомобильных и электростанций), и к вопросу об их оснащении и территориальном размещении заводов, и к вопросу о новой технологии металлургического производства. Иногда эти решения нам казались рискованными, но они всегда оказывались гениально простыми.

Решительность и смелость товарища Сталина иногда поражали. Не приходится скрывать, что смелое решение Сталиным крупных задач, стоявших перед страной, вызывало иногда у нас недоуменные вопросы. Ответы на них приходили позже—иногда через год, иногда через несколько лет. Каждый раз мы убеждались, как права была партия, как прав был Сталин, повернув дело сразу, энергично, быстро, революционно.

Мы уподоблялись людям, которые смотрят незаконченное полотно высокоталантливого художника или работу гениального скульптора. Человек, не посвященный в идеи художника, не способен охватить гениальность замысла художника или скульптора. Иногда такой малопросвещенный зритель позволяет себе даже бранить художника. Мы, рядовые советские люди, часто уподобляемся этим невеждам. Но, работая под руководством товарища Сталина, мы начинаем понимать его и работать сталинским стилем, мы учимся у него искусству руководства, умению находить в каждом данном моменте решающее звено, чтобы повернуть цепь событий в нужную нам сторону. Например, всю огромную программу работ металлургии товарищ Сталин уложил в одной фразе: «Третья пятилетка—пятилетка специальных сталей».

Нужно обладать большим техническим кругозором, нужно смотреть далеко вперед, чтобы одной лаконичной фразой определить весь путь технического развития не только металлургии, но и авиации, и машиностроения, и автомобилестроения.

Но таков Сталин: исполин—мудрец.

В. Барсова

Народная артистка СССР

☆

НАШ ВЕЛИКИЙ ДРУГ

Мне, как и моим товарищам по искусству, случалось не раз выступать на спектаклях и концертах в присутствии товарища Сталина.

Артисты хорошо знают, какое огромное влияние имеют на них слушатели, зрители, аудитория. Артисты говорят часто: «сегодня хорошая публика». Это значит, что мы чувствовали неразрывную связь с зрительным залом, что каждая исполняемая ария, романс или песня принималась публикой с вниманием, теплотой, принималась радостно и любовно.

Когда стоишь на сцене или на концертной эстраде, прекрасно чувствуешь замечательного, редкого слушателя—человека, который как-то по-своему, сильно, с особым глубоким чувством и вниманием воспринимает твое пение.

Видишь его глаза, сосредоточенный взгляд, сосредоточенное лицо, видишь, как мгновенно он воспринимает лирику, юмор, как ни одна деталь исполнения не ускользает от его внимания.

Именно такой слушатель Иосиф Виссарионович Сталин. И потому так необычайно приятно выступать перед ним.

Мы, артисты, знаем, что товарищ Сталин прекрасно понимает искусство и очень строго разбирается в нем и в тех произведениях, которые исполняет певец или певица. И потому так радостно и приятно и вместе с тем так ответственно петь в его присутствии.

Мысль о том, что поешь перед одним из величайших людей нашего времени, перед человеком, сделавшим так много для

родной страны и народа, ни на минуту не оставляет тебя. Это наполняет глубочайшим волнением, но это волнение и одухотворяет артиста. Присутствие этого великого человека в зале в то время, когда ты выступаешь,—большая радость, большое счастье для артиста. Оно вдохновляет тебя не только в тот знаменательный для артиста вечер: оно вдохновляет надолго. В этом исключительная, особая радость выступления артиста перед товарищем Сталиным.

Я чувствовала огромное удовлетворение, когда видела, что Иосиф Виссарионович аплодирует.

Я не могу забыть вдумчивую и глубокую критику, полученную нами от товарища Сталина в трудные для нас дни постановки замечательного произведения Глинки «Иван Сусанин».

Товарищ Сталин говорил о первом варианте постановки финала последнего акта оперы.

В первом варианте на сцене показали памятник Минину и Пожарскому. Чувства народа—его радость, ликованье освобожденного от чужеземного гнета народа—не были показаны в этом варианте финала оперы. И потому финал «Ивана Сусанина» получался несколько сухим, как говорится, академичным, и зрители в общем оставались равнодушными к тому, что происходит на сцене.

Идея произведения Глинки, героика оперы, наконец, народ—главное действующее лицо оперы—все оставалось в тени, потому что постановщики не нашли заключительной точки, финала, достойного всей постановки.

Иосиф Виссарионович Сталин сказал нам о том, что нужно вывести на сцену Минина и Пожарского, вывести их *живыми*, дать живые их образы, а не показывать их в виде застывшего монумента, в виде памятника.

Он говорил о том, что нужно показать Минина и Пожарского торжествующими победителями, показать празднующий победу народ, народ, сбросивший чужеземное иго и радующийся этой великой победе.

И когда после переработки был показан новый вариант финала оперы, мы поняли, что найдено то, чего нехватало всей постановке: найден и раскрыт смысл постановки, показана главная идея гениальной оперы Глинки. И мы поняли значение, глубину и мудрость тех советов, которые дал нам Иосиф Виссарионович Сталин.

В этом человеке огромного государственного разума, несокрушимой энергии и воли живет тонкое и глубокое понимание искусства. Этот большой человек всегда помнит, что искусство должно служить высокой цели освобождения человечества, и потому он видит то, что иногда ускользает от взгляда артиста, певца или постановщика.

Еще одна встреча с товарищем Сталиным навсегда запечатлелась в моем сознании.

Это были трудные годы. Наша страна переживала один из труднейших этапов строительства социализма. Время было суровое, наш народ сознательно шел на известные лишения, для того чтобы осуществить сталинский пятилетний план, осуществить коллективизацию сельского хозяйства, этот громадный переворот в жизни и сознании народа.

2 мая 1932 года мне случилось выступать в одном концерте в присутствии Иосифа Виссарионовича. На концерте были участники первомайского парада, выпускники Военно-воздушной академии, представители искусств. После концерта, внимательно и дружески поглядывая на нас, он сказал глубоко взволновавшие нас всех слова. Он заговорил о том, что мы очень скромно одеты, одеты не так, как должны быть одеты артисты великой страны...

— Вы думаете, что мы этого не видим?—сказал товарищ Сталин.—Но потерпите немного, и Советская страна сумеет дать советским артистам все то, чего они заслуживают...

Таков был смысл слов Иосифа Виссарионовича. Эти слова, я помню, глубоко взволновали нас своей человечностью, отцовской теплотой.

Прошли годы, наша страна преодолела все трудности, наша страна могуча, богата, сильна, и мы, советские артисты, поставлены в ней на огромную высоту. Но никогда я не забуду тех волнующих, глубоко трогательных слов товарища Сталина; никогда мы, артисты, не забудем этих человечных и теплых слов нашего великого отца, друга и вождя.

В. Молоков

Герой Советского Союза

☆

МОИ ВСТРЕЧИ С ТОВАРИЩЕМ СТАЛИНЫМ

Последние годы партия и правительство доверили мне, рядовому летчику, большую почетную работу — руководить Главным управлением Гражданского воздушного флота. По роду моей работы, в порядке, так сказать, официальном, мне часто приходится встречаться с руководителями партии и правительства, с товарищем Сталиным. За последние полтора года я неоднократно видел товарища Сталина на различных заседаниях, совещаниях, приемах в Кремле. Каждая из этих встреч навсегда запечатлелась в моей памяти. О каждой из них можно рассказывать очень много, со всеми деталями и особенностями, присущими тому или иному дню. Но в числе незабываемых встреч с товарищем Сталиным особое место занимают первые встречи.

В 1929 году я, летчик военной авиации, был послан в Москву, на курсы усовершенствования командного состава при Военно-воздушной академии РККА имени Жуковского. Вместе с другими слушателями Академии мне выпало счастье участвовать в Октябрьском параде. Вот тогда-то я впервые увидел товарища Сталина.

Это было во время церемониального марша. Мы шли в рядах по Красной площади, строго соблюдая равнение. На левом крыле мавзолея, окруженный своими соратниками, стоял товарищ Сталин. Тот, кто когда-нибудь участвовал в параде, знает, что идущему в строю смотреть по сторонам трудно. Мы могли всматриваться в находящихся на трибуне мавзолея лишь в те короткие секунды, когда наш ряд равнялся с мавзолеем. Сейчас я даже затрудняюсь сказать, что в тот раз действительно

видел товарища Сталина. Во всяком случае после парада мы немало спорили о том, где стоял товарищ Сталин: справа или слева от микрофона, рядом с Ворошиловым или Молотовым. Каждый доказывал, что он прав. В результате долгих споров никто из нас не смог доказать, что действительно ясно видел товарища Сталина. Но у всех нас, и в частности у меня, осталось радостное ощущение, что в тот момент, когда мы проходили мимо мавзолея, товарищ Сталин там был.

В феврале 1934 года в далеком Чукотском море затонул раздавленный льдами пароход «Челюскин». На льдину высадилось 104 человека. Партия и правительство мобилизовали все силы для того, чтобы спасти их. На Север двинулись спасательные партии, ледоколы, пароходы; полетели самолеты. В числе других летчиков на помощь челюскинцам правительственная комиссия направила и меня. Как известно, операция увенчалась полным успехом. Все челюскинцы были спасены советскими летчиками и доставлены на материк. Вместе с ними возвращались с Севера и пилоты, принимавшие участие в спасательной экспедиции.

Челюскинцев и летчиков очень тронула встреча во Владивостоке. Я забился куда-то на корму, чтобы справиться с волнением. Мы сами не понимали, что сделали в Арктике. На всем пути от Владивостока до Москвы страна давала нам знать о себе, о том, с каким живым, напряженным интересом весь мир, и в первую очередь весь Союз, следил за полетом наших машин, за всеми малейшими эпизодами борьбы под Ванкаремом. Где бы ни останавливался наш поезд, даже на глухих полустанках, мы слышали голос страны. И чем ближе к Москве, тем все сильнее, громче звучали приветствия родины. Они не смолкали ни на миг. Привыкнув к тишине и безмолвию Арктики, я был сперва оглушен, подавлен всем виденным и слышанным.

Когда мы подъезжали к Москве, в поезде кто-то из встречавших нас сказал, что челюскинцы и летчики увидят товарища Сталина. Трудно передать, какое волнение охватило всех при этом известии. С огромным, вполне понятным нетерпением каждый ждал прибытия в столицу. И вот, наконец, мы в Москве! Прямо с вокзала под непрекращающимся дождем цветов и листовок нас повезли на Красную площадь. Мы стояли внизу, у мавзолея Ленина, гул приветственных возгласов перекатывался по обширной площади, полной народа.

Очень хорошо я помню наступившую вдруг тишину, вся площадь как-то притихла. Вместе со всеми я взглянул влево. К мавзолею приближалась группа людей, среди них был товарищ Сталин, в военной фуражке, в сапогах, в плаще. Он шел улыбаясь. Вся площадь аплодировала, кричала «ура».

Где-то запели «Интернационал», и все подхватили этот гимн. Товарищ Сталин подошел к нашей группе и поздоровался со всеми летчиками. Этого никто из нас не ожидал, и мы даже растерялись немного.

Затем нас пригласили на трибуну. Завязалась беседа. Товарищ Сталин спросил меня о том, как работается на Севере, какая там обстановка для полетов, как мы летали в лагерь. Его интересовали бытовые мелочи из жизни челюскинцев на льдине, взаимоотношения в лагере после того, как заболевший начальник экспедиции О. Ю. Шмидт был вывезен на материк. Стараясь не занимать долго внимания товарища Сталина, я кратко ответил на все вопросы.

Мимо мавзолея шла демонстрация трудящихся Москвы. Где-то недалеко от трибуны в числе других родственников участников экспедиции находилась моя старушка-мать. Я пытался найти ее в толпе и узнать, чем она занята. Товарищ Сталин заметил мои усилия и, улыбнувшись, спросил:

— Кого вы так зорко ищете?

Помявшись, я ответил:

— Там где-то должна быть моя старушка, и я ее никак не могу увидеть.

Иосиф Виссарионович засмеялся и сказал:

— Пойдите, найдите и позовите ее сюда.

Мать, однако, я не нашел. Бедную старушку куда-то оттеснили. Тем временем демонстрация кончилась. Я снова поднялся на трибуну и слушал, как товарищ Сталин разговаривал с другими летчиками. Вдруг он обратился ко мне и спросил:

— Как же это так: у вас на всех снимках есть борода, а сейчас вы бритый?

Действительно, когда газеты давали снимки летчиков, спасавших челюскинцев, то они поместили портрет, на котором я был изображен с бородой. Это был старый снимок, относившийся к тому времени, когда я впервые попал на Север. По обычаю всех арктических новичков я отпустил бороду. Вернувшись из Арктики в Красноярск, я случайно увидел себя в зеркале и обомлел. Борода и усы были безобразного рыжего цвета. На Севере нам приходилось курить махорку, иногда сухой чай, кору деревьев. Едкий, густой дым пропитал бороду и окрасил ее в жуткий цвет. Я срочно побрился и с той поры бороды не носил. В распоряжении же московских газет был только этот снимок.

Вечером того же дня в Кремле был устроен прием в честь челюскинцев и летчиков. На этом приеме товарищ Сталин выступил с речью, в которой говорил о мужестве и отваге советских людей. Он говорил, что Герои Советского Союза проявили то безумство храбрых, которому поют славу. Но

одной храбрости мало. К храбрости нужно добавить организованность, ту организованность, которую проявили челюскинцы на льдине. Соединение храбрости и организованности делает нас непобедимыми.

Товарищ Сталин тепло отзывался об участниках воздушной экспедиции. Я слушал очень внимательно и вдруг вздрогнул: Иосиф Виссарионович назвал мою фамилию.

— Ведь вот, незаметный как будто человек,—говорил товарищ Сталин.—Никогда его до этого времени не было заметно, да он мало говорит и сейчас. А посмотрите, больше всех сделал и опять молчит.

Трудно передать состояние, в котором я тогда находился. Парад, трибуна, прием—все это навалилось на меня сразу, как огромная гора. Мне, никогда до того и не мечтавшему видеть близко товарища Сталина, довелось сразу в один день трижды стоять рядом и разговаривать с товарищем Сталиным. Я всегда считал себя очень спокойным. Но тут внутренне переживал очень сильно. Внешне это, быть может, мало было заметно. Я не бегал, не топтался, не размахивал руками. Но внутри бушевала буря хлынувших на меня чувств, я получил колоссальный «переворот мозгам», как говорят у нас на Севере.

☆

Вскоре после этого в Кремле было устроено совещание, на котором обсуждались итоги работы в Арктике и задачи, связанные с дальнейшим освоением Севера. Кроме товарища Сталина в совещании участвовали товарищи Молотов, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе, Куйбышев. На совещание были вызваны полярные моряки, летчики, руководители челюскинской экспедиции. На этом совещании, пожалуй, впервые широко и всесторонне был намечен сталинский план большевистского освоения Арктики. Разговор шел обо всем, начиная от организации научных станций и кончая работой авиации. Из летчиков выступали Леваневский, Водопьянов и я.

Во время моего выступления товарищ Сталин задал мне вопрос: можно ли использовать на Севере дирижабли? В ту пору я о дирижаблях только слышал и поэтому откровенно сказал, что ответить на вопрос не могу.

По окончании совещания мы на несколько минут задержались в зале. Воспользовавшись этим, я подошел к Водопьянову и начал укорять его за необоснованную защиту двигателей с водяным охлаждением. В своем выступлении Михаил Васильевич сказал, что для полярной авиации нужны моторы не воздушного, а водяного охлаждения. Между тем я считал (и считаю до сих пор), что наиболее удобными для работы в Арктике являются двигатели с воздушным охлаждением.

В пылу спора мы не заметили, как к нам подошел товарищ Сталин. Он молча слушал нас несколько минут и затем спросил:

— Вы чего спорите?

Мы объяснили суть наших разногласий. Товарищ Сталин рассмеялся и сказал, что каждый из нас по-своему прав: Водопьянов—потому, что сейчас на Севере много самолетов с моторами водяного охлаждения; я—потому, что моторам воздушного охлаждения принадлежит будущее.

Затем товарищ Сталин спросил меня:

— Вы, кажется, едете в Англию?

Решением правительства мне и Леваневскому была предоставлена командировка в Лондон для ознакомления с достижениями английской авиации. Я ответил товарищу Сталину, что мы собираемся выехать на следующий день, билеты уже в кармане.

— А как ваша семья?—спросил товарищ Сталин.—Не обижается, что опять уезжаете?

— Жена обижается немного,—ответил я.—Говорит, только приехал и опять, как ворон, из дому улетаешь.

— А почему бы вам не поехать вместе с женой?—спросил товарищ Сталин.

Опешив от неожиданности, я не успел ответить, как товарищ Сталин уже отошел от меня к товарищу Молотову. Утром следующего дня мне домой принесли второй билет и заграничный паспорт на имя моей жены—Надежды Ивановны. Она ничего не знала о моем разговоре с товарищем Сталиным и была страшно поражена. Я был удивлен не меньше. В поезде я встретился с Леваневским. Он тоже ехал с женой.

Утром 27 июня 1934 года мы прибыли в Лондон. Газеты писали о нас, что «с внешней стороны эти два человека далеки от обычного нашего представления о русских: они не сонны и не волосаты, они не носят ни бомб, ни палок».

Да, у нас не было ни бомб, ни палок, и мы приехали в Англию не спать, а изучать современную авиацию.

В полдень на Хендонском аэродроме я увидел машины последнего выпуска. Самолеты шли кильватерным строем, гусиным уступом. С большим интересом я приглядывался ко всему, что творилось в воздухе и на земле. С моря прилетели гидросамолеты. Меня, как морского летчика, они очень интересовали. Это были устойчивые на крутых виражах, весьма подвижные летающие лодки. С большим напряжением прошел воздушный бой между двухмоторным бомбардировщиком и тремя истребителями. Вдруг у одного истребителя мотор стал работать с перебоями, и машина резко пошла вниз. Пилот слепо, неумело развернулся влево и забыл выключить мотор. Самолет рухнул на землю. Мотор загорелся, летнаб погиб.

Я с трудом усидел, когда увидел, что он идет влево. Вправо—вот куда надо было разворачиваться, вправо, а не влево! Тогда машину можно было бы спасти.

Две недели я пробыл в Европе. То, что я увидел, поразило меня. На окраинах Лондона я видел бледных, тщедушных детей. Они бродили по улицам, рылись в канавах. Дети не смеялись. В Голландии я видел развороченные камни мостовой, остатки баррикад. В Саардаме, в деревянном домике Петра I, я прочел в книге посетителей: «Как была велика Россия при Петре, так еще величественнее она стала и будет при Ленине—Сталине».

☆

С огромным напором все арктические летчики и полярники ринулись на штурм Арктики, проводя в жизнь гениальный сталинский план покорения Севера. Зимой 1935 года я совершил первый в зимних условиях полет от Москвы до острова Диксон и обратно. Ныне по этой трассе самолеты летают регулярно. Летом того же года мне доверили осуществить большой арктический перелет, маршрут которого в общем составил 20 тысяч километров.

В следующем году я совершил облет всего побережья Северного морского пути, пройдя на летающей лодке свыше 30 тысяч километров. В конце моего маршрута находилась и Москва. Я летел на тяжелом морском гидросамолете «СССР Н-2». До той поры на морских машинах никто на Москва-реку не садился. Завязалось довольно длинное обсуждение: можно совершить посадку на такой машине в Москве или нельзя. Несколько дней я ждал в Архангельске ответа. Наконец, мне разрешили старт. Посадка прошла удачно. Выйдя из машины, я увидел встречающих меня товарищей Молотова, Калинина, Хрущева. Я никак не ожидал такой торжественной встречи.

Вячеслав Михайлович тепло поздравил экипаж с прибытием в Москву и затем сказал:

— Вы сделали отличную посадку. А нам одни товарищи говорили, что нельзя сесть на гидроплане в Москве; другие утверждали, что можно. Я решил узнать мнение товарища Сталина. Товарищ Сталин ответил, что раз такой человек, как Молоков, хочет прилететь, следовательно, все будет благополучно.

Взволнованный до предела, я просил Вячеслава Михайловича передать товарищу Сталину огромное спасибо за доверие.

Товарищ Сталин очень доверяет летчикам. Валерий Павлович Чкалов однажды рассказывал весьма примечательную историю. Накануне старта из Москвы по Сталинскому маршруту

экипаж самолета «NO-25» заехал к одному крупному авиационному начальнику и сообщил, что собирается завтра трогаться в путь. Начальник посоветовался с метеорологами и заявил, что старт не разрешит. Чкалов категорически настаивал на вылете. Тогда начальник позвонил товарищу Сталину и сказал, что на следующий день ожидается нелетная погода, но Чкалов все же собирается вылетать. Выслушав ответ товарища Сталина, он смущенно положил трубку и, обернувшись к Чкалову, произнес:

— Можете лететь.

Оказывается, товарищ Сталин ответил:

— Чкалов лучше знает, какая ему нужна погода!

Чувствуя внимание и заботу товарища Сталина, мы работали на Севере с огромным напряжением, стараясь все делать отлично, без ошибок, без лишних жертв.

Большевистское наступление на Арктику расширялось с каждым годом. На Севере появились десятки постоянных научных станций, наблюдающих за погодой, изучающих ледовый режим арктических морей, исследующих таинственные «белые пятна» Полярного бассейна. По Великому Северному морскому пути ежегодно двигались торговые и пассажирские пароходы, перевозя рабочих на предприятия, возникшие на побережье Ледовитого океана, зимовщиков полярных станций, грузы для населения сибирской тундры, строительные материалы и машины для Якутии.

В 1937 году было решено провести генеральный штурм Арктики—достигнуть Северного полюса и высадить там группу научных работников. Как известно, товарищ Сталин принимал самое непосредственное участие в обсуждении планов подготовки экспедиции. Дважды с участием товарища Сталина были проведены совещания, посвященные предстоящей смелой операции. Товарищи Сталин, Молотов и Каганович обсуждали и утверждали кандидатуру каждого из ведущих участников воздушной экспедиции.

22 марта 1937 года воздушная эскадра в составе пяти самолетов вылетела из Москвы. 5 мая разведывательный самолет под управлением Героя Советского Союза Головина долетел до полюса и без посадки вернулся обратно, а через две недели на лед Северного полюса опустился флагманский корабль экспедиции, управляемый Водопьяновым. 26 мая к нему присоединились остальные тяжелые корабли.

Задание партии и правительства было выполнено. Советские самолеты достигли Северного полюса и основали там первую научную дрейфующую станцию. 6 июня станция была торжественно открыта, и мы возвратились на Большую Землю. На льдине остались четыре человека: Папанин, Кренкель,

Ширшов и Федоров. В течение девяти месяцев они вели героическую борьбу со стихией во славу советской и мировой науки. Вся страна с неослабевающим вниманием и волнением следила за их небывалым дрейфом, за их беспримерной работой.

Выполнив задание, самолеты воздушной экспедиции вернулись в Москву. На Центральном аэродроме нам готовили торжественную встречу. Члены моего экипажа еще с воздуха заметили необычный, нарядный вид улицы Горького, белую цепочку милиционеров, протянувшуюся от аэродрома до Кремля, яркие лозунги и транспаранты, пересекающие улицу. Один я ничего не замечал. Мне впервые в жизни предстояло посадить машину на бетонную дорожку. Всякое бывало в моей жизни: я приземлялся и на болота, и на лед, и на снег, и на вспаханное поле; однажды пришлось сесть даже на лес. Но на бетонную дорожку ни разу мне не доводилось сажать машину. Это не так просто, как кажется на первый взгляд. Прежде всего надо на бетонной дорожке удержаться, не раскатиться дальше, чем нужно.

Сели удачно и вышли из самолета. Нас посадили в автомобили и повезли к центральной трибуне. Там мы увидели товарищей Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Калинина, Андреева, Микояна, Жданова, Хрущева, Димитрова. Товарищ Сталин обнял и расцеловал поочередно каждого из участников экспедиции. Затем мы попали в объятия Молотова и Ворошилова. Все мы были бесконечно взволнованы необычайной встречей.

По окончании митинга нас опять усадили в машины, и мы поехали в Кремль. Вместе с нами ехал товарищ Сталин и руководители партии и правительства. Москвичи забрасывали автомобили цветами и листовками. Вереница машин двигалась к Красной площади, к Кремлю.

В Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца состоялся прием участников экспедиции на Северный полюс, устроенный ЦК ВКП(б) и правительством Союза. Мы было скромно уселись в стороне, вместе с остальными участниками экспедиции, но к нам вскоре подошли два товарища и сказали, что командиров кораблей просят пересесть за правительственный стол. Меня посадили рядом с товарищем Молотовым.

Товарищ Ворошилов провозгласил тост за командиров самолетов, штурманов, механиков и всех участников полярной экспедиции. Мы встали и поочередно чокались с членами правительства и товарищем Сталиным. Подошел и я к товарищу Сталину. Он приподнял свой бокал, чокнулся и сказал: «За ваше здоровье!», посмотрел, чтобы я выпил весь бокал до дна,

а сам лишь пригубил свой бокал. Не выпивать же ему весь бокал при каждом из бесчисленных тостов!

Вскоре после этого приема мне пришлось снова улететь на Север. В середине августа 1937 г. из Москвы через полюс в Америку отправился в трансполярный перелет Герой Советского Союза Леваневский. Метеорологическая обстановка была никуда не годной. Почти весь путь до полюса самолет проделал на большой высоте, в облаках, при очень низкой температуре. За полюсом сдал один из моторов самолета. Машина пошла вниз, обледенела; радиосвязь с самолетом прервалась.

Правительство и товарищ Сталин с огромной тревогой отнеслись к этому известию. По указанию правительства на Север немедленно были посланы самолеты, участвовавшие в воздушной экспедиции на полюс. Мы вылетели на остров Рудольфа почти в том же составе, в котором за полтора-два месяца до этого вернулись в Москву. Как известно, поиски были тщетны. Самолет Леваневского не был обнаружен.

☆

Вернувшись из Арктики, я узнал, что готовится новая воздушная экспедиция на Север. В конце полярной навигации 1937 года в полярных морях зазимовало не то 25, не то 26 арктических судов. Часть из них застряла в результате очень тяжелой ледовой обстановки; некоторые были сознательно загнаны во льды вредителями, орудовавшими в то время в системе Главного управления Северного морского пути.

В море Лаптевых зимовал и уносился льдами на Север караван «Садко», состоящий из трех ледоколов: «Садко», «Седов» и «Малыгин». Корабли не были готовы к зимовке, на борту находились небольшие запасы продовольствия и теплой одежды, было много лишних ртов. Поэтому намечалось забросить туда самолетами продукты и теплое обмундирование и снять с борта ледоколов всех лишних людей. На Север предполагалось послать из Москвы три тяжелых самолета и одну разведывательную машину. Экспедиции предстояло проделать весь путь от Москвы до устья Лены, протяжением около 8 тысяч километров, и оттуда уже добираться до каравана. Руководство экспедицией было поручено мне.

Руководитель Главсевморпути О. Ю. Шмидт в то время находился в Арктике, возглавляя операции по оказанию помощи папанинцам, заканчивающим свой героический дрейф. Когда вся подготовка к воздушной экспедиции была закончена, выяснилось, к великому удивлению, что никаких средств на эту экспедицию не отпущено. Обратились в Совнарком с просьбой отпустить средства.

Через несколько дней нас всех срочно вызвали в Кремль. В зале заседаний мы увидели товарищей Сталина, Молотова и Ворошилова. Как мы узнали потом, Центральный комитет партии и правительство не были поставлены в известность о положении в Арктике.

Ох, и влетело же нам тогда! Товарищ Сталин буквально руками развел:

— Как же это так? Заморозили суда и никому ничего об этом не сказали? Готовили спасательную экспедицию, и никто об этом ничего не знал, пока не понадобились деньги? Разве так поступают? Это же донкихотство, партизанщина!

Обсудив положение, правительство признало, что экспедицию послать нужно. Товарищ Сталин порекомендовал, однако, послать не только те самолеты, которые должны будут производить операцию, но и резервные машины, которые в случае нужды смогут оказать помощь самолетам первой линии. Он подверг детальной критике все мелочи подготовки к экспедиции, останавливаясь даже на таких вопросах, как снабжение самолетов маслом.

Незадолго до этого совещания постановлением Совнаркома СССР я был назначен начальником Главного управления Гражданского воздушного флота. Поэтому командование экспедицией было поручено Герою Советского Союза Алексееву. Меня же правительство обязало обеспечить тыл экспедиции, подготовить самолеты в Восточной Сибири, и в частности в Якутске, для снабжения экспедиции и перевозки зимовщиков по железной дороге.

Экспедиция прошла великолепно. Уносимый льдами караван «Садко» в то время находился в тысяче километров от берега. Тем не менее самолеты Алексеева, Головина и Орлова блестяще выполнили задание. Они доставили на корабли весь необходимый груз и перебросили на материк более 180 человек.

☆

В марте 1938 года страна и Москва радостно встречали героев-папанинцев. Весь мир аплодировал их мужеству и настойчивости. Советский народ гордился блестящими успехами своих сынов. Когда отважная четверка приехала в Москву, в Кремле был устроен прием в честь четырех бесстрашных полярников. Все мы, участники экспедиции на Северный полюс, были приглашены на прием. Очень было приятно, когда товарищ Молотов поднял тост за нас, доставивших зимовщиков на Северный полюс. Нас радовало, что в этом всенародном торжестве есть доля и нашего участия.

Товарищ Сталин на приеме выступил с яркой речью. Он говорил о советском героизме, о мужестве советских поляр-

ников и летчиков. Он говорил о том, что советское правительство решило оказать помощь зимовщикам, чего бы это ни стоило, решило не жалеть ни денег, ни ледоколов, потому что талантливым, смелым и способным людям нет цены.

Товарищ Сталин поднял тост за здоровье всех героев, за здоровье молодежи, «за здоровье людей, которые хотят жить и бороться, бороться во всех областях социалистического строительства, жить и разить врагов, жить, чтобы побеждать!»

Это была необычайно яркая, пламенная, образная речь, которая никогда не изгладится из памяти всех присутствовавших на приеме в Кремле. Как жаль, что эта речь нигде не опубликована!

27 июня 1938 года из столицы Советского Союза на восток вылетел самолет «Москва». На борту его находились Коккинаки и Бряндинский. Через 24 часа 36 минут самолет опустился на аэродроме в Спасске, вблизи Владивостока, покрыв без посадки свыше 7 600 километров. Это был блестящий и очень смелый перелет.

В середине июля экипаж самолета возвратился в Москву. В честь его был устроен прием на даче у товарища Молотова. В уютной подмосковной даче собрались товарищи Сталин, Каганович, Ворошилов, Калинин, Микоян, Жданов. Из летчиков присутствовали виновники торжества—Коккинаки и Бряндинский с женами, Громов, Байдуков, Беляков, Данилин, Полина Осипенко, Гризодубова, Ломако.

Разговор шел главным образом об авиации, о новых проблемах, об обязанностях Героев Советского Союза. Товарищ Сталин говорил о необходимости передачи опыта героев всем летчикам.

Воспользовавшись непринужденной обстановкой, все начали говорить о своих планах. Громов говорил о новом перелете. Коккинаки развивал идею беспосадочного полета из Москвы в Америку через Атлантический океан. Решил и я выступить. Вячеслав Михайлович попросил меня рассказать о положении в Аэрофлоте.

Я говорил о людях гражданской авиации, о материальной части; указал, что сейчас мы имеем более 30 различных типов самолетов и что с этим делом пора кончать. Надо свести количество типов к минимуму, поставить на воздушные линии новые, современные машины.

Товарищ Сталин сидел рядом с Владимиром Коккинаки, изредка наклонялся к нему и что-то спрашивал,—очевидно, интересовался его мнением о работе гражданской авиации. Судя по всему, Владимир Коккинаки меня поддержал.

Товарищ Сталин сказал, что нам в нашей воздушной работе надо обратить внимание прежде всего на землю. Это основное! Земля должна быть прекрасно оборудована, чтобы можно было совершать полеты в любое время дня и ночи, в любое время года, в любой международной обстановке. С исключительным знанием дела товарищ Сталин подчеркнул, что многотипность самолетов создает трудности не только в эксплоатации, но и для обслуживающего персонала и при ремонте. Различные типы машин затрудняют ремонт, увеличивают его сроки, омертвляют материальную часть. В заключение товарищ Сталин высказался за то, чтобы свести количество типов машин до четырех-пяти.

Мне, как руководителю Аэрофлота, естественно, приходилось и приходится довольно часто бывать на различных совещаниях и заседаниях, в которых принимает участие товарищ Сталин. Нередко эти совещания проводятся по вопросам развития гражданской или военной авиации. Я убедился, что нет ни одной отрасли народного хозяйства, которой бы товарищ Сталин не уделял внимания. И всегда товарищ Сталин очень конкретно и вдумчиво подходит к каждому вопросу, дает ценные практические указания.

Меня, как летчика, всегда особенно восхищала осведомленность товарища Сталина в авиационных делах. И основное заключается не в том, что он прекрасно разбирается в тонкостях авиационной техники. Товарищ Сталин, как никто другой, умеет видеть основные линии развития авиации, знает генеральное направление завтрашней авиационной техники. Можно было бы привести десятки случаев исключительной компетентности товарища Сталина в авиационных делах. Он знает все типы самолетов, особенно военных, хорошо представляет себе данные всех моторов, находящихся на вооружении нашего авиационного парка, отлично разбирается в сложных проблемах наземного обслуживания.

Именно по инициативе товарища Сталина был поставлен вопрос о дальнейшем усовершенствовании одной из машин гражданской авиации. Иосиф Виссарионович вызвал к себе летчиков и конструкторов, работавших над этой машиной, поставил перед ними совершенно конкретные, деловые задачи, дал инженерам твердые сроки. Мы начали было просить удлинить сроки. Товарищ Сталин минуту-две подумал и твердо сказал:

— Нет, сможете уложиться! Понатужьтесь—и выполните.

Иногда на этих заседаниях некоторым товарищам очень серьезно влетает от товарища Сталина. И тот человек, которого ругают, готов, кажется, провалиться от стыда сквозь землю. Я помню, как однажды влетело и мне. Меня и моего заместителя товарища Картушева вызвали в Кремль, а мы в это время находились на одном из подмосковных аэродромов. Пока нас разыскали, пока мы приехали,—прошло много времени.

В Кремле мы застали товарищей Сталина, Молотова и Ворошилова. Оказывается, они нас ожидали два часа. Я прямо со страхом вошел в кабинет.

Товарищ Сталин посмотрел на нас внимательно и спросил:

— Вы что думаете, нам делать нечего? Откуда вы так долго ехали? А еще летчиками называетесь!

Запинаясь, я объяснил, в чем дело. Товарищ Сталин усмехнулся и перевел разговор. Но я в течение всего заседания чувствовал себя не в своей тарелке, вертелся и еле дождался конца совещания. Мне было страшно неудобно и стыдно, что я заставил ждать товарища Сталина, отнял у него драгоценное время.

☆

Куда бы партия ни послала нас на работу—в Арктику, в пустыню Кара-Кум, в кабинет начальника Аэрофлота,—везде мы чувствуем неослабное внимание и отеческую заботу товарища Сталина. Бодро и радостно работать, ощущая эту всесильную руку, непрестанное внимание, огромную помощь товарища Сталина. И каждый из нас готов без единой минуты сомнения отдать все свои силы, все свои знания, всю энергию работе во славу нашей родины, на пользу нашему народу, на благо революции, делу партии Ленина—Сталина.

Всеволод Вишневский

Писатель

СТАЛИН НА XVIII СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

Видеть, встречать товарища Сталина мне приходилось в своей жизни не раз—и в 1917 году в Питере, и на южном фронте, и позже, в Москве, на слете конармейцев в феврале 1930 года, и на других военных собраниях, и на съездах.

Здесь хотел бы я дать свои записи, относящиеся к последнему периоду, а именно к XVIII съезду партии.

Неизгладимые впечатления остались от этого исторического съезда, от выступления товарища Сталина, определившего новые судьбы всего мира.

☆

10 марта 1939 года... На съезде появляется Сталин.

Он стоит скромно, у самого края стола президиума. На Сталине светлая, защитного цвета тужурка. Он всматривается в зал, откуда идет поток кликов, приветствий на разных языках. Темные глаза несколько прищурены. Взгляд проходит по рядам, порой внимательно на чем-то останавливаясь. Неторопливым движением Сталин приподнимает руки и тихо аплодирует в ответ—всем присутствующим.

Сколько мыслей, представлений, воспоминаний, ожиданий, глубоких и сложных чувств! Сталин перед съездом, перед авангардом народа.

Весь путь самого значительного, самого сильного, самого мудрого и опытного человека современности проходит в мгновение встречи перед тысячами людей.

Кавказ. Гори. Домик, подвал, черный от копоти. Здесь стояла колыбель... Немощеная улица, потоки, лужи, а вверху—горы и синее-синее небо. Училище, первые книжки, рисунки.

«В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье»[1].

Тифлис конца XIX века. Первый кружок, организованный Сталиным в семинарии; первое занятие, которым руководил будущий учитель рабочих, будущий учитель человечества...

Уже 45 лет наш Сталин в непрерывной революционной, неустанной работе, и сейчас съезд, вся страна, весь мир людей труда в приливе восторга, уважения и любви приветствуют первого работника...

Батум. Зима 1901—1902 года. Поселок на болоте—Чаоба. По ночам собрания руководителей и актива подполья. Ленинская «Искра» откликается на эти собрания. Мартовская борьба с царскими войсками. Первый арест (5 апреля 1902 г.), полтора года тюрьмы, ссылка в Сибирь.

1903 год. Первое знакомство с Лениным—заочное, в порядке переписки, знакомство, которое оставило у Сталина неизгладимое впечатление. Оно передано им самим такими словами: «...Руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения».

Сталин был готов вновь броситься по неизведанным путям, в борьбу за народ.

1904 год. Первый побег и возвращение на Кавказ... Сталина видят в форме солдата...

Ленин в своем отклике на письма назвал тогда Сталина «пламенным колхидцем»... Спустя несколько лет, еще ближе узнав его, пишет Ленин: «чудесный грузин»...»

1905 год... Сталин в газете «Пролетариатис брдзола» («Борьба пролетариата») перепечатывает статью Ленина «Третий съезд»... Ленин в «Пролетарии» перепечатывает статью Сталина «Третий съезд перед судом кавказских меньшевиков»... Великие умы и великие сердца вместе.

Декабрь 1905 года. Таммерфорсская конференция. Первая личная встреча Ленина и Сталина. Бурные, горячие дни первой российской революции. Делегаты конференции в перерывах между заседаниями учатся стрелять... Сталин выступает на конференции в защиту ленинской тактики, делает доклад о работе закавказской организации большевиков. Ленин и Сталин вместе составляют резолюцию, определяющую пути масс.

Новые встречи: на IV (Стокгольмском, «объединительном») съезде... Здесь же присутствует делегат от Донбасса К. Е. Ворошилов, лишь недавно руководивший боями трехтысячного отряда дружинников. Сталин выступает с речью

[1] *Сталин*, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 9, 1938 г.

против меньшевиков, защищает позиции Ленина и ставит вопрос о гегемонии пролетариата.

1907 год. V съезд партии. Сталин неуклонно громит меньшевиков, защищая позиции Ленина. Бакинский период работы.

Пора реакции... Сталин в ссылке снова. Новый побег, работа в Баку, неутомимая, бесстрашная деятельность; новая встреча с Ворошиловым, также бежавшим из ссылки...

Отклики Ленина на сталинские письма и статьи. 1910 год. Новый арест и ссылка Сталина—на север. И из ссылки Сталин находит пути переписки с Лениным... Сталин пишет, что, если партии нужно, он готов вновь бежать из ссылки и вести работу... Слово претворяется, как всегда, в дело. 1911 год. Новый побег. Петербург. Новая полоса, полная громадной работы... Новые отклики Ленина на статьи и корреспонденции Сталина. Новый арест, ссылка...

Февраль 1912 года. Сталин вновь бежит из ссылки, отдавая себя, целиком всю свою жизнь делу партии, ее директивам. Объезд важнейших районов России.

Вся жизнь Сталина развертывается в умах, сердцах людей. И съезд, XVIII съезд партии, стоя приветствует достойнейшего руководителя партии, смелейшего и активнейшего, опытнейшего и наиболее сведущего... Гигантская, героическая биография его мысленно развертывается перед людьми—все шире и шире. Исторические этапы чередуются один за другим.

1912 год. Историческая Пражская конференция ставит Сталина во главе Русского бюро ЦК партии. Сталин подготовляет новый подъем рабочего движения в России. Листовку его, выпущенную к 1 мая, Ленин называет «важнейшим документом в истории рабочего движения в России и в истории нашей партии»[1]. Сталин непрерывно на опаснейших участках. Ленин с тревогой запрашивает о нем...

22 апреля 1912 года. Сталин вновь арестован и сослан в Нарым. Вновь побег из ссылки и вновь работа в центре, в Петербурге. Сталин создает здесь «Правду», громит троцкистскую ликвидаторскую сволочь, подготовляет выборы в Государственную думу, пишет исторический «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату».

(Пройдет 27 лет, и этот депутат, товарищ Бадаев, на XVIII съезде ВКП(б) напомнит партии, народу об этой работе Сталина...)

Ленин исключительно горячо писал об этом «Наказе». Ленин писал также в «Правду» поздравления по поводу громадного улучшения во всем ведении газеты...

Потом Сталин едет за границу, к Ленину. Встречи их в Австро-Венгрии.

[1] *Ленин*, т. XV, стр. 539.

Сталин работает над одним из глубочайших своих произведений «Марксизм и национальный вопрос»... Здесь с большой научной глубиной и точностью излагалась партийная позиция в сложном вопросе... Тема эта, работа эта вырастут спустя годы в реальный великий Союз Советских Социалистических Республик...

Сталин вновь возвращается в Петербург на работу, полную опасности. И вновь Ленин через Н. К. Крупскую тревожно запрашивает о нем... Пишет, что Сталина «надо очень беречь»...

1913 год. Новый арест Сталина. Шестая ссылка—в Туруханский край, ссылка тяжелая, длившаяся вплоть до 1917 года.

Мировая война. Через все кордоны, все цензуры Сталин сумел наладить отправку писем к Ленину в Швейцарию. «Мой привет Вам, дорогой Ильич, горячий-горячий привет!»...Сколько силы, бодрости, энергии в этих сталинских строках... Идите в Музей Ленина и читайте, читайте эти сталинские строки из далекого Туруханского края, пробивавшие все препятствия и одолевавшие империалистическую войну.

Весна 1917 года. Революция... Сталин вернулся в Питер. Он первый встречает Ленина, едущего из эмиграции в Россию. В Белоострове встретились оба великих друга и вместе приехали в Питер, на Финляндский вокзал, где ждало их людское море.

На VII («Апрельской») конференции Сталин вновь громит врагов партии. Ленин поддерживает доклад Сталина по национальному вопросу. Ленин и Сталин вместе пишут проект резолюции, определившей путь народов.

Крутые июльские дни... Сталин спасает для партии, для народа, для всего человечества Ленина... Сталин ясно предсказывает план буржуазии: Ленина хотят убить. Позже стало известно, что юнкера имели именно такое задание.

Сталин руководит VI съездом партии в подполье... Он говорит, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. Прогноз гениальный.

Дни Октября... Сталин во главе организации. Он держит связь с Лениным. Сталин громит предателей—Зиновьева и Каменева. Сталин рассылает всем организациям партии ленинские указания о восстании вопреки попыткам штрейкбрехеров скрыть их. Сталин созывает историческое заседание ЦК 23 (10) октября, на котором была принята резолюция о вооруженном восстании. Сталин становится во главе военно-революционного центра партии, штаба Октября. Сталин первый разгадывает план контрреволюции нанести внезапный удар и предупреждает этот удар двойным ударом.

Начальные дни советов... Гражданская война... Сталин в Петрограде. Поездка в Финляндию, определившая пути освобождения финского народа. Сталин вместе с Лениным пишет важнейший документ—«Декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа». Сталин вместе с Лениным пишет декрет о роспуске Учредительного собрания, и мы, матросы, твердо и неуклонно выполняем этот декрет.

Сталин замещает Ленина в Совнаркоме... Сталин ведет переговоры с казачеством и с представителями Средней Азии... Сталин стоит рядом с Лениным в критические дни Бреста. Сталин помогает Украине организовать отпор наступающим интервентам... К. Е. Ворошилов во главе 1-го Луганского социалистического отряда, оставив Петроград, где он по поручению Ленина и Сталина с Феликсом Дзержинским организовал ВЧК, начинает борьбу против интервенции.

Все опаснее делалась обстановка... Сталин сам едет на юг... Бессмертная эпопея Царицына. Борьба по всем направлениям. Сбор хлеба по мешку, по вагону. Телеграфные сообщения о каждом вагоне, о каждом маршруте... Организация X армии и героической конницы. Подавление восстаний внутри города. Личная работа на линии огня. Непрерывная связь с Лениным в решении важнейших дел: продовольствие, армия, судьба Кавказа... Сталин, ведя непрерывные бои, спасает голодный Север... Ленин телеграфирует о хлебе: «...кроме как от Вас добыть неоткуда» [1]. Сталин организует Каспийскую военную флотилию... К 1920 году, ведомая Кировым, она решит судьбу Баку, разгромит белоанглийский флот, возьмет его живьем, целиком—в Энзели.

Краткие личные встречи Сталина с Лениным осенью 1918 года. Радость—выздоравливает Владимир Ильич после ранения... Беседы в кремлевском кабинете у карты фронтов... Зима, тяжелые неудачи под Пермью—и Сталин опять на опаснейшем участке. Отступающая армия остановлена, реорганизована, тыл подтянут, поправлен. В этой работе Сталина—корни победы над Колчаком!..

Март 1919 года. VIII съезд партии. Атака Троцкого, Пятакова и присных против партийного руководства армией. Ленин и Сталин отбивают эти попытки, утверждают незыблемость партийного руководства, института комиссаров, и закрепляют военную железную дисциплину. У Сталина хватает сил и энергии в тот критический год организовать и Государственный контроль... Но фронт вновь зовет: неудачи под Петроградом... измены в штабах, где сидят троцкистско-шпионские агенты. Наступление белой армии и английского флота числом до 72 кораблей. Зиновьев готовит эвакуацию, бегство... Петроград и Кронштадт под смертельной угрозой. Страна может лишиться

[1] «Ленинский сборник» XVIII, стр. 193.

своего арсенала, крепости Кронштадт, флота... Это катастрофа. Сталин прибыл на фронт. Круто вмешался в дела. Организовал оборону... Раскрыты контрреволюционные организации. Мятежный форт «Красная Горка», уже ведший обстрел Кронштадта и эскадры, был взят стремительным—с суши и с моря—лобовым ударом матросских отрядов. Старая морская наука была поколеблена...

Нависает новая угроза—с юга. Второй поход Антанты, Деникин. Готовится предательство на южном фронте: Троцкий хочет вогнать армию в пустынные, размытые дождями степные районы, под удары врага. Сталин опротестовывает, отвергает этот план. Ленин собственноручно пишет директиву о принятии плана Сталина: удар через Донбасс. Сталин создает для удара Первую Конную армию. Южный фронт громит армии Деникина, разрезает их фронт и уничтожает.

Весна 1920 года... Апрель... 50-летие Ленина. Сталин в Москве. Он выступает с замечательной статьей о Ленине... Из Москвы—прямо на фронт, против 120-тысячной, европейски обученной армии Пилсудского, которая вследствие измены во 2-й и 3-й галицийских бригадах нашего юго-западного фронта вторглась на Украину. Смелейший план переброски Первой Конной армии на польский фронт с Северного Кавказа. Разгром Пилсудского. Стратегия Сталина дает блестящие результаты.

На фронте Сталин ведет работу для II конгресса Коминтерна, готовит материалы по национальному и колониальному вопросам. Ставит перед партией вопрос о необходимости срочно ликвидировать Врангеля, не допуская затяжной зимней кампании. Пленум ЦК целиком принимает предложения и план Сталина. Врангель разгромлен. Сталин разрабатывает далее вопрос о борьбе на Кавказе—и приводит к новым победам. Советская Грузия, Армения и Азербайджан входят в братский союз с нами.

Зима 1920—1921 года. «Профсоюзная дискуссия». Диверсия Троцкого. Сталин рядом с Лениным отбивает эту изменническую попытку. X съезд партии закрепляет дисциплину и намечает пути строительства.

Сказалось невероятное напряжение многих лет, лишения—Сталин захворал. Ленин непрерывно следит за его здоровьем, проявляя исключительную заботливость о товарище, друге.

Вместе, оба, подготовляют они далее новые грандиозные планы экономического переустройства России. На XI съезде партии Ленин дает лучшую оценку деятельности Сталина. По предложению Ленина пленум ЦК избирает Сталина генеральным секретарем ЦК партии.

Шел уже 1922 год... Ленин, переутомленный гигантской работой, израненный отравленными пулями, заболел... Все важ-

нейшие вопросы управления государством, все важнейшие вопросы партии Ленин, в Горках, решает со Сталиным. Сталин в сентябре 1922 года опубликовал заметки о здоровье Ленина, о поднятых им вопросах, о темах, которые его интересуют: процесс эсеров, Генуя и Гаага, виды на урожай, промышленность и финансы...

Ленин непрестанно думает о создании Союза Советских Республик. Сталин проводит всю работу по подготовке этого грандиозного исторического акта.

Ленин диктует свои последние письма Сталину. «Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно». ...Немыслимо читать эти письма без волнения и боли...

Январь 1924 года. Ленин скончался. Замер в тишине весь трудовой мир... В тишине II съезда советов Сталин дал клятву—великую клятву о выполнении всех заветов Ленина.

Десять великих лет. Восстановительный период, сталинская великая пятилетка, колхозы, новая индустрия...

Январь 1934 года. XVII съезд партии. Съезд открылся ровно в тот час и в ту минуту, в которые 10 лет назад Сталин давал клятву. Гигантские победы сталинской эпохи были перед всем миром. Клятва выполнялась свято...

Еще пятилетие—одно из самых необыкновенных в нашей жизни... И вот XVIII съезд партии. И вот Сталин, великий и простой, скромный, стоит у левого края стола президиума, вглядывается в людей, с которыми прошел вместе многие бои, испытания, вглядывается в молодежь, которая пойдет со старшим поколением, пойдет, верная до гроба... Овации съезда невыразимо сильны—это беспредельная любовь, уважение, преклонение... Партия, страна приветствуют своего любимейшего человека.

☆

Съездовский зал заполнен доотказа... Четыре длинных параллельных сектора кресел-пюпитров полны. Два ряда окон. Много света. Строгая архитектура и идеальная чистота. В зале еще долго стоит сдержанный гул. В массе делегаты—люди от тридцати до сорока лет—здоровые, молодые представители здорового, молодого народа...

Быстро, отчетливо проходит избрание президиума, секретариата, редакционной и мандатной комиссий.

...Сталин сидит у левого края стола президиума и внимательно вглядывается в зал—в ряды людей, в их лица, в их глаза. Замечательным, единым движением подымаются руки с красными карточками, когда съезд голосует, утверждает людей, достойных занять место в президиуме. Сталин голосует вместе со всеми, неторопливо поднимая свой мандат...

Слово предоставляется товарищу Сталину. Все поднялись. Вождь партии, вождь народа поднялся с места, неторопливо спустился по нескольким ступеням и подошел к трибуне среди вновь вспыхнувшего приветственного и восторженного гула и шума оваций. С разных мест зала, на разных языках делегаты и делегатки слали ему свои приветы и здравицы. Сталин стоял на трибуне, всматривался в зал и ждал... На него падал нижний боковой свет лампы с правой стороны. Сталин был виден всем. Он обвел весь съезд взглядом и, ожидая, переступил с ноги на ногу... Овация разрасталась все с большей силой.

Члены президиума съезда, для того чтобы иметь возможность лучше слышать и видеть докладчика, спустились в боковые правительственные ложи. Они шли, аплодируя вместе со всем съездом. Овация длилась. Сталин на секунду-другую оперся о трибуну и вопрошающе перевел взгляд с одной группы делегаций на другую... Овация усилилась. Сталин знаком попросил тишины—гул вспыхнул с новой силой... Это сам народ приветствовал достойнейшего из своих рядов... Овации, наконец, затихли.

Сталин начал речь в полной тишине, негромким, неторопливым, ровным—таким знакомым народу голосом. Он постепенно раскрывал перед съездом, перед всеми людьми широкую картину мировых событий... Съезд постепенно входил, углублялся в этот широкий обзор. Едва слышно шелестели листки у тех, кто записывал. Микрофоны были прижаты плотно к уху. Атмосфера необычайного, проникновенного внимания. Голос Сталина—это голос самой истории...

Мысль делает молниеносный скачок—она обнимает разом историю партийных съездов. Она вновь напоминает о многих выступлениях Сталина, о его речи на VI съезде партии, о его выступлениях во время вооруженной борьбы, напоминает о том, что позже говорил Сталин об индустриализации, и о том, как указал он путь великой победы социализма в сельском хозяйстве.

Съезд впитывает в себя доклад. Иногда, в такт своим выводам, Сталин делает подряд несколько прочных, неспешных движений указательным пальцем, и этот жест подчеркивает важные, существенные формулы, от которых будет зависеть в международной жизни очень многое. Перед делегатами, перед всеми слушающими развертывается картина второй империалистической войны, которая охватила два континента. Сталин едко, саркастически говорит о людях, которые «ищут Коминтерн» в пустынях Монголии или в дебрях Марокко. Съезд отвечает смехом и вновь затихает, когда Сталин подходит к объяснениям причин странного характера войны. И в эти минуты перед съездом, перед советским народом и—это так

ясно—перед всем миром раскрываются истинные цели некоторых участников Мюнхена—скажем, англичан—и их сложный провокаторский замысел.

Когда речь касается советской авиации, съезд как бы внутренне себя проверяет. Вот они—здесь, на съезде—известные миру советские летчики. Народ доверил им нашу авиацию, и никаким вралям и пачкунам ничего не изменить ни в качестве, ни в количестве наших воздушных сил.

Речь касается Советской Украины... Зал слушает особенно внимательно... В стране нет таких людей, которые не знали бы, как в нашей истории много значит Украина... Сталин защищал ее и выручал ее в 1918 году—от немецких насильников, от петлюровских банд. По планам Сталина красные бойцы разоружали корпуса интервентов на исходе 1918 года... В 1919 году Сталин вновь вызволил Украину, разгромив второй поход Антанты, разгромив Деникина. Наконец, в 1920 году под руководством Сталина разгромлен был Пилсудский и его армия... И не для того была проделана эта огромная работа, эти подвиги, не для того была пролита кровь, чтобы сейчас какие-нибудь наймиты могли хоть чем-нибудь повредить Советской Украине, всей нашей земле, советским интересам... И съезд настораживается, весь подается вперед, когда Сталин дает политические предупреждения любителям чужих территорий и напоминает о том, что Советский Союз готов ответить двойным ударом на удар. И вместе с тем каждый делегат делает для себя вывод о том, что неизменна наша политика мира и деловых связей и что, не поддаваясь на провокации и соблюдая осторожность, мы должны оберегать мирный труд страны.

Еще внимательнее и прилежнее записывают многие делегаты данные, факты, цифры, справки, которые приводит Сталин, начиная анализ положения СССР. Характерным жестом руки Сталин подчеркивает, что мы можем сделать новые огромные шаги вперед. Он с волнующей силой и простотой развивает перспективы новых пятилеток—программу неуклонного развития промышленности, сельского хозяйства, всего культурного фронта. И вместе со Сталиным съезд идет в будущее. Всякий в стране знает, что каждая произнесенная Сталиным цифра взвешена, проверена, продумана, и если она дана как задача, дана с кремлевской трибуны, то так тому и быть в жизни... Народ ответит выполнением любой поставленной задачи, ибо народ наш привык за время революции чтить свои традиции.

Движение, оживленный гул прошли по залу, когда Сталин попросил у колхозного крестьянства давать ежегодно полтора миллиона работников для промышленности. Перед съездом, перед страной сразу возникла огромная проблема... Люди увидели, как двинется в новые города эта новая армия работников.

Их надо поднять, организовать, напутствовать, снабдить на дорогу, перевезти, принять, позаботиться... Деловой, хваткий большевистский мозг уже решал проблему... Люди видели уже, как эта армия в ближайшие исторические сроки зашевелит Сибирь и Дальний Восток, как зажгутся огни на новых заводах и магистралях... А если же где-либо тронется к границам враг, эти миллионные советские армии расколотят ему череп.

Доклад Сталина продолжался уже второй час. Внимание было неотрывное. Мыслям делалось все просторнее... Люди заново осознавали свои собственные творения, свою собственную работу, наполнялись гордостью и изумлением перед неиссякаемыми силами народа. Люди слушали нагнувшись в порыве... Съезд казался армией, которая готова ринуться вперед... Каждый мысленно отмечал, что нужно делать сегодня же, немедленно, в сфере своей деятельности, своей профессии, для того чтобы в ближайшие исторические сроки, в 10—15 лет, полностью, везде, во всем, начиная от тяжелой индустрии и кончая тончайшими вопросами культуры и искусства, превзойти любую капиталистическую страну и все их вместе взятые... И съезд запоминал наизусть пять новых исторических условий, которые выдвинул товарищ Сталин: уважение к людям, знание способностей людей, забота о том, чтобы люди поднимались вверх, смелое выдвижение людей и, наконец, правильная их расстановка... Сколько во всем этом человечески чистого, чуткого!.. Всякому—от велика до мала, от млада до стара—это новая гарантия заботы о его судьбе, устройстве, быте, даже вкусах и личных потребностях.

Сталин, начиная один из разделов последней части речи, сказал, что он намерен коснуться некоторых вопросов теории. На эту вводную фразу к разделу речи съезд мгновенно ответил аплодисментами. Это партия, это народ благодарили Сталина за его гигантскую научную, философскую работу, благодарили Сталина за то, что его трудами и трудами его ближайших товарищей создана такая книга, как «Краткий курс истории ВКП(б)»... И Сталин в своем съездовском докладе прочел новую главу истории партии: главу о социалистическом государстве.

Много было в докладе Сталина глубоких, гениальных по широте и обобщениям мест... Раздел об основах социалистического государства, о принципах нашего государственного бытия был одним из наиболее глубоких. Люди старались заново продумать весь исторический марксистский цикл государствоведения... Я видел, как люди обменивались взглядами, молчаливо делясь друг с другом услышанным. Было что-то очень радостное, бодрое, хорошее в этом обмене взглядов...

Сталин говорил об интеллигенции, давая историческую оценку ее пути. Люди запоминали его указания о том, что необходимы забота, уважение, сотрудничество с интеллигенцией...

Доклад подходил к концу. С огромной силой прозвучали заключительные слова вождя о победоносном рабочем классе, о победоносном колхозном крестьянстве и советской интеллигенции. Съезд как один человек поднялся... Это народ через свой авангард говорил о том, что он готов к *любым* делам и боям. Это партия и народ благодарили Сталина за науку.

Б. Иофан

Академик архитектуры

☆

СТАЛИН И ДВОРЕЦ СОВЕТОВ

Шел 1931 год. Храм Христа-спасителя еще стоял посреди огромной площади у Москва-реки. Большой и грузный, сверкающий своей позолоченной головой, похожий одновременно на кулич и на самовар, он давил на окружающие его дома и на сознание людей своей казенной, сухой, бездушной архитектурой, отражая собою бездарный строй российского самодержавия и его «высокопоставленных» строителей, создавших это помещичье-купеческое капище.

Вопрос о том, где будет построен Дворец советов, был тогда еще не ясен. Существовало много различных предложений. Одни предлагали построить Дворец советов в Охотном ряду (на месте, где сейчас сооружен Дом Комитетов СНК), другие—на месте, где сейчас построена гостиница «Москва». Среди прочих предложений было предложение построить Дворец советов на площади храма Христа-спасителя. Совет строительства, возглавляемый В. М. Молотовым, совместно с группой архитекторов обсуждал этот вопрос. На заседании присутствовал товарищ Сталин.

Храм занимал середину будущей строительной площадки, и сначала это невольно влияло на характер наших разговоров: появлялись исторические параллели, всевозможные сопоставления. Говорили, что пролетарская революция смело заносит руку над этим грузным архитектурным сооружением, как бы символизирующим силу и вкусы господ старой Москвы. Кто-то сказал о глубоком антирелигиозном смысле того, что мы сейчас сносим самый большой московский храм. Товарищ Сталин, все время внимательно слушавший выступавших, обратился к

присутствовавшим архитекторам с вопросом, а *разместится* ли проектируемый Дворец советов на площади.

До этого храм и его площадь многим казались огромными. Но этим вопросом товарищ Сталин сразу дал реальное ощущение грандиозности размеров проектируемого здания и второстепенного значения тех «проблем», связанных с храмом, которые волновали огромное большинство архитекторов. Мы еще оглядывались в прошлое,—он смотрел в будущее.

В ясный, солнечный день, осматривая с членами Совета строительства и группой архитекторов пригодность для Дворца советов площади храма Христа-спасителя, товарищ Сталин подал мысль—обратить главный вход Дворца к Кремлю.

Иосифа Виссарионовича заботил вопрос о правильном распределении людских потоков на будущей площади Дворца. Из всех этих вопросов выяснилась необходимость значительного расширения площади вокруг будущего Дворца.

Эти первые встречи с вождем, связанные с началом строительства Дворца советов, направили мои творческие силы целиком на работу над архитектурным образом Дворца советов. С этими первыми встречами целиком связано начало моей работы над проектом Дворца.

Еще в 1922 году, на I съезде советов, собравшемся в Москве, товарищ Сталин сказал в своем историческом докладе о декларации и договоре между союзными республиками:

«Нас, коммунистов, часто ругают, утверждая, что мы не способны строить. Пусть история Советской власти за пять лет послужит доказательством того, что коммунисты умеют также и строить. Пусть сегодняшний съезд советов, призванный утвердить декларацию и договор о Союзе Республик, принятые вчера конференцией полномочных делегаций, пусть этот Союзный съезд покажет всем тем, кто еще не потерял способность понимать, что коммунисты умеют так же хорошо строить новое, как они умеют хорошо разрушать старое».

И съезд по этому докладу принял решение: «...в ознаменование создания нового Союзного государства... основать в Москве, как столице Союза, Дом Союза Советских Социалистических Республик».

И когда грандиозные успехи, достигнутые Союзным социалистическим государством, позволили приступить к осуществлению исторического решения об основании Дворца советов, товарищ Сталин был не только инициатором и вдохновителем этого дела. В этот день на площади он своими простыми, деловыми вопросами вернул нас к грандиознейшей задаче, стоявшей перед нами, как бы напомнил нам о размерах будущего Дворца народов, размерах, которые должны соответствовать идее Дворца.

Храма, который еще кичливо высился на площади, уже как бы не существовало. Дворец советов, который только еще в виде неясных замыслов реял в мечтаниях его будущих создателей, был уже реальностью, которая осуществится за то время, которое необходимо для его сооружения, и на том пространстве, которое было перед нами в тот знаменательный солнечный день 1931 года.

☆

Сооружение Дворца советов потребовало невиданного размаха работ, проходивших под непосредственным руководством председателя Совета строительства Вячеслава Михайловича Молотова: архитектурные конкурсы, инженерные проекты, сметы, геологические изыскания на месте будущей строительной площадки. Высококвалифицированные специалисты на подготовительной стадии были заняты еще не существовавшим зданием.

На этой стадии работы мы, архитекторы, участвовавшие в конкурсах на проекты Дворца советов, искали архитектурный образ Дворца нового типа—Дворца народов.

Эти искания пошли в основном по двум направлениям, если оставить в стороне некоторые проекты, представлявшие собой различного рода формалистические измышления, не отвечавшие идее Дворца.

Одному течению Дворец советов представлялся громадным, быть может, даже невиданно громадным зданием обычного дворцового типа, внутри которого один за другим должны были следовать залы—невиданного размера и роскоши анфилада зал. Однако, как бы ни были велики эти залы, они не должны были выделяться в объемах и очертаниях самого Дворца—внешность Дворца должна была представлять собой прямоугольные фасады, с равными рядами пролетов, которые перемежаются одним или несколькими величественными входами. Какой высокой степени художественности ни достигло бы оформление фасадов, как бы ни были грандиозны размеры здания,—все равно, оно по своему типу воспроизводило бы дворцы прошлых эпох.

Второе течение считало нужным при проектировке Дворца исходить из того требования первой программы конкурса, согласно которому основными помещениями Дворца советов должны быть два зала: один—на 15 тысяч, а впоследствии на 20 тысяч мест, а другой—на 6 тысяч мест. Все прочие помещения Дворца советов должны были группироваться вокруг этих двух залов, и потому как в объеме будущего Дворца, так и в общих очертаниях его эти два зала получали внешнее выражение. Это вместе с заданием Совета строительства о высотной композиции Дворца приводило прежде всего к тому, что сторонниками этого течения Дворец решался как *общественное здание высотного типа*, в отличие от сторонников первого течения, которые решали Дворец, как *приземистое, замкнутое, как бы стелющееся по земле здание.*

Товарищ Сталин поддержал точку зрения представителей второго течения. Но он этим не только решил наш спор—он помог нам понять нашу же точку зрения, как точку зрения социалистического новаторства, он осветил перед нами путь дальнейших исканий. Выразив в объеме и в размерах Дворца советов невиданной величины залы народных собраний, мы должны были в архитектурных формах рельефно выразить самое назначение Дворца советов, его демократичность, его назначение служить широким трудящимся массам, а этим непосредственно выражалась ведущая идея всего здания—победа социализма, победа мощной и многонациональной советской демократии в нашей стране. Намечался новый путь в архитектуре, и в одном из постановлений Совета строительства нам всем было прямо указано, что «преобладающую во многих проектах приземистость зданий необходимо преодолеть смелой высотной композицией сооружения».

Как и во всех областях строительства социализма, наш вождь указывал нам, советским архитекторам, путь смелого дерзания, путь новаторства, путь искания нового типа высотных сооружений.

Указания товарища Сталина нашли также свое выражение в следующем постановлении Совета строительства, дающем направление дальнейшим поискам архитекторов и зовущем их «к использованию как новых, так и лучших приемов классической архитектуры, одновременно опираясь на достижения современной архитектурно-строительной техники». В основу архитектурного решения Дворца советов должны были лечь: «монументальность, простота, цельность и изящество архитектурного оформления Дворца советов, долженствующего отразить величие нашей социалистической стройки».

☆

До 1933 года, до конца третьего и последнего тура конкурса, мне представлялось, что высотная часть Дворца будет завершена двадцатиметровой статуей рабочего. Принимая мой проект в основу, Совет строительства предложил завершить здание статуей Ленина, высота которой сначала предполагалась в 50—75 метров.

Это решение с еще большей ясностью поставило перед архитекторами—участниками дальнейшей работы над Дворцом (В. Г. Гельфрейх, Б. М. Иофан и В. А. Щуко) необходимость трактовки Дворца, как высотного сооружения нового типа.

Работа над проектом разгорелась с новой силой; возникали различные идеи и предложения, как архитектурно разрешить поставленную перед нами задачу, как увенчать скульптурой В. И. Ленина в 50—75 метров высотой грандиозное сооружение, каким является Дворец советов.

На рассмотрение Совета строительства и товарища Сталина был представлен целый ряд набросков, из коих основными были два решения.

Первым решением предлагалось значительно повысить в проекте, принятом в основу, высотную часть Дворца (оставив ее круглой) и установить скульптуру по вертикальной оси сооружения; по второму решению Дворец представлял собою прямоугольное здание высотной композиции.

В нашем творческом коллективе на этой почве возникли принципиальные разногласия о правильности того или иного решения.

Иосиф Виссарионович вызвал нас к себе, и мы изложили свои доводы по каждому из предложенных вариантов. Иосиф Виссарионович указал, что прямоугольное решение было бы неправильным и напоминало бы здание обычного типа. В то же время Иосиф Виссарионович согласился с предложенным высотным круглым решением, увеличившим высоту Дворца до 415 метров вместо 275, и установкой скульптуры В. И. Ленина по вертикальной оси Дворца советов, а не по продольной, как это было в проекте, принятом в основу.

Иосиф Виссарионович сделал указание, определившее как для архитекторов, так и для скульпторов направление дальнейших творческих исканий. Согласно этому указанию статуя Владимира Ильича должна выражать призыв.

По его же предложению на устоях, расположенных по диагональным диаметрам круглой высотной части и окружающих скульптуру Ленина, будут поставлены четыре скульптурные группы, которые должны отображать идеи Коммунистического Интернационала, выражать идею международной пролетарской солидарности. Глубокое содержание этой задачи дало толчок для дальнейших плодотворнейших поисков.

☆

В 1934 году мы были посланы в США для ознакомления с передовой техникой современного строительства. После возвращения из этой чрезвычайно обогатившей нас поездки некоторые участники ее снова внесли предложение о решении высотной части Дворца прямоугольной формой.

Сторонники прямоугольного решения Дворца считали, что оно по своей архитектуре будет более интересным. Говорилось и о том, что не было примеров сооружения круглого здания такой величины.

Иосиф Виссарионович внимательно нас выслушал и указал, что прямоугольное решение уже отвергалось, что такое решение нас толкнуло бы на американизм, на архитектуру коммерческого характера, чуждую нам. Потом, обратившись к присутствовавшему на совещании видному инженеру-строителю, Иосиф Виссарионович задал вопрос о технической стороне круглой формы сооружения—возможна ли она? И после того как инженер заявил, что круглая форма со стороны техники сооружения вполне осуществима, Иосиф Виссарионович определенно высказался за круглую форму всего здания, предложив отвергнуть прямоугольное решение.

☆

Силуэт Дворца в основном определился; началось окончательное искание пропорций его. В эскизном проекте высотная часть была решена в виде пяти основных цилиндрических уступов и двух дополнительных. Мы все чувствовали, что силуэт слишком сложен, что он находится в несоответствии со сталинским указанием о монументальности, цельности, простоте и изяществе. Одни из нас предлагали довести количество уступов до трех, другие—до четырех. Товарищ Сталин, выслушав нас и рассмотрев наши предложения, поддержал проект, предполагающий три уступа, как более простой и ясный. В этом виде силуэт Дворца стал лаконичнее, он получил монументальную и простую, легко входящую в сознание и хорошо запоминающуюся форму.

Тут же Иосиф Виссарионович внес существенные изменения и в пропорции нижней части здания. Раньше она по отношению к объему всего здания проектировалась несколько приземистой; этим пытались достичь большей внушительности всего сооружения, если на него глядеть с известного отдаления. Товарищ Сталин предложил нам поднять входную часть. Для миллионов людей, которые будут приходить во Дворец, высокая входная часть будет более открытой и приглашающей.

Благодаря указаниям и советам товарища Сталина и Совета строительства архитектурный образ Дворца советов все более и более вырисовывался и, наконец, принял свой теперешний вид.

Врожденное чутье товарища Сталина в вопросах пропорций очень помогло нам при утверждении размеров скульптуры Ленина. Предельная высота скульптуры по эскизному проекту не должна была превышать 75 метров. Но нам, авторам проекта Дворца, хотелось довести соотношение между зданием и скульптурой до такой пропорции, чтобы скульптура составила примерно четвертую часть всего сооружения, т. е. равнялась

примерно 100 метрам. Товарищ Сталин поддержал нас в этом вопросе.

Теперь проект Дворца вместе со скульптурой представляет собой новое явление в архитектуре. Грандиозное общественное здание будет выражением идеи торжества многомиллионной советской демократии, памятником творцу Великой Октябрьской социалистической революции—Владимиру Ильичу Ленину, грандиозная статуя которого будет представлять единое целое вместе с архитектурой; завершая все здание, она будет *выражать* его идею. Подобное соотношение между этими двумя искусствами, свойственное только эпохам расцвета и в особенности античному обществу и эпохе Возрождения, было утеряно буржуазным искусством, и мы, счастливые художники советской эпохи, вновь—и в какой невиданной грандиозности!—начали находить это соотношение.

☆

Хотя мы, строители Дворца, повседневно в тысяче мелочей чувствовали внимание и заботу товарища Сталина, но видеть нам его приходилось не часто. Да и тогда, когда нам выпадало это счастье, товарищ Сталин не произносил больших речей. Он слушал, и только вопросы, которые он задавал очередному докладчику, обнаруживали остроту и точность его суждений и часто по-новому освещали до этого не ясную нам проблему. Сталинские указания всегда воодушевляли нас и подбадривали в работе. Благодаря необыкновенной ясности и стройности указаний товарища Сталина зачатки новых идей приобретали целостное, единое решение. Очень часто мы, художники, увлеченные деталями, эффектами, разбрасываемся, теряемся среди собственных предложений. Товарищ Сталин, выслушав наше предложение, всегда выберет главное, как бы отшелушит зерно подлинно великого искусства. По этому трудному, но единственно верному пути вел нас товарищ Сталин, и его руководство позволяло нам отбрасывать внешние, увлекательные, поверхностно-эффектные формы и утверждаться в монументальном, простом, внутренне содержательном и высоком по форме искусстве. Примером этому может служить единство идеи наружной архитектуры и скульптуры Дворца.

По совету Иосифа Виссарионовича площадь перед Дворцом посвящена мировым основоположникам социализма и коммунизма с скульптурами Сен-Симона, Фурье, Чернышевского и др. и памятниками Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу. Пилонные группы посвящены теме Коммунистического Интернационала. Весь Дворец завершается скульптурой вождя Великой Октябрьской социалистической революции—В. И. Ленина.

☆

При разработке внутренней архитектуры Дворца мы исходили как из непосредственных указаний товарища Сталина и Совета строительства, так и из духа тех общих требований, которые нам ставил товарищ Сталин. Особое внимание товарищ Сталин уделял Большому залу, как композиционному центру Дворца.

Товарищ Сталин спрашивал нас, возможно ли увеличить количество мест в Большом зале, особо настойчиво подчеркивая, что это необходимо для того, чтобы Дворец был наиболее доступен широким массам. Увеличивая количество мест в Большом зале, мы дошли до вместительности его в 21 тысячу. Изумительное чутье в вопросах архитектурных пропорций товарищ Сталин еще раз проявил, поправив нас при разработке мест президиума в Большом зале. При осмотре проекта Большого зала Иосиф Виссарионович указал нам на то, что по отношению ко всему залу президиум расположен слишком низко, его нужно поднять. Мы выполнили это указание и завершили президиум скульптурной группой—«Ленин ведет народы к коммунизму», что, подчеркнув величественность и монументальность Большого зала, ярко выразило тему главного зала, посвященного народам СССР.

Руководствуясь наводящими указаниями Иосифа Виссарионовича, мы нашли в Дворце советов выражение темы главного фойе, посвященного Сталинской Конституции. При разработке боковых фойе, из которых одно посвящено героике гражданской войны, а другое—героике строительства социализма, товарищ Сталин посоветовал нам для первого использовать кадры из фильма «Ленин в Октябре», в котором удачно показано взятие Зимнего дворца, для второго—некоторые кадры из фильма «Богатая невеста», в котором хорошо передается пафос колхозного труда. В этих указаниях выразилась громадная синтезирующая сила. Скульптура, живопись, кино, даже музыка—все должен вобрать в себя Дворец советов.

В способе построения Дворца и в использовании помещений его должны найти применение все достижения современной техники. В частности товарищ Сталин указал нам на то, что при устройстве освещения Большого зала всякого рода люстры будут противоречить стилю зала. Он указал, что в данном случае люстра является пережитком несовершенной техники прошлого. Было решено пользоваться отраженным светом.

Иосиф Виссарионович принимал участие в выборе материала для облицовки Дворца советов, причем высказал пожелание, чтобы при этом избегали кричащей пестроты. При обсуждении облицовки внешних стен Дворца он советовал притти к двум основным цветам облицовки.

Во всех этих конкретных указаниях выражается определенное направление: монументальность, величественность, простота.

Благодаря указаниям товарища Сталина внутренняя архитектура Дворца получила одну цельную, мощную тему, находящуюся в единстве с наружным обликом Дворца и с его скульптурой.

Главный вход во Дворец советов мы решили посвятить известной всему народу клятве товарища Сталина, произнесенной им после смерти Ленина. На шести пилонах главного входа будут высечены шесть частей этой клятвы, и они же будут отображены в скульптуре. При проектировке этой части Дворца нас вдохновляли мысли нашего великого учителя и направляли его высказывания и указания. Мы стремились к тому, чтобы архитектура заговорила образным языком, доступным широчайшим массам, чтобы, вбирая в себя скульптуру и живопись, архитектура, как бы конденсируясь, выражала себя через эти непосредственно образные искусства.

☆

Сооружение Дворца не только обогащает нас громадным творческим опытом. Указания товарища Сталина, сделанные им в процессе работы, осуществление этих указаний в проектах, критика товарищем Сталиным наших проектов—все это дает замечательную программу советской архитектуры, является плодотворнейшей школой применения в архитектуре метода социалистического реализма.

Основываясь на этой программе, я осуществил ряд других архитектурных работ, в частности проекты павильонов СССР на международных выставках в Париже и Нью-Йорке. Я стремился к тому, чтобы архитектура своими методами, на своем языке выражала великие идеи Октября, великое учение Ленина—Сталина. Проектируя павильон СССР на международной выставке в Париже, я вдохновлялся всемирно известным сталинским определением нашего социалистического труда, как дела чести, дела славы, дела доблести и геройства. В образе динамично растущего очертания павильона, завершенного скульптурой рабочего и колхозницы, радостно и гордо возносящих серп и молот и твердо идущих вперед, мне хотелось выразить наш социалистический труд.

В проекте павильона СССР на международной выставке в Нью-Йорке я хотел выразить высказывание товарища Сталина на Чрезвычайном VIII съезде советов, что социализм для СССР есть то, что уже добыто и завоевано трудящимися нашей страны, что уже осуществлены предвидения Владимира Ильича Ленина, высказанные им в ноябре 1917 года, что русская революция в конечном итоге должна привести к социализму.

Прошло 22 года, и социализм построен, и наше радостное настоящее есть будущее для народов, еще находящихся под гнетом капитализма,—вот какие мысли вдохновляли меня при разработке этого проекта. Советский павильон в Нью-Йорке завершен скульптурой рабочего, гордо несущего вперед светоч коммунизма—пятиконечную кремлевскую звезду, надежду человечества. Для людей, живущих при капиталистическом строе, этот рабочий представляет необыкновенное зрелище—это рабочий советского общества, это передовой человек страны социализма—стахановец, воплощающий в себе то соединение умственного и физического труда, которое является одним из признаков коммунизма.

Радостно сознавать, что нашими руками будет построено коммунистическое общество—его дворцы, его города и сады. Какой простор для вдохновленной деятельности искусств! Мы стоим у счастливого начала этой деятельности, и великий Сталин учит и вдохновляет нас.

А. Бах

Академик

☆

СИЛА ПРЕДВИДЕНИЯ

В жизни общества, как и в жизни отдельного человека, есть даты и вехи, на которых задерживается мысль, которые рождают интересные и многозначащие воспоминания.

В день шестидесятилетия Иосифа Виссарионовича Сталина каждый советский гражданин не может не думать о том грандиозном месте, какое занимает и всегда будет занимать в истории развития человеческого общества деятельность этого великого человека. Достойный соратник и продолжатель дела гения русской революции Владимира Ильича Ленина, товарищ Сталин на новом историческом этапе развил и обогатил учение Маркса—Энгельса—Ленина. Он начертал линию дальнейшего развития нашей социалистической революции и твердо и неуклонно организовывал и направлял строительство бесклассового общества в нашей великой родине. Отличительный признак настоящей, правильной, научной теории заключается в том, что она дает возможность предвидеть наступление явлений или событий, до этого не известных или еще не сложившихся. На долю товарища Сталина выпало вполне заслуженное счастье видеть осуществление в исторически кратчайший срок тех научных предвидений, на которых он основывал строительство нового, бесклассового общества.

☆

Мне только один раз пришлось лично в течение продолжительного времени беседовать с товарищем Сталиным. Зная, какую огромную нагрузку несет Иосиф Виссарионович, я не считал себя в праве без крайней нужды беспокоить его. Разговор касался научных вопросов организации химии. В данном случае, мне казалось, было необходимо решение лично товарища Сталина.

Никого не предупредив, я приехал в ЦК партии, сообщил, кто я, и просил, чтобы меня принял товарищ Сталин. Мне ответили, что Иосиф Виссарионович занят на совещании и просит меня приехать на следующий день утром.

Товарищ Сталин принял меня в своем кабинете в ЦК партии. Я тогда только познакомился с товарищем Сталиным. Само собой разумеется, что я с нетерпением ждал приема и был очень взволнован.

Товарищ Сталин принял меня хорошо, радушно. Особенное впечатление на меня произвела его исключительная простота, простота, я бы сказал, эпическая.

По вопросу, с которым я пришел, товарищ Сталин дал исчерпывающе ясный ответ, и я не мог не согласиться с решением товарища Сталина. Пока я говорил, он внимательно слушал, изредка задавая вопросы. Когда я кончил, товарищ Сталин очень спокойно резюмировал наш разговор, указал, в чем я прав, и отметил слабые стороны моей позиции. Дальнейший ход событий показал, что решение Иосифа Виссарионовича было единственно правильным.

С чем можно сравнить беседу с товарищем Сталиным, длившуюся три четверти часа? За свою довольно долгую и богатую встречами жизнь я не помню ни одной такой беседы. Ничего подобного по ясности, по глубине проникновения в суть дела!

☆

Мне нередко случается бывать на заседаниях, совещаниях, приемах, на которых бывает товарищ Сталин. Каждая встреча с товарищем Сталиным оставляет глубочайший след в психике, в так называемой душе человека, независимо от его развития, от того места, которое он занимает в обществе. И всегда, когда я вижу товарища Сталина в окружении его верных соратников, у меня появляется чувство глубочайшего удовлетворения, я бы сказал даже больше—чувство полного спокойствия за свою страну, за свою великую родину. Ни в какой стране во главе руководства никогда не было такого замечательного коллектива. Мне кажется, что в этом ключ к разгадке секрета блестящих успехов, которые наша страна ежедневно и ежечасно одерживает под руководством Сталина.

Каждый раз, когда приходится делать крутые повороты в науке, мысль напоминает товарища Сталина. Его указания о передовой науке не только абсолютно верны: они открывают новую эпоху в прогрессе человеческого общества.

Мне вспоминается заседание Академии наук, посвященное докладам папанинцев. С несколько неожиданным для самого себя волнением я слушал простую, ясную, содержательную речь товарища Папанина. Замечательно просто и вместе с тем глубоко товарищ Папанин охарактеризовал тогда коренное отличие папанинской экспедиции от многочисленных предшествовавших ей экспедиций на полюс. Папанинская эпопея отвечала требованиям многосторонней практики социалистического строительства, и вместе с тем она служила самым возвышенным задачам науки и прогресса. Перед нами был пример яркого сочетания интересов так называемой «чистой» науки с практическими задачами освоения Великого Северного пути. Хорошо известно, что в этом отношении в высшем научном учреждении нашего Союза, где заслушивались доклады папанинцев,—в Академии наук и тогда и теперь еще не все обстоит благополучно. Но по-настоящему смысл папанинской экспедиции, уроки, которые надо из нее извлечь для движения науки вперед, были вскрыты товарищем Сталиным в его замечательной речи, произнесенной на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 года.

Как всегда, выступление товарища Сталина ярко осветило один из актуальнейших вопросов нашей современной жизни. Указав на то, что великими корифеями науки оказываются не закостенелые, патентованные ученые, нагруженные дипломами и официальными академическими званиями, а смелые мыслители, вступающие в решительную борьбу с устаревшими, отжившими научными традициями, мешающими движению науки вперед, и среди этих корифеев назвав Галилея, Дарвина и нашего великого Ленина, товарищ Сталин говорил:

«Бывает и так, что новые пути науки и техники прокладывают иногда не общеизвестные в науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела. Здесь за общим столом сидят товарищи Стаханов и Папанин. Люди, неизвестные в научном мире, не имеющие ученых степеней, практики своего дела. Но кому неизвестно, что Стаханов и стахановцы в своей практической работе в области промышленности опрокинули существующие нормы, установленные известными людьми науки и техники, как устаревшие, и ввели новые нормы, соответствующие требованиям действительной науки и техники? Кому неизвестно, что Папанин и папанинцы в своей практической работе на дрейфующей льдине мимоходом, без особого труда, опрокинули старое представление об Арктике, как устаревшее, и установили новое, соответствующее требованиям действительной науки? Кто может отрицать, что Стаханов и Папанин являются новаторами в науке, людьми нашей передовой науки?»

Вот простой, ясный, сталинский ответ на долгие споры и дискуссии о «чистой» и «прикладной» науке. Нет «чистой» науки и «прикладной» науки, а есть наука и ее приложения. Товарищ Сталин показал это с удивительным мастерством. Он показал, что наука—это результат действий всего народа, а не отдельной личности или кучки дипломированных ученых.

Каждое выступление Иосифа Виссарионовича производит глубочайшее впечатление. Сталин, как никто, умеет очень ясно и просто объяснить вопрос, который с первого взгляда кажется трудным и непонятным. В этом гениальность Сталина.

На всякий научный вопрос товарищ Сталин дает ответ, который базируется на законах развития общества. Труды товарища Сталина являются непревзойденными образцами по глубине научного анализа, широте обобщений и гениальности предвидения.

В. Коккинаки

Герой Советского Союза

☆

СОГРЕТЫЕ ЛЮБОВЬЮ СТАЛИНА

Развитие советской авиации неразрывно связано с именем товарища Сталина. Мне, как летчику, хотелось бы поделиться своими впечатлениями и напомнить некоторые факты, показывающие исключительное внимание, которое товарищ Сталин повседневно оказывает советской авиационной промышленности, авиации, воспитанию ее кадров. Под непосредственным руководством товарища Сталина, его усилиями наша авиация поднята на огромную высоту, превращена в могучую, непобедимую силу.

И вся моя личная авиационная жизнь неразрывно связана с именем товарища Сталина. Первые самостоятельные шаги, первые попытки рвануться за пределы установленных норм были дружески и заботливо поддержаны товарищем Сталиным.

В 1936 году, после вступления Советского Союза в Международную авиационную федерацию (ФАИ), я решил побить официальный международный рекорд высоты полета на самолете с коммерческой нагрузкой в полтонны. О своем намерении я сообщил на одном заседании товарищу Орджоникидзе. Серго одобрил проект и повел меня к товарищу Сталину. Волнуясь, я изложил ему свой план.

— Ну что, разрешим Коккинаки слетать?—спросил товарищ Сталин у присутствовавших там же товарищей Молотова и Ворошилова.

— Надо разрешить,—сказал товарищ Молотов. Товарищ Ворошилов тоже ответил утвердительно.

— А сделает?—спросил товарищ Сталин.

— Раз Коккинаки берется, значит сделает,—рассмеялся товарищ Ворошилов.

Полет был разрешен. Рекорд французского пилота Синьерина был побит. В таблице ФАИ появился первый международный рекорд, завоеванный советскими летчиками.

Через несколько дней газеты опубликовали следующее приветствие:

«Летчику-испытателю тов. В. Коккинаки.

Поздравляю с достижением международного рекорда высоты на двухмоторном самолете с коммерческим грузом в 500 килограмм.

Крепко жму Вашу руку.

И. Сталин».

Это приветствие обязывало ко многому. Внимание и доверие товарища Сталина надо было оправдать новыми делами. В короткий срок мне удалось на самолете конструкции инженера С. В. Ильюшина побить еще один международный рекорд высоты, а затем улучшить оба своих результата.

После этого я получил второе приветствие от товарища Сталина

«Летчику-испытателю тов. Коккинаки.

Поздравляю Вас с достижением нового высотного рекорда. Крепко жму Вам руку.

И. Сталин».

Вместе со штурманом Героем Советского Союза Александром Матвеевичем Бряндинским мы совершили несколько дальних беспосадочных скоростных перелетов (Москва—Баку—Москва и другие). Они завершились полетом по маршруту Москва—Севастополь—Свердловск—Москва. Тогда было побито сразу три международных рекорда: по скорости полета на 5 тысяч километров без нагрузки, с грузом в полтонны и с грузом в тонну.

Товарищ Сталин внимательно следил за всеми этими перелетами. Он видел в них зерно правильного подхода к испытанию современной материальной авиационной части. На следующий день после окончания полета в Баку меня вызвали на заседание правительства и предложили рассказать о подробностях перелета. Товарищ Сталин тогда сказал:

— Именно так и нужно испытывать самолеты на дальность—летать на предельную дальность полета без посадки.

Товарищ Сталин с особым вниманием следил за дальними перелетами советских летчиков. Он детально знакомился с маршрутом намеченных полетов, интересовался ходом подготовки, заботливо спрашивал о здоровье экипажа.

В 1938 году вместе с товарищем Бряндинским мы готовили перелет на Дальний Восток. Помню, с каким нетерпением мы ждали разрешения на вылет из Москвы. И вот 15 июня в час ночи в моей квартире неожиданно зазвонил телефон. Я снял трубку и сказал:

— Слушаю.

— Говорит Сталин. Здравствуйте!—ответил мне спокойный голос.

Я хорошо знал этот голос. Мне не раз выпадало счастье видеть товарища Сталина, присутствовать на совещаниях, которые происходили при его участии. Этот голос, запоминающийся навсегда, ободряет всех летчиков в самые тяжелые минуты. И в этот ночной час я сразу понял, что вопрос о нашем перелете, видимо, решен.

— Как ваше здоровье, товарищ Коккинаки?—спросил Иосиф Виссарионович.

Я сказал, что чувствую себя крепким, бодрым и готов к любому рейсу, любому перелету.

— Вы отдыхали в этом году?—снова спросил товарищ Сталин.

Я опять ответил, что вполне готов к полету, жду только разрешения.

— Как идет подготовка самолета к перелету?—спросил товарищ Сталин.

Коротко, стараясь не задерживать товарища Сталина, я доложил о готовности самолета, о проверке всех приборов, о возможностях машины, о всех деталях предстоящего перелета.

Иосиф Виссарионович начал расспрашивать о трассе: не трудна ли она, все ли до мельчайших деталей продумано.

— Конечно,—ответил я,—мы все продумали и проверили. Не беспокойтесь, Иосиф Виссарионович, успех за нами.

— Я не об успехе беспокоюсь,—ответил товарищ Сталин,— а о вас.

Я поблагодарил товарища Сталина за внимание, за непрестанную заботу, за все то, что он сделал для меня. Иосиф Виссарионович пожелал нам успешно закончить подготовку к перелету и сказал, что так как он не сомневается в серьезности и тщательности подготовки, то решение о вылете должны принять мы сами.

— Но все же,—сказал в заключение товарищ Сталин,— перед отлетом зайдите ко мне. Мы пожелаем вам счастливого пути.

Всю ночь после этого разговора я не сомкнул глаз. И хотя у нас все было готово к старту, но после разговора с товарищем Сталиным мы проделали всю подготовительную работу сначала.

Снова и снова инженеры и техники авиационного завода имени Менжинского проверяли моторы, машины, оборудование.

Старт был назначен на 27 июня. Накануне вечером я был принят в Кремле товарищами Сталиным и Молотовым.

— Ну, как дела?—спросил меня товарищ Сталин.

Я развернул карту, на которой был нанесен маршрут перелета, показал карту погоды.

Товарищи Сталин и Молотов внимательно ознакомились со всеми этими материалами. Особенно товарищ Сталин интересовался маршрутом нашего полета. Он спросил, далеко ли отстоит трасса от Якутска, затем подошел к карте, висевшей на стене кабинета, показал места своей ссылки, подчеркнул, что наш маршрут проходит по ненаселенным местам. Заключая эту часть беседы, он предложил нам ни в коем случае не рисковать и при малейшей опасности, малейшем сомнении в успешности продолжения полета немедленно его прекратить.

Товарищ Сталин попросил меня рассказать о готовности машины, о самочувствии экипажа, о трудных этапах перелета. Он интересовался, какие меры предусмотрены, если откажет материальная часть, если обнаружатся какие-нибудь неполадки, если сильно прижмет погода. Товарищ Молотов спросил, как организована связь, с кем мы будем сноситься во время перелета. Перед окончанием беседы товарищ Сталин снова задал мне тот же вопрос, с которым он обращался ко мне по телефону: отдыхал ли я в этом году. Я ответил, что не отдыхал.

— Почему?—спросил товарищ Сталин.—Надо было отдохнуть перед полетом.

Я объяснил, что был занят испытаниями самолета и проверкой подготовки машины. Иосиф Виссарионович на это ответил, что я поступил совершенно правильно, что в авиации необходим личный непрерывный присмотр за всем хозяйством и особенно за тем самолетом, на котором летчик отправляется в воздух.

Затем товарищи Сталин и Молотов пожелали мне счастливого пути и успешного окончания перелета.

Полет прошел удачно. Через несколько часов после посадки в Спасске нам принесли приветствие от товарища Сталина и руководителей партии и правительства. Мы были горды и взволнованы, получив это приветствие, дорогое сердцу каждого летчика, каждого советского человека. Сначала я прочел телеграмму, потом Саша выхватил ее у меня из рук и снова прочел вслух. Затем мы прочли ее вместе.

15 июля мы возвратились в Москву. 18 июля в честь экипажа «Москвы» был устроен прием на даче у товарища Молотова. Там присутствовали товарищи Сталин, Л. М. Каганович,

Ворошилов, Жданов, Калинин, Булганин, М. М. Каганович, народные комиссары, Герои Советского Союза, авиационные конструкторы. Встреча была очень теплой, задушевной. Нас вызвали вместе с женами. Все было по-домашнему, просто, хорошо.

Иосиф Виссарионович расспрашивал о подробностях перелета, о Дальнем Востоке, о жизни и работе строевых летчиков в этом далеком краю. Он требовал правдивого рассказа, без прикрас, без огульных похвал авиационных частей, а указаний на недостатки в их работе, спрашивал меня и остальных товарищей, что нужно сделать, чтобы помочь дальневосточникам работать еще лучше.

Во время беседы зашел разговор об обязанностях Героев Советского Союза. Высоко ценя способности отдельных пилотов, товарищ Сталин основной задачей считает повышение мастерства и уменья всей массы летчиков. В своей беседе на даче он говорил о том, что надо, чтобы тысячи летчиков летали так, как десятки Героев Советского Союза. Летным искусством должны владеть не отдельные люди, а массы летчиков. И товарищ Сталин сказал, что первейшей обязанностью Героев Советского Союза является передача опыта, они должны учить других, а те, в свою очередь, должны учить более молодых. И со своей обычной деловитостью Иосиф Виссарионович тут же наметил формы передачи опыта обучения молодых товарищей.

Сидели до утра. Смотрели картину «Волга-Волга», потом опять пили чай. Никому не хотелось уезжать. И товарищ Сталин не хотел нас отпускать. Он уговаривал всех посидеть еще, шутил, подтрунивал над нами. Никто из нас никогда не забудет этой замечательной встречи.

В то время я лелеял мечту о новом перелете—из Москвы в Америку через Атлантический океан. Пользуясь непринужденной обстановкой на даче, я заикнулся об этой идее, спросив товарища Сталина:

— А можно теперь слетать на Запад?

— Ваш перелет уже показал возможности машины,—ответил товарищ Сталин.—Каждый человек поймет, что это расстояние машина сможет покрыть в любую сторону: на Восток или на Запад.

— Да ведь хочется!

Товарищ Сталин рассмеялся. Затем он серьезно сказал, что полет над океаном представляет большие сложности, чем полет над твердой землей, посоветовал еще поработать над машиной, изучить ее еще лучше, чтобы летать с полной уверенностью, и дал задание добиться определенных, конкретных показателей.

— Хорошо,—ответил я,—сейчас я вам ничего не обещаю и ничего просить не буду. Прикину, все проверю, постараюсь добиться этих показателей. Если выйдет, можно притти?

— Можно,—ответил товарищ Сталин.

В октябре 1938 года нелепый случай оборвал жизнь Александра Матвеевича Бряндинского. Он погиб на боевом посту при авиационной катастрофе. Тяжело было узнать об этом трагическом событии. Александр Бряндинский был не только великолепным мастером летного дела, но и чудесным человеком, верным другом, товарищем.

Товарищ Сталин всегда принимает очень близко к сердцу авиационные катастрофы. Часто, очень часто он созывает летчиков и спрашивает их, что нужно сделать для того, чтобы избежать воздушных аварий, чтобы максимально обезопасить полеты. Горячо любя летчиков, он воспринимает гибель каждого, как личное несчастье. Так было и тут. Известие о гибели Бряндинского тяжело поразило его. 27 октября, в день прибытия в Москву экипажа самолета «Родина», в Кремле был устроен прием в честь Осипенко, Гризодубовой и Расковой. На этом приеме подняли тост и за меня, первым проложившим воздушную дорогу на Дальний Восток. Когда я подошел к товарищу Сталину, он спросил:

— Что вы такой скучный?

Я ответил, что недавно похоронил Бряндинского.

Он отошел к товарищам Молотову и Ворошилову и что-то им сказал. Вячеслав Михайлович встал и предложил почтить память Героя Советского Союза Александра Матвеевича Бряндинского.

☆

...Подготовка к полету в Америку шла полным ходом. Я считал своим долгом лично следить за всей работой. Мне на всю жизнь запомнились слова товарища Сталина, сказанные им незадолго до старта из Москвы на Дальний Восток.

— Пока сами все не проверите, пока не будете убеждены, что все, до последнего винтика, действует безотказно,—не летайте.

И товарищ Сталин добавил:

— Мы потому так вам и доверяем, что знаем—вы сами проверите и предусмотрите.

Дни шли за днями. Однажды ночью меня снова вызвали к телефону. Товарищ Поскребышев сказал, что сейчас будет говорить товарищ Сталин.

— Как ваши дела, товарищ Коккинаки?—спросил Иосиф Виссарионович.

— Ваше задание, товарищ Сталин, выполнено, показатели получены.

— Это хорошо,—ответил товарищ Сталин.—Что же, зайдите, поговорим. Нам нужно собраться вместе с вами.

Я сказал товарищу Сталину, что независимо от разрешения полета в Америку нужно уже сейчас по-настоящему готовить машину к полету.

— А когда вы думаете лететь?—спросил товарищ Сталин.

— Нужно, чтобы машина была готова к апрелю. Это значит—готовить сейчас.

— Хорошо,—ответил товарищ Сталин,—поговорим.

Принципиальное разрешение на подготовку к полету было дано.

Незадолго до старта была создана особая правительственная комиссия по перелету. 23 апреля 1939 года она осмотрела самолет и признала материальную часть готовой к старту. Комиссия сообщила свои выводы правительству СССР. Вечером 25 апреля я позвонил по телефону товарищу Молотову, доложил о полной готовности самолета и экипажа и просил разрешения на вылет.

Вячеслав Михайлович спросил о состоянии погоды, поинтересовался запасами горючего. Я ответил и выразил полную уверенность, что экипаж сумеет выполнить задание.

— Хорошо, я посоветуюсь с товарищами,—сказал Вячеслав Михайлович.

Через пять минут раздался звонок. Вячеслав Михайлович сообщил, что он разговаривал с товарищем Сталиным и товарищем Ворошиловым: вылет разрешен.

— Желаем вам успеха и победы!—сказал в заключение товарищ Молотов.

Как мы узнали по возвращении в Москву, товарищ Сталин все время интересовался ходом перелета, требовал сообщения о каждой радиограмме с борта самолета. Когда мы прибыли в Нью-Йорк, полпред СССР в США передал нам поздравительную телеграмму. Она была подписана товарищами Сталиным и Молотовым.

Мы были глубоко взволнованы вниманием руководителей партии и правительства и в своей ответной телеграмме горячо благодарили товарищей Сталина и Молотова за заботу и непрестанную поддержку.

Когда экипаж «Москвы» вернулся в Москву, в нашу честь был устроен прием в Кремле. Сначала мы сидели за общим столом. Товарищ Сталин попросил членов экипажа пересесть за правительственный стол, расспрашивал нас о подробностях перелета, о наших дальнейших планах.

А планы у нас, у советских летчиков, простые: всемерно крепить мощь и силу советской авиации. Советский Союз располагает лучшими в мире самолетами, замечательными кадрами авиационных конструкторов, летчиков, штурманов, механиков. Мы будем неустанно работать, повышая могущество советской авиации, прокладывая в воздухе новые Сталинские маршруты.

☆

За годы сталинских пятилеток наша авиация выросла и стала непобедимой. Конструкторы, авиастроители, летчики, все трудящиеся нашей страны с успехом поработали над тем, чтобы советские самолеты были лучшими в мире, летали дальше, выше и быстрее всех. Центральный комитет партии и советское правительство не покладая рук работали и работают над укреплением отечественной авиапромышленности и военно-воздушных сил. Товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов повседневно занимались и занимаются вопросами развития нашей авиации.

Грандиозная работа по строительству воздушного флота дала замечательные результаты. Трудящиеся Советского Союза отлично знают силу и мощь своей авиации. Успехи нашего воздушного флота признаны во всем мире. Крупные специалисты и военные деятели капиталистических стран считают воздушную армию СССР самой крупной, самой оснащенной, самой современной.

Отличные качества советских самолетов, отвага и умение советских летчиков были неоднократно проверены на практике во время различных перелетов и в боевой обстановке. В 1938 году советские бомбардировщики дали поучительный урок японским провокаторам войны, посмевшим посягнуть на неприкосновенность границ нашей родины. Бомбовым огнем японские укрепления были буквально подняты в воздух. Столь же победоносно действовала советская авиация и в боях на границе далекой Монгольской Народной Республики. Происходившие там воздушные сражения неуклонно заканчивались поражением и разгромом японской авиации.

По всем показателям, характеризующим ударную силу, летно-тактические данные авиации, боевую подготовку летных кадров, мы имеем за последние годы стремительный рост, свидетельствующий о непрерывном прогрессе Военно-Воздушного Флота СССР.

Исключительная роль в создании и развитии отечественной авиации принадлежит товарищу Сталину. Заглядывая далеко вперед, он определил генеральную линию развития советской авиации, пути, по которым она должна итти. Он направил внимание конструкторов на решающие задачи, конкретизируя свои указания по отдельным видам—бомбардировщикам, истребителям, легким самолетам.

Я вспоминаю приезд товарища Сталина на один из московских аэродромов в 1932 году. Тогда мы летали на истребителях последнего выпуска и восхищались их летными качествами. А товарищ Сталин сказал:

— Это ничего (он даже не сказал «хорошо».—*В. К.*), но нам нужны не эти самолеты. Надо, чтобы самолет давал 400 километров в час.

Мы были поражены. Конструкторы сначала растерялись, а потом засели за работу. Мы смотрели на них скептически. А через полтора года я сам проводил испытания серийного самолета, обладавшего скоростью значительно выше 400 километров.

Товарищ Сталин обладает изумительной осведомленностью во всех вопросах авиационного дела. Он разбирается во всех тонкостях самолетостроения, пилотирования, применения той или иной машины. Мы не раз убеждались в том, как огромны и глубоки знания товарища Сталина в авиации. Притом эти знания у него сочетаются с величайшей смелостью мысли.

В 1935 году товарищ Сталин приехал на Центральный аэродром имени Фрунзе. Там ему был представлен известный конструктор Н. Н. Поликарпов.

— Над чем собираетесь работать?—спросил его товарищ Сталин.

Поликарпов подробно изложил свои планы. Внимательно выслушав инженера, товарищ Сталин сказал:

— А вы нам постройте скоростную машину...

И товарищ Сталин тут же очень конкретно охарактеризовал летные качества будущей машины, ее скорость, потолок и другие особенности, наметил срок выполнения задания. Его предложение показалось присутствовавшим при беседе конструкторам неосуществимым, настолько оно было смелым, рушившим привычные традиции конструкторского дела. А через некоторое время мы имели не одну, а несколько машин такого типа, построенных различными конструкторами.

Подобные указания товарищ Сталин давал не от случая к случаю, а систематически, ежедневно, ежечасно направляя развитие нашей авиационной промышленности. Очень часто в Кремле устраиваются при непосредственном участии товарища Сталина совещания, посвященные авиационному строительству. Они носят всегда очень конкретный характер. Выступления товарища Сталина на этих совещаниях всегда чрезвычайно четки, ясны и значительны.

Отлично зная состояние авиационного парка, возможности каждого авиационного завода, нужды и потребности авиации, товарищ Сталин не раз и не два преподал нам урок умного и дальновидного использования всех имеющихся в нашем

распоряжении возможностей. На одном совещании нужно было решить вопрос о типе самолета определенного назначения для Военно-Воздушного Флота. Высказываниям не было конца. Говорили о новых машинах, о проектах, о вооружении. Когда все вдосталь наговорились, товарищ Сталин взял слово и высказался за изменение конструкции одного из существующих самолетов и тут же наметил, в каких он нуждается переделках. Он определил и количество вооружения, разъяснив, почему нужно именно столько, а не больше и не меньше. Все свои предложения товарищ Сталин весьма убедительно обосновал, и все участники совещания согласились, что нам нужен именно этот самолет и именно с таким вооружением.

Товарищ Сталин очень ценит опыт летчиков, конструкторов, всех работников авиации. Поэтому он так часто нас созывает. На совещаниях он вначале молчит, внимательно слушает все выступления, а затем в конце резюмирует, делает выводы, обобщает отдельные замечания, высказывает свои предложения. Припоминаю одно совещание, посвященное авиационным моторам. Речь шла о моторах определенной мощности. Каждый из выступавших говорил о своих нуждах. Одному нужен был звездообразный мотор, другому—с водяным охлаждением, третьему—двухрядная звезда. Товарищ Сталин выслушал всех, а затем выступил и подвел итоги, увязав воедино потребности военной, гражданской и осоавиахимовской авиации, учитывая возможности наших моторостроительных заводов.

Исключительное внимание товарищ Сталин уделяет организации самого производства на авиационных заводах. Отлично представляя весь производственный процесс, он дал нашей авиапромышленности ряд чрезвычайно ценных указаний. Товарищ Сталин большой сторонник механизации труда, производственной культуры, чистоты отделки. Часто повторяя, что «в авиации не существует мелочей», он и нас и производственников учит работать так, чтобы на всех участках дело шло хорошо, чтобы нигде ничего не заедало, чтобы все было сделано добротно, надежно, прочно. В сферу его внимания попадают даже такие как будто бы сугубо специальные вопросы, как качество авиационного масла. А ведь даже многие из наших летчиков не знают, на каком масле они летают.

Несмотря на все успехи нашей авиационной промышленности, товарищ Сталин далеко не пристрастен. Он чрезвычайно объективно оценивает и наши достижения и нашу отсталость в том или ином вопросе. Он все время учит нас не зазнаваться. Постоянно следя за развитием авиационной промышленности в Европе и Америке, товарищ Сталин всегда указывает нам на то, что мы можем взять из зарубежного опыта.

Во время приема на даче у товарища Молотова товарищ Сталин «с пристрастием» допрашивал М. М. Громова и С. А. Данилина о том, что они видели за границей во время своей последней поездки на конференцию Международной авиационной федерации.

— Только говорите на чистоту, не скрывая,—предупредил он товарищей.

Его интересовало все—данные о самолетах, их летные качества, маневренность, развитие легкой авиации, процесс обучения пилотажу, самолеты переходного типа. Данилин вскользь упомянул, что видел самолет с предкрылками (особое устройство впереди крыла, уменьшающее посадочную скорость). Товарищ Сталин спросил:

— Почему у нас не занимаются этим делом, а если занимаются, то почему не летают на таких самолетах?

А ведь далеко не все летчики знают о том, что такое предкрылки и в чем их польза.

Эту беседу товарищ Сталин закончил такой фразой:

— Нам нужно добиться, чтобы наши самолеты были во сто крат лучше заграничных. Если будут в десять раз—этого нам мало.

Неизмеримо внимание товарища Сталина к воспитанию авиационных кадров. Народ называет нас сталинскими соколами, и в это вложена оценка той исключительной заботы, которую товарищ Сталин проявляет о советских летчиках.

Он всемерно добивается, чтобы в советской авиации были не только рекордсмены, а чтобы все летчики летали отлично, знали материальную часть, умели взять от машины все, что она может дать. Современная авиационная техника—техника больших скоростей и сложного хозяйства—требует отлично подготовленных людей, идущих в ногу с этой техникой. Но кроме летного мастерства наши летчики должны обладать некоторыми другими качествами. Лучше всего это выражено в словах товарища Сталина: «Летчик—это концентрированная воля, характер, умение итти на риск». Вот эти качества товарищ Сталин неустанно воспитывает у всех работников советской авиации.

Товарищ Сталин любит летчиков. Мы чрезвычайно гордимся этим. Я помню, как, выступая на приеме в Кремле депутатов первой сессии Верховного Совета СССР, товарищ Сталин сказал:

— Грешен, но должен признаться, что я люблю летчиков. Если я узнаю, что какого-нибудь летчика обижают, у меня прямо сердце болит. За летчиков мы должны стоять горой. Если надо,—я, как тигр, готов защищать наших летчиков.

Заботу, внимание к людям авиации проявляет товарищ

Сталин ежечасно. Можно было бы привести десятки и сотни примеров этой заботы. Жизнь каждого летчика для него дорога и неоценима. Всем известно высказывание товарища Сталина в разговоре с Валерием Павловичем Чкаловым. Товарищ Сталин спросил его:

— Почему вы не пользуетесь парашютом, а обычно стараетесь спасти машину?

Чкалов ответил, что, летая на опытных, очень ценных машинах, летчик считает нужным сделать все для того, чтобы в случае аварии спасти самолет.

— Ваша жизнь дороже нам любой машины,—сказал товарищ Сталин.

Я не раз слышал, когда речь шла о каком-нибудь новом самолете, неизменный вопрос товарища Сталина: а как обеспечен экипаж в случае аварии? И, не довольствуясь общим ответом, он спрашивает конкретно: куда выпрыгнет штурман, как спасутся пилот, стрелок? Однажды товарищ Сталин осматривал модель машины, сконструированной инженером С. В. Ильюшиным. Когда конструктор закончил объяснения, Иосиф Виссарионович спросил:

— А как вы обеспечили возможность экипажу покинуть самолет в случае аварии в воздухе?

После ответа товарищ Сталин заметил, что для человека, находящегося в задней кабине, нужно обеспечить возможность более быстрого выбрасывания, и предложил расширить нижний люк. Указание товарища Сталина было немедленно выполнено. Ильюшин долго после этого разводил руками:

— Как же я, конструктор, такой простой вещи не сообразил?

Мне вспоминается случай из моей личной практики. Как-то в высотном полете у меня отказал кислородный прибор. Я успел быстро снизиться, не потеряв сознания. Об этом стало известно товарищу Сталину. Когда я обратился к нему с просьбой разрешить очередной рекордный высотный полет, товарищ Сталин спросил меня:

— А как у вас с кислородным прибором? Нужно назначить специальную комиссию, которая должна все проверить перед вылетом.

Тщетно пытаясь сообразить, откуда товарищ Сталин узнал об этом случае, я ответил, что будет всего надежнее, если все проверю сам.

— Хорошо,—сказал товарищ Сталин,—только проверьте все как следует.

Забота о людях у товарища Сталина всегда на первом плане. Во время физкультурного парада 24 июля 1938 года Папанина, Громова и меня неожиданно пригласили подняться

на левое крыло мавзолея. Там находились члены правительства во главе с товарищем Сталиным. На площади проходили выступления спортсменов. Товарищ Сталин вдруг подозвал руководителя парада и спросил:

— Как приняли приехавших физкультурников?

Тот ответил, что приняли хорошо, дали помещение.

— Ну да, помещение!—иронически сказал товарищ Сталин.— Ясно, не на улице люди ночуют. Я спрашиваю: как поместили, как обслуживают, как кормят, что им показывают?

Руководитель парада ответил, что все хорошо. Товарища Сталина, однако, этот ответ не удовлетворил.

— Все хорошо, а потом окажется, что плохо,—сказал он.— Проверьте все! Надо, чтобы люди находились в хороших условиях, чтобы их хорошо обслуживали, чтобы они были всем довольны.

Товарищ Сталин любит летчиков, бережет, лелеет, делает для нас все, но требует, чтобы и мы делали все для народа, росли, учились, не зазнавались, были скромными и простыми людьми. Он очень высоко ценит скромность. На приеме в Кремле зимовщиков дрейфующей станции «Северный полюс» был поднят тост за Героев Советского Союза, в том числе за Василия Сергеевича Молокова.

Товарищ Сталин взял слово. Он сказал:

— Молоков—один из героев скромных и простых, который боится шума. Я пью за товарища Молокова не только потому, что он герой, а потому, что он скромный, простой человек, не требующий большого блеска.

Особенно хочется сказать о внимании, которое проявляет товарищ Сталин к перелетам советских летчиков. По сути дела он душа каждого перелета. У него начинается и у него кончается всякое такое дело. Он обсуждает вместе с экипажем все детали предстоящего рейса, поправляет нас, советует. Иногда одним словом он дает новое направление и новый смысл всему перелету. Так был, например, дан Сталинский маршрут Чкалову, Байдукову и Белякову: Москва—Петропавловск-на-Камчатке. Этот маршрут был поистине мечтой для летчика. Задача была тесно связана с ростом и развитием советской авиации, с дальнейшим наступлением на Север, с завоеванием новых пространств.

В распоряжение летчиков, готовящихся к дальнему перелету, предоставляется все: средства, материальная часть, консультанты, технический персонал. Только в Советской стране возможно такое положение. Если нам нужен один запасный мотор, нам дают пять. Если нужна тонна бензина—дают десять. Если нужна одна метеосводка в день—ими засыпают с утра до ночи. И так во всех отношениях.

Товарищ Сталин целиком доверяет летчикам. Он доверяет нам самим решить о сроке вылета, о готовности самолета, о том, подходит или не подходит погода. Когда мы готовились к перелету на Дальний Восток, товарищ Сталин нам сказал, что решение о вылете должны принять мы сами, командовать с земли нами в воздухе никто не будет, все решения во время полета мы должны принимать самостоятельно.

И вполне понятно, что, чувствуя такое колоссальное доверие, летчики стараются сделать все отлично, оправдать это доверие, находят в себе новые и новые силы, чтобы выполнить порученное дело.

Я не знаю, спит ли товарищ Сталин в то время, когда идут перелеты. Думаю, что спит очень мало, ибо знаю, с каким волнением следит он за ходом полета, интересуется каждой деталью, каждой мелочью. Любая радиограмма с воздуха немедленно докладывается товарищу Сталину. Каждый час, непрерывно он в курсе всех событий. А когда перелет кончается успешно, товарищ Сталин радуется вместе с нами и даже больше нас. Он вызывает нас к себе, расспрашивает о подробностях перелета, интересуется нашими впечатлениями, заставляет рассказывать о самочувствии, заботливо спрашивает, не устали ли мы, не нуждаемся ли в чем-нибудь.

Советские летчики платят товарищу Сталину за любовь неизбывной любовью. Для нас нет ничего дороже, чем Сталин. За него, за его идеи, за его правду мы готовы итти в огонь и в воду, готовы биться с любым врагом. Советская авиация, воспитанная, взлелеянная Сталиным, стоит вокруг Сталина, вокруг большевистской партии стальной стеной.

Нет в мире такой силы, которая могла бы покачнуть несокрушимую стену советской авиации. По первому кличу, раздавшемуся из Кремля, со всех концов нашей любимой родины поднимутся в воздух тысячи и тысячи грозных боевых машин, тысячи и тысячи сталинских летчиков, готовых сражаться, разить и побеждать.

И. Гудов

Депутат Верховного Совета СССР

☆

ОН ЗОВЕТ НА ПОДВИГИ ПЕРЕД РОДИНОЙ

Когда я вспоминаю о счастливых днях встреч с товарищем Сталиным, когда я думаю о товарище Сталине, мне всегда вспоминаются слова Валерия Чкалова:

— В богатом, многообразном русском языке нет другого, более глубокого, более теплого слова, чтобы выразить наши чувства, чем слово Сталин!

Это он вызвал к жизни мощное стахановское движение, воспитывал и учил стахановцев, помогал ломать сопротивление врагов и маловеров—он, великий преобразователь жизни, наполнивший наше существование радостью и довольством.

Как и многие люди моего поколения, я вырос вместе со своей страной.

Глухая деревушка в Калужской губернии. После смерти отца остался только разоренный двор. Чтобы прокормить меня, мать ходила по деревням и просила милостыню.

Сильно печет летнее солнце. На улицах—ни души. У развалившегося сарая в тени лежит собака и, высунув язык, тяжело дышит. Маленький дом наш покривился. Старая дранка на крыше местами вывалилась—это сверху, с дороги, мальчишки и пьяные швыряют иногда камнями. Трава покрыта пылью.

Внизу, в овраге, где находится наш дом, особенно душно. Ручей пересох, и вдоль его русла стоят зеленые лужи. Я на пороге дома жду мать. Мне очень хочется есть, а ее все нет...

Только вечером на дороге показался человек. Это мой двоюродный брат—большой, суровый мужик. Посмотрел он на наше хозяйство, вздохнул, положил руку мне на голову и сказал:

— Эх ты, сиротинка...

— А мать где?

— Матери теперь нет... Ее завтра хоронить будем. Идем, пока будешь жить у меня.

Сел я на землю и заплакал...

Так началась жизнь... Впереди меня ждали лишь постоянные лишения, каторжный труд...

Но в стране происходили великие события. Они ломали веками установившийся уклад деревенской жизни. Война подошла к самой околице села, разделила людей на два враждующих лагеря. В это время я получил жизненный урок, который помог мне разобраться в событиях.

Батрачил я у кулака за Тулой. К Орлу приближались деникинцы. Советские войска отступали по всему фронту. Мы с сыном хозяина поехали пасти лошадей. Стояла осень. На дорогах—непролазная грязь. Мы пробирались вдоль опушки леса. Я хорошо ездил верхом и всегда садился на лучшую лошадь.

Из леса показались красноармейцы. Они ехали молча. Лошади были усталые, истощенные.

Подъехали ближе, остановились отдохнуть. Закурили. Дали и нам по папироске. Один из бойцов говорит мне, как старшему:

— Ну, что ж, пацан, давай меняться. Мы с Деникиным воюем—нам кони справные нужны. А у вас дома и эти, когда откормятся, хорошо работать будут.

Я подумал и сказал:

— Давай.

А сын хозяина ускакал в сторону...

Когда кулак увидел клячу, у него руки затряслись. Повалил он меня и начал бить ногами по лицу, в живот, в спину.

Только к вечеру я очнулся и убежал со двора...

Беспризорничал. Затем поступил работать на торфоразработки. Тут увидел я, что все вокруг учатся, люди растут на глазах. Ушел в город, поступил на работу. Комсомол был моим воспитателем.

Ночь, тишина. Кругом все спят. Только в моей маленькой комнате горит огонь. До самого утра сидим мы здесь с комсомольцем Васей Тарасовым—занимаемся, готовимся на рабфак.

И дела пошли успешно. Комсомол послал меня на прорывной участок—работать воспитателем в детскую колонию.

Ребята не доверяли воспитателям, не умевшим подойти к ним, и отношения установились неважные, почти враждебные. Я сумел поладить с ними—был «свой». Организовал комсомольскую ячейку, наладил учебу. А сам учиться перестал: не было времени.

Но очень трудно было вначале. Помню один случай. Решил я возить ребят в город без охраны. Поехал в первый раз. Пришли на вокзал, а они все и разбежались. Я испугался. Но билеты все же купил. Сижу, жду, а у самого на душе кошки скребут. Смотрю—по одному собираются. Ни один не убежал.

Меня назначили заведующим колонией. Я рос как организатор, но нехватало культуры, нужно было учиться. Переехал в Москву и поступил чернорабочим на завод.

Гигант советского станкостроения, один из первенцев первой пятилетки, завод имени Орджоникидзе поразил меня. Огромные, светлые цехи, сложнейшее оборудование, зеленый заводской двор, аллеи больших деревьев, клумбы с цветами, фонтаны, скамейки, волейбольная площадка...

Рабочие боролись за освоение новой техники. Жизнь вокруг меня кипела. Хотелось работать лучше и быстрее.

Учился на курсах фрезеровщиков. Ни разу не опоздал на урок, не пропустил ни одного дополнительного занятия. Кончил на «отлично».

Наконец, встал к станку. Он еще плохо слушался меня, но давно работающие, опытные рабочие помогли. И дело пошло. Я становился специалистом, и чувство радости охватывало меня. Продолжал изучать станок, старался давать только отличную продукцию.

Вскоре заметил, что работать можно быстрее. Попробовал ускорить вращение фрезы—дело идет успешнее, увеличиваю подачу—станок работает нормально. Перешел на ночные смены и в спокойной обстановке ночной работы продолжал опыты. Я уже начал ставить по две фрезы вместо одной.

Но выступить открыто с сообщением о своем открытии боялся. Тогдашние руководители завода, впоследствии разоблаченные враги народа, создали тяжелую обстановку на предприятии.

Однажды, возвращаясь с завода домой, в село Семеновское, купил, как обычно, «Правду». Прилег отдохнуть и раскрыл газету. Там была напечатана речь товарища Сталина на выпуске академиков Красной Армии. Чем дальше я читал, тем больше поражался. Встал с постели, прочел еще раз и еще раз. О людях, оседлавших технику, о кадрах, которые решают все,—вот о чем говорил Сталин.

Долго ходил по комнате, думал над его словами и решил: буду работать еще лучше, а там посмотрим.

И продолжал свои опыты. Выработка росла.

В сентябре загремел Стаханов. Старые нормы взлетели на воздух. Но на нашем заводе стахановцев еще не было. Зато были разговорчики: «Станки делать—это тебе не уголь копать!» Я решил установить рекорд.

Готовился к нему в одиночку. Много раз проверял. Достал две фрезы.

Работал ночью. Обрабатывал дефицитнейшую деталь, задерживающую сборку. Сделал восемь норм, а до смены еще далеко. Станочек убрал, он блестит, все инструменты лежат на месте.

Приходит мастер:

— Здравствуй. Почему не работаешь?

— Сделал все детали.

— А контролер принял?

— Принял на «отлично».

— А станок работает?—включает станок—все в порядке.— Ничего не понимаю.

И он ушел от меня.

Вскоре о рекорде узнал весь завод. Ко мне шли из всех цехов. Удивлялись, расспрашивали, допытывались, как я работал. Я рассказывал как мог. Рабочие увидели, что и у нас возможны стахановские темпы. Закипело на заводе. Каждый день приносил все новые и новые успехи.

После октябрьских праздников вызвали меня в заводоуправление. Там была в полном сборе вся администрация. Чувствовалось смятение, переполох. Говорят мне:

— Завтра тебе нужно быть у товарища Орджоникидзе...

Кое-кто из растерявшихся администраторов даже намекает, о чем нужно говорить и о чем не следует.

В тот день у Серго на совещании собрались первые стахановцы. Когда очередь дошла до меня, я рассказал о всех неполадках на заводе. Директор наш сидел бледный, как полотно. Товарищ Орджоникидзе обрушился на него и предложил немедленно убрать с завода саботажников.

В конце совещания Серго сказал:

— Завтра мы все пойдем к товарищу Сталину.

Я был поражен. Моя заветная мечта увидеть когда-нибудь близко товарища Сталина, услышать его голос должна была неожиданно осуществиться.

В памятный день—14 ноября я встал очень рано. Моросил осенний дождь, но на душе у меня было радостно по-весеннему. Пошел на завод, за два часа дал три нормы и уехал на совещание. Это было первое Всесоюзное совещание стахановцев.

Зал сверкал огнями. Тысячи людей ждали Сталина. Открылась боковая дверь, и он вошел вместе с членами Политбюро.

Я не спускал с него глаз. Вот он набивает трубку, поворачивается и внимательно слушает выступающих.

Товарищ Сталин выступил в конце совещания.

В зале наступила тишина. Он говорил ровным, спокойным голосом. Его слова производили огромное впечатление,

8*

запоминались навсегда. Много раз мне казалось, что товарищ Сталин говорит обо мне—следил за моей жизнью и вот анализирует ее.

Самое сокровенное было выражено в простых и удивительно верных словах:

— Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится.

В конце речи товарищ Сталин сказал:

— Что вы, члены настоящего совещания, кое-чему поучились здесь, на совещании, у руководителей нашего правительства,—этого я не стану отрицать. Но нельзя отрицать и того, что и мы, руководители правительства, многому поучились у вас, у стахановцев, у членов настоящего совещания. Так вот, спасибо вам, товарищи, за учебу, большое спасибо!

Удержать чувства нельзя было. Они вырвались наружу и вылились в овацию.

Совещание окончилось, но мы не расходились. Кто-то запел:

«Широка страна моя родная!..»

Песню подхватил товарищ Жданов. Товарищ Ворошилов дирижировал... Вместе с нами пел и товарищ Сталин. Он позвал в зал членов Политбюро. Товарищ Жданов запевал.

Возвращаясь в этот день домой, я думал о своей жизни, о товарище Сталине.

«Моя судьба,—думал я,—это судьба множества людей нашей страны. Что я особенного сделал? Я только честно трудился. Старался все силы отдавать работе. Мне помогали, учили, воспитывали. И вот теперь высоко оценили меня. Только у нас в Советском Союзе, где люди самый ценный капитал, может так вырасти человек».

Прошло несколько дней. Пришел утром на завод—меня сразу окружили рабочие. Поздравляют с награждением орденом.

— Сегодня, Иван Иванович, утром по радио об этом сообщали.

Я ничего не понимаю. Решил, что это шутка. Начал работать. Подходит начальник цеха с газетой:

— Вот, читай!

Прочитал—и все-таки не верилось. Но в газете была фотография. Посмотрел, вижу—похож...

Во время вручения орденов стахановцам в зал заседания Президиума ЦИК СССР вошел товарищ Сталин.

Серго подозвал меня и повел знакомиться.

— Это тот самый Гудов,—сказал он,—который выполнил норму на 1430 процентов.

Сталин внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Молодец!

Я сильно смутился, не знал, что ответить...

Через некоторое время, на приеме в Кремле, я снова увидел товарища Сталина. Товарищ Молотов поднял тост за меня, за мои достижения. Я просто растерялся. Спас меня товарищ Булганин. Он сказал:

— Иди к Сталину.

Иосиф Виссарионович чокнулся со мной, улыбнулся:

— За новые успехи!

Эти слова я запомню на всю жизнь: никогда не успокаиваться, добиваться все новых и новых успехов.

Во время выборов в Верховный Совет СССР на общезаводском митинге рабочие выдвинули мою кандидатуру. Предложение поддержали Московский металлопрокатный завод и завод «Станкоконструкция». Я был кандидатом сталинского блока коммунистов и беспартийных от Ленинского района.

За всю свою жизнь я не пережил так много, как за время избирательной кампании. Избиратели на собраниях встречали меня с исключительной теплотой. Их наказы сводились к одному:

— Мы верим, что вы будете крепко держать знамя партии Ленина—Сталина!

В дни подготовки к выборам я готовился к новому рекорду. Я дал обещание товарищу Сталину выполнить норму на 2500 процентов.

И вдруг слышу утром по радио: фрезеровщик-стахановец «Красного пролетария» товарищ Нестеров выполнил норму на 3313 процентов. Я поехал на завод. Осмотрел детали—вижу, работа чистая, сделана хорошо. Поздравил его.

Никита Сергеевич Хрущев после этого, выступая на одном собрании, сказал:

— Товарищ Гудов приветствует товарища Нестерова, а самого, понятно, червячок внутри точит. Но борьба не окончилась, и Гудов перекроет, в этом нет сомнения.

В день рекорда в цех приехал Никита Сергеевич. Когда я кончил смену, то оказалось, что план выполнен на 4582 процента.

И это было не самое высокое перевыполнение мною норм—после выборов я выполнил план на 9050 процентов.

Избирательная кампания была для меня политической школой. Многие прежние мысли и взгляды мои яснее определились. Я подал заявление воспитавшей меня партийной организации завода о приеме в партию.

В этот период самое яркое, на всю жизнь не забываемое впечатление у меня осталось от выступления товарища Сталина на митинге избирателей Сталинского округа в Большом театре.

Пришел заблаговременно. Встретил там всех кандидатов в депутаты от города Москвы. Меня избрали в президиум. Чтобы лучше видеть и слышать товарища Сталина, я занял крайнее место—ближе к трибуне.

Огромный зал, сверкающий золотом и красным бархатом лож, залитый ярким светом многоярусных люстр, полный народу, затих. Все ждали.

На сцену вышел товарищ Сталин. Хрустальные подвески у люстр задрожали от взрыва аплодисментов и криков «ура».

Товарищ Сталин начал говорить, и сразу все смолкло. В театре тихо. Стараюсь запомнить каждое слово, каждый жест. Ведь это он говорит и обо мне и о моих обязанностях, как будущего депутата, перед народом...

Товарищ Сталин говорит:

— Со своей стороны я хотел бы заверить вас, товарищи, что вы можете смело положиться на товарища Сталина...

У меня мелькает мысль: «Сумею ли я оправдать надежды избирателей? Буду ли я по-сталински тверд и решителен?»

Я гляжу на товарища Сталина, вижу его спокойное, открытое лицо, и волна радости заливает мне грудь.

Да! Под руководством Сталина—оправдаю. Я жизнь отдам за партию, за Сталина, за родину, за прекрасное будущее!

Товарищ Сталин закончил. Избиратели устраивают своему кандидату бурную овацию. Аплодисменты и крики не смолкают и нарастают все сильнее. Кажется, что они несутся и из-за стен театра—с заснеженных площадей столицы, где у репродукторов большие толпы с напряженным вниманием слушали речь; что они несутся с необъятных просторов Советского Союза—из городов и сел всей нашей великой родины.

Этот вечер дал мне несказанно много. У меня как-то все прояснилось. Я теперь знал, в чем основа моей будущей деятельности, знал, чего ждет от меня советский народ, чего ждет от меня товарищ Сталин...

В день выборов из избирательных участков моего округа мне по телефону сообщали о ходе выборов. А я с нетерпением ждал сообщения из 58-го участка, помещавшегося в клубе Свердлова в Кремле...

Позвонили только вечером, сообщили, что в 6 часов 50 минут проголосовали товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов.

У меня вырвался вопрос:

— Сталин голосовал за меня?!

Голос в трубке спокойно ответил.

— Голосование тайное...

Мне посчастливилось и еще несколько раз встретиться с товарищем Сталиным. На XVIII партийном съезде, где я был самым молодым членом партии (меня приняли в марте

1939 года), я слышал его исторический доклад о работе Центрального комитета партии.

При каждой встрече с товарищем Сталиным я всегда подмечал, даже в мелочах, его постоянную заботу, его особую любовь к людям.

Помню встречу на Московском аэродроме Валерия Чкалова после знаменитого перелета по Сталинскому маршруту. Не успел самолет остановиться—к нему подкатила машина, и навстречу изумленному Чкалову вышел товарищ Сталин. Он быстро подошел к смелому летчику, крепко обнял и расцеловал его...

После одного из выступлений товарищ Жданов сошел с трибуны усталый, на лбу у него выступил пот. Товарищ Сталин подошел, достал платок и вытер ему лоб...

На внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР выступали члены полномочных комиссий народных собраний Западной Украины и Западной Белоруссии. Когда делегаты поднимались на трибуну, товарищ Сталин первый вставал и стоя приветствовал посланцев освобожденных от панского ига братьев украинцев и братьев белоруссов...

Вся моя жизнь является иллюстрацией сталинской заботы о человеке в нашей стране. Вчерашний чернорабочий за год сделался квалифицированным фрезеровщиком, за стахановский труд награжден орденом Трудового Красного знамени. Энергично принявшись за учебу, через пять лет я оказался на втором курсе Промышленной академии, выпускающей инженеров. В научном обществе инженеров-машиностроителей меня избрали заместителем председателя Оргбюро. Так в Советском Союзе стираются грани между умственным и физическим трудом.

Каждая сталинская речь, каждая его статья укрепляют у людей нашей страны веру в свои силы, зовут на подвиги во имя социалистической родины, на борьбу за построение коммунистического общества, за светлое будущее человечества.

А. Байков

Академик

☆

ВЕЛИЧИЕ ГЕНИЯ

Двадцать пятого ноября 1936 года открылся Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд советов. Первое заседание было назначено в пять часов вечера в Большом зале Кремлевского дворца. Было известно, что на этом заседании товарищ Сталин выступит с докладом о проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик.

Задолго до начала заседания делегаты VIII съезда начали собираться, и в 4 часа Большой зал Кремлевского дворца был уже полон. Настроение у всех было приподнятое, возбужденное и радостное—все с нетерпением ожидали выступления товарища Сталина, которое должно было явиться величайшим событием в мировой истории. Мне также выпало великое счастье и великая честь присутствовать на этом съезде в качестве ленинградского делегата, и я, так же как и другие делегаты, чувствовал себя глубоко взволнованным.

Товарища Сталина я уже встречал на VII Всесоюзном съезде советов, но речей его и выступлений мне никогда не приходилось слышать, и я с нетерпением ожидал его доклада, посвященного вопросу величайшей важности и исключительного значения для всего человечества.

Настроение присутствующих с каждой минутой поднималось все более и более, и, когда в президиуме появился товарищ Сталин в сопровождении Молотова, Калинина, Ворошилова, Орджоникидзе, Кагановича и других членов правительства, в единодушном порыве все делегаты встали и восторженными, бурными овациями выразили волнующие их чувства и свою преданность товарищу Сталину.

Долго не смолкали шумные овации и горячие приветствия товарищу Сталину, и немало прошло времени, прежде чем собрание успокоилось и М. И. Калинин мог открыть заседание.

После вступительного слова товарища Калинина были произведены выборы президиума съезда и мандатной комиссии, утвержден порядок дня и регламент съезда. Наконец, настал долгожданный момент—на трибуну взошел Иосиф Виссарионович Сталин, появление которого было встречено еще более бурной и еще более продолжительной овацией, чем вначале.

Наконец, наступила тишина, и товарищ Сталин начал свой исторический доклад.

Доклад продолжался ровно два часа: он начался в 5 часов 40 минут и окончился в 7 часов 40 минут.

С неослабным вниманием VIII съезд слушал товарища Сталина, который захватывал слушателей все более и более. Все боялись проронить даже слово. Чувствовалось, что переживаешь такие минуты, каких еще никогда не приходилось переживать и которые никогда никем не будут забыты. Все были возбуждены, взволнованы, потрясены, и только один товарищ Сталин сохранял полное спокойствие, просто, ясно и проникновенно раскрывая существенные особенности самой демократической в мире Конституции, глубину ее социалистического содержания и ее величайшее историческое значение, Конституции, впервые осуществляющей давнишние заветные мечты лучшей части человечества.

Простота, строгая логика и последовательность изложения, отсутствие бьющих на эффект ораторских приемов характеризуют речь товарища Сталина с внешней стороны; глубина проникновения в самое существо каждого разбираемого вопроса, красота и правда высказываемых принципов и идей, неотразимая уверенность и непоколебимая воля к осуществлению их характеризуют внутреннее содержание доклада товарища Сталина, в каждом слове которого чувствовались сила и величие, присущие только гению.

Трудно выразить словами те переживания, которые испытал я, как и все другие делегаты, в этот великий, исторический день. Трудно описать ту бурю восторженных оваций и приветствий, которая поднялась по окончании доклада и которая в порыве единодушного восторга разрешилась пением «Интернационала», исполненным всеми участниками съезда. Этот день навсегда запечатлелся в моей памяти, как день, когда я был участником величайшего исторического события мирового значения.

М. Литвиненко-Вольгемут

Народная артистка СССР

☆

В ДРУЖЕСКОЙ БЕСЕДЕ...

Март 1936 года. Киевский Академический театр оперы и балета приехал на украинскую декаду в Москву. Яркая, незабываемая встреча с Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

Когда во время первого спектакля «Запорожец за Дунаем» мы, участники спектакля, увидали товарища Сталина, не было границ нашему восторгу и радости. Не забыть мне необычайной приветливости товарища Сталина. Ближе я видела и разговаривала с Иосифом Виссарионовичем, когда наш коллектив и много гостей были на приеме в Кремле. Замечательно радушно мы были там встречены. Беседы с Иосифом Виссарионовичем, его необычайно меткие замечания, реплики, необыкновенная память приводили меня в восторг.

Через несколько дней нас, несколько человек, пригласили в гости к Клименту Ефремовичу Ворошилову. Там мы встретились снова с товарищем Сталиным. В дружеской беседе больше узнаешь людей, а ведь здесь был наш замечательный человек—вождь всего прогрессивного человечества, и он так прост, как может быть только великий человек. Здесь же я расхрабрилась и попросила у товарища Сталина фотокарточку, в чем мне не было отказано. С чудной, необычайно теплой улыбкой Иосиф Виссарионович подарил мне ее со своим автографом. Позже, через два-три часа нас увезли на дачу к товарищу Сталину. У себя дома товарищ Сталин принимал нас, как радушный хозяин. Внимательность его граничила с отеческой заботливостью.

Не забуду я те минуты, когда товарищ Сталин с группой товарищей из Грузии пел грузинскую песню. Поздно мы расходились, а Иосиф Виссарионович все нас удерживал, предлагая еще посидеть. Необычайной притягательной силы у товарища Сталина его мягкая, изумительная улыбка.

В декабре 1936 г. я была выбрана делегатом Чрезвычайного VIII съезда советов. Здесь впервые я видела Иосифа Виссарионовича в деловой обстановке—и что же? Он снова прост, велик. Все мы помним его замечательный доклад. Я была выбрана в числе 220 в редакционную комиссию. Это заседание вел сам товарищ Сталин. Он вел его просто, непринужденно, по-деловому, но вместе с тем и не сухо, по-официальному. В каждом слове, реплике его чувствовался учитель, отец, заботящийся о благе своего народа. Мы все были очарованы этой обстановкой.

Для меня самое трогательное было то, что товарищ Сталин всегда здоровался со мной, когда мы заседали на съезде,—он в президиуме, а мы, и я в том числе, внизу (я в четвертом ряду сидела). Иосиф Виссарионович войдет, обведет всех взглядом, встретится глазами со мной и сразу поклонится. Нет слов передать чувство благодарности, восторга! На все заседания бежишь, бывало, как девочка, так переполнено сердце трепетом восхищения. Такой великий, так много видит людей, а запомнил меня и здоровается! Непостижимо!

Следующая встреча с товарищем Сталиным была на XVIII съезде партии. В числе многих делегатов я приветствовала XVIII съезд партии. Тот же восторг я разделяла, как и многие делегаты, и, здороваясь с Иосифом Виссарионовичем, я снова пережила чувство радости, как и тогда, на Чрезвычайном VIII съезде. Новый 1939 год я неожиданно встречала в Кремле, выступала в концерте и видела, здоровалась и пела для Иосифа Виссарионовича.